

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- ♦ мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- ♦ организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- ♦ представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- ♦ пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- ♦ подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>.
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 23.03.2026 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волыничук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексютин Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович – кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамтудинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Цээнбилег Цэвээний Дамарт – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия).

Шестаков Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сираой, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman,
V. V. Postnikov.
Corrector S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 23.03.2026. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (*Olomouc, Czech Republic*).

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (*Moscow, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Tseveenii Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences (*Ulaanbaatar, Mongolia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2026

Т. 20, № 1

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

**ТЕМА НОМЕРА: ИНСТИТУТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ОТ РЕФОРМ ВИТТЕ-СТОЛЫПИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ**

От редактора рубрики 9

Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов 11

Григоричев К. В., Комлева К. Н. "Придорожные люди": ресурсный проект "нового освоения" как механизм социально-пространственных трансформаций периферии 22

Киреев А. А. Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии российского Дальнего Востока 33

Мошков А. В. Виды экономической деятельности в процессе территориально-производственного комплексобразования на Дальнем Востоке России 45

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кузнецов А. М. Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 2) 58

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Байкалов Н. С., Цырендэшиев Ж. Ж. "Строили с листа": особенности проектирования и застройки новых городов Забайкалья в 1950-е – 1980-е гг. 67

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Федюк Р. С., Левкина Е. В. Историческая траектория концепций экологической безопасности 78

Иванова С. Н., Бямба О. Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 1) 89

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Чикова Е. В., Бородкина О. В. Медико-социальное сопровождение детей с РАС в российских регионах: вопросы взаимодействия 100

Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Костина Е. Ю. Соединяя миры: дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России 113

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Зубанова Л. Б. Турист меморативного ландшафта: "новый паломник" или "уставший урбанист"? 123

Григорьева Е. А. Идеальный город и его социальные смыслы: Ф. Л. Райт – П. Солери – С. В. Непомнящий 132

Владивосток
2026

Уханов А. Д. Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего **141**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Лукин А. Л., Волощак В. И. Россия, российский Дальний Восток и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в условиях санкционного давления **150**

Дударенок С. М. Становление и развитие международных связей институтов ДВО РАН в начале 1990-х годов **162**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Усов А. В. Профессор Наталья Алексеевна Шабельникова: к юбилею ученого **173**

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

**The Theme: Institutions of Spatial Organization
in the East of Russia:
from the Witte-Stolypin Reforms to the Present Day**

From the editor of the heading 9

Bliakher L. E., Kovalevskii A. V. Two Levels in the
Organization of Social Space in the Russian Far East: From
"Superfluous People" to a Shortage of Labor Resources 11

Grigorichev K. V., Komleva K. N. "Roadside People":
a resource project of "new development" as a mechanism
for socio-spatial transformation of the periphery 22

Kireev A. A. The State Border and Border Territories
in the Spatial Development of the Russian Far East 33

Moshkov A. V. Types of economic activity in the process
of territorial and production complex formation
in the Russian Far East 45

Theory and Methodology of Regional Studies

Kuznetsov A. M. Passions About Ethnos: Or What Theory
of It Is Still Needed? (Part 2) 58

Historical Regional Studies

Baikalov N. S., Tsyrendashiev Zh. Zh. "Built from
scratch": designing and developing new cities in Transbaikalia
in the 1950s–1980s 67

Economy and Nature

Fediuk R. S., Levkina E. V. The evolution of environmental
safety concepts 78

Ivanova S. N., Byamba O. Problems of nomadic herders in
the face of increasingly frequent weather conditions (Part 1) 89

Social and Demographic Structures

Chikova E. V., Borodkina O. I. Medical and social support
for children with ASD in Russian regions: cooperation issues ... 100

Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kostina E. Yu.
Connecting Worlds: Children of Migrants from Central Asia
in the Russian Far East 113

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Zubanova L. B. Tourist of the Memorial Landscape: "New
Pilgrim" or "Weary Urbanite"? 123

Grigoryeva E. A. The Ideal Eco-City and Its Social Meanings:
F. L. Wright – P. Soleri – S. V. Nepomnyashchiy 132

Ukhanov A. D. The digital concentration camp: on the issue
of negative images of the technological future 141

Vladivostok
2026

World System and International Regions

Lukin A. L., Voloshchak V. I. Russia, the Russian Far East and Southeast Asia: Cooperation under Sanctions **150**

Dudarenok S.M. Formation and development of international relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the early 1990s **162**

Scientific Life

Usov A. V. Professor Natalia Alekseevna Shabelnikova: on the anniversary of the scientist **173**

От редактора рубрики

Проблематика пространственной организации и пространственного развития регионов регулярно присутствует на страницах нашего журнала. В различных форматах её теоретические, методологические и эмпирические аспекты уже неоднократно обсуждались авторами "Ойкумены"¹. Особенностью очередного подхода к этой большой и всё ещё сравнительно слабо разработанной теме стало обращение к её историческому ракурсу. В фокусе тематической рубрики этого номера находятся институты, отвечавшие за изменения в пространственной организации восточных регионов России в различные исторические периоды, и прежде всего – институты государственного управления. В подготовке статей рубрики, собранной по инициативе д-ра геогр. наук А. Н. Демьяненко, приняли участие представители многих дисциплин – философы, географы, социологи и политологи.

В открывающей рубрику статье Л. Е. Бляхера и А. В. Ковалевского "Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов" анализируется пространственная организация Дальнего Востока России, порождающая устойчивый миграционный отток. Этот процесс, ставший особенно очевидным в постсоветский период, рассматривается в статье как совокупность потоков, различающихся по времени, пространственному положению и социальному статусу участников. Наиболее массовые исходы дальневосточников, по мнению авторов, связаны с изменением типов хозяйственной и социальной организации региона. В период государственного интереса к региону возникает острый недостаток рабочих рук. В период же сокращения этого интереса формируется местная система социальной и хозяйственной организации, осуществляющая сброс "лишнего" населения. Современная ситуация на Дальнем Востоке осложнена тем, что его постоянное население всё чаще заменяется вахтовыми работниками, не отражёнными в официальной статистике.

Статья К. В. Григоричева и К. Н. Комлевой "Придорожные люди": ресурсный проект "нового освоения" как механизм социально-пространственных трансформаций периферии" рассматривает влияние крупного ресурсодобывающего проекта на северной периферии Байкальского региона. Авторы ставят задачу определить, влияет ли "вахтовая миграция" как главный механизм нового освоения на изменение социальной и пространственной мобильности в районе реализации крупного ресурсного проекта. На основе полевых исследований в северном Прибайкалье, выполненных с использованием качественной методологии, показывается, что реализуемый проект оказывает воздействие на пространственную и социальную организацию местных сообществ не только в местах непосредственной разработки ресурсов, но и в более широких масштабах через транспортную инфраструктуру. Отталкиваясь от идей теории мобильностей, мультилокальности и вахты как специфического образа жизни, авторы обосновывают тезис о влиянии ресурсного проекта на быстрые изменения системы расселения, социальной организации местных сообществ и миграционного потенциала. По мнению исследователей, выявленные трансформации выступают признаками растущей мобильности общества под влиянием новой модели освоения северных периферий.

Работа А. А. Киреева "Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии РДВ" посвящена оценке воздействия государственной границы на пространственное развитие Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XXI вв. Динамика этого воздействия раскрывается через сравнительный анализ периодизации режимов функционирования границы и смены тенденций в распределении населения между приграничными и внутренними территориями дальневосточного макрорегиона. Делается вывод о формировании уже в 1860-х – 1890-х гг. "отграниченной" модели развития РДВ, в которой приграничные территории как ретрансляторы потоков

¹ Обсуждению этих проблем были посвящены, в частности, круглый стол, представленный в № 1 журнала за 2025 г., и тематическая рубрика №1 за 2022 г.

трансграничных и государственных ресурсов играли роль ядра пространства макрорегиона. В статье отмечается, что с середины XX в. центральная роль в социально-экономическом и демографическом развитии Дальнего Востока постепенно переходит к районам его морского побережья. Учитывая, что эти районы также выходят к государственной границе, морской участок которой имеет преимущества как с точки зрения диверсификации трансграничных отношений, так и безопасности, результатом данного процесса может стать новая модификация "отграниченной" модели развития РДВ.

В отличие от других статей рубрики, сосредоточенных прежде всего на социально-демографической организации и динамике восточных территорий России, работа А. В. Мошкова "Виды экономической деятельности в процессе территориально-производственного комплексобразования на Дальнем Востоке России" обращена к изучению проблем регионального экономического пространства. Статья посвящена анализу изменений территориально-отраслевой структуры (ТОС) регионов Дальнего Востока России на основе показателя валовой добавленной стоимости. Цель исследования заключается в обосновании сложившихся в настоящее время пространственных особенностей инвестиционной привлекательности отдельных видов экономической деятельности в регионах РДВ, а также в выявлении общих тенденций их развития. В статье представлены ТОС Дальнего Востока, развивающиеся под воздействием совокупности социально-экономических и экономико-географических факторов в территориально-производственные комплексы, структура которых стремится к пропорциональному сочетанию взаимосвязанных видов экономической деятельности. Основными факторами в размещении видов деятельности в структуре ТОС регионов РДВ выступают природно-ресурсный потенциал территории и акватории прибрежных морей, экономико-географическое положение относительно стран АТР, сформировавшийся инфраструктурный и демографический потенциалы.

При всех различиях в подходах и интересующих авторов рубрики "срезах" пространства восточных регионов России общим сюжетом для описываемых ими процессов является не всегда очевидное, но так или иначе прямо или косвенно ощущаемое присутствие в них государства. Институциональная среда, сформированная практиками государственного законодательства, планирования, распределения и регулирования, несмотря на всю их противоречивость, непоследовательность, а порой и оторванность от реальности, по факту играет роль основной "несущей конструкции" пространственной организации азиатских территорий страны и "колеи" их динамики. Представленные в рубрике статьи показывают, что с какого бы масштаба или ракурса этой организации ни начинали своё аналитическое движение исследователи, оно выводит их на этот институциональный каркас, вместе с природной средой образующий наиболее устойчивую и жёсткую рамку пространства любого региона "позднего освоения".

Е. В. Журбей

Научная статья
УДК 316.4.05
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется пространственная организация Дальнего Востока России, порождающая устойчивый миграционный отток. Этот процесс, особенно в постсоветский период, рассматривается не как единый, а как совокупность потоков, различающихся по времени, пространственному положению и социальному статусу участников. Наиболее массовые исходы связаны с изменением типов хозяйственной и социальной организации. В период государственного интереса к региону возникает острый недостаток рабочих рук. В период же сокращения этого интереса формируется местная система социальной и хозяйственной организации, не предполагающая такого избытка, осуществляющая сброс "лишнего" населения. Современная ситуация осложнена тем, что постоянное население всё чаще заменяется вахтовыми работниками, не отражёнными в официальной статистике.

Ключевые слова: *Дальний Восток, социальное пространство, территориальное сообщество, мобильность населения, постоянное и временное население, миграция*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/> совместно с Министерством образования и науки Хабаровского края (соглашение 116С/2024).

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 11–21. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Two Levels in the Organization of Social Space in the Russian Far East: From "Superfluous People" to a Shortage of Labor Resources

Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the spatial organization of the Russian Far East that generates a persistent outflow of population. This process, particularly in the post-Soviet period, is considered not as a single phenomenon but as a set of migration flows differentiated by time, spatial position, and the social status of participants. The most massive departures are associated with shifts in economic and social organization. During periods of heightened state interest in the region, an acute shortage of labor emerges. Conversely, when this interest declines, a local system of social and economic organization takes shape, one that does not presuppose such a surplus and, in fact, produces the expulsion of "superfluous" people. The current situation is further complicated by the increasing replacement of permanent residents with rotational (shift) workers who are not fully reflected in official statistics.

Key words: *Russian Far East, social space, territorial community, population mobility, permanent and temporary population, migration*

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (No. 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>) in cooperation with the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 116C/2024).

For citation: Bliakher L. E., Kovalevskii A. V. Two Levels in the Organization of Social Space in the Russian Far East: From "Superfluous People" to a Shortage of Labor Resources. *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 11–21. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Важнейшим инструментом конструирования социального пространства страны сегодня выступает Стратегия пространственного развития России до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Ведущей целью Стратегии применительно к Востоку России выступает преодоление сжатия социального пространства региона, оттока населения всё более явно обозначающегося в постсоветские десятилетия [4].

Процесс "сжатия" социального пространства Дальнего Востока парадоксален: при росте заработной платы (неравномерном) [18] и большом числе вакансий [19] отток населения сохраняется [2]. Это можно понять как сосуществование на одной территории двух режимов: один "выталкивает" (избыток рабочей силы и слабая поддержка), другой испытывает дефицит работников,

компенсируемый межрегиональной вахтой и иностранной миграцией. Цель работы — показать, как соотносятся эти режимы и связанные с ними сообщества. Мы рассматриваем два типа локальных сообществ: арктические поселения и сообщества юга Дальнего Востока России.

Важно подчеркнуть, что настоящая работа не является ни урбанистической, ни географической [21]. Предметом нашего исследовательского интереса является мобильность населения. Географические и градостроительные аспекты нас интересуют лишь в том случае, когда они непосредственно влияют на мобильность.

Эмпирическая база включает статистику миграции Росстата по постсоветскому периоду (обработка авторов), данные переписей по муниципалитетам и вторичные исследования (в т. ч. монография Н. Ю. Замятиной об урбанизации в Арктике и на Крайнем Севере [13]). Для интерпретации количественных трендов использованы интервью с жителями региона и бывшими дальневосточниками (2017–2024, n=12) и материалы более ранних интервью (2000–2012, n=23). Анализ интервью выполнен методами фрейм-анализа и проблематизации нарратива [3].

Теоретически мы исходим из связи "волн расселения" и типов хозяйствования с "технологическими укладами" [16]. Доминирующие технологии и логистика задают спрос на постоянное или временное население, структуру занятости и, в итоге, конфигурацию территориальных сообществ. В переходные периоды уклады могут сосуществовать, порождая разнонаправленные потоки и разные типы сообществ — эту ситуацию мы и анализируем.

Но прежде, чем перейти к анализу различий мобильности населения на уровне локальных сообществ, необходимо описать общую структуру постсоветской миграции. Внешне динамика населения в регионе выглядит достаточно линейно. После стремительного сокращения населения в начале 90-х гг. отток сохраняется до настоящего времени, хотя и замедляется на рубеже веков (см. табл. 1).

Однако при переходе даже на уровень субъектов федерации картина становится существенно более сложной.

Демографическая динамика макрорегиона имеет фазный характер [20]: резкое сокращение численности населения в 1990-е гг., замедление убыли в 2000-е и частичные развороты трендов в 2010-е – начале 2020-х. Это видно по годовым рядам численности субъектов ДФО и их агрегированным сводам, рассчитанным авторами на основе данных Росстата.

"Склон" – оценка линейного тренда численности населения в соответствующем периоде, единицы измерения: человек в год (чел./год). Расчет проводится как наклон линейной регрессии (прогрессии) на основе годовых данных Росстата. Положительные значения означают устойчивый прирост, отрицательные — устойчивое снижение.

Уже представленные данные позволяют нам выделить три типа территорий по уровню и скорости оттока населения. *Первую группу* ("смена тренда") образуют Республика Саха (Якутия) и Бурятия. В обоих случаях отрицательные наклоны 1990-х – 2000-х гг. сменяются положительными значениями в 2011–2023 гг. Здесь отмечаются относительно высокие показатели рождаемости, значительная доля сельского населения. Это частично компенсирует отрицательное миграционное сальдо. Как отмечалось выше, здесь имеется определенная этнокультурная специфика, требующая отдельного анализа.

Группу *умеренного снижения (менее 30%)* составляют: Приморский, Забайкальский и Хабаровский края, Амурская область. Общая черта – смягчение отрицательных трендов к 2010-х – 2020 гг. при сохранении убыли. К категории *существенного снижения (40–50%)* относятся Камчатский край, Сахалинская область и Еврейская автономная область. Здесь падение численности было более выраженным. При этом в каждом субъекте, демонстрирующем существенное снижение населения, присутствует набор уникальных факторов, требующих отдельного анализа, превышающего объем статьи.

Критическое сокращение демонстрируют северо-восточные территории: Магаданская область и Чукотский автономный округ. В 1990-е гг. они испытали наиболее резкое падение, а устойчивого снижения тенденции не произошло. Казалось бы, из этой закономерности "выпадает" Республика Саха. Однако огромная территория республики достаточно явно разделяется на

Табл. 1. Численность населения ДФО нарастающим итогом, чел.
 Tabl. 1. Cumulative Population of the Far Eastern Federal District, persons.

Год	Численность	Год	Численность	Год	Численность	Год	Численность
1991	10371557	2000	9007770	2009	8398485	2018	8096356
1992	10180950	2001	8895730	2010	8362625	2019	8066644
1993	10024111	2002	8811944	2011	8324638	2020	8009929
1994	9812057	2003	8725511	2012	8294534	2021	7966575
1995	9641345	2004	8641375	2013	8255021	2022	7903864
1996	9510957	2005	8550643	2014	8228649	2023	7866344
1997	9377068	2006	8478281	2015	8200444		
1998	9247925	2007	8444892	2016	8175095		
1999	9110906	2008	8414742	2017	8140965		

Источник: составлено авторами на основе [20].

Source: compiled by the authors based on [20].

южную часть, где наблюдается естественный рост населения, и северные районы, где отток населения протекает сходно с Чукоткой и Магаданом. Таким образом, выделяются два типа сообществ, наиболее специфичных для региона, и два варианта мобильности: сообщества Арктики и Крайнего Севера, сообщества южной части региона.

В целом по совокупности субъектов ДФО наблюдается замедление убыли населения: суммарный тренд среднегодового изменения численности населения составляет $-152\ 003$ человек / год в 1991–2000 гг., $-91\ 878$ человек / год в 2001–2010 гг. и $-37\ 689$ человек / год в 2011–2023 гг. (расчёт как сумма региональных трендов табл. 2).

В 2011–2023 гг. устойчивый положительный тренд зафиксирован в 2 из 11 субъектов (Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия). В остальных 9 субъектах сохраняется устойчивое снижение численности населения.

Диапазон изменения численности населения субъектов ДФО за 1991–2023 гг. составляет от $-7,6\%$ до $-67,5\%$; медианное снижение по субъектам: $-28,5\%$ (табл. 2). Наиболее выраженное сокращение характерно для Магаданской области и Чукотского автономного округа.

Проследить специфику процесса сокращения сообществ региона, ориентируясь на особенности заселения и пространственной организации сообществ¹, абстрагируясь от административных границ, мы попытаемся ниже. Дальнейший анализ строится как рассмотрение двух идеальных типов локальных сообществ (арктические / северные и южные), поскольку именно они в наиболее чистом виде демонстрируют разные механизмы сочетания оттока постоянного населения и привлечения временных работников, тогда как внутри каждого субъекта возможны дополнительные вариации, требующие отдельного исследования.

Миграция и формирование локальных сообществ северных территорий

Наиболее критическое сокращение населения фиксируется на северных и арктических территориях [13; 24]. Их освоение в значительной степени инициировалось государством и связано с индустриальным укладом и транспортными задачами (в т. ч. формированием Северного морского пути как се-

¹ Общие соображения автора на эту тему высказаны в ходе "круглого стола", организованного журналом "Ойкумена. Регионоведческие исследования". (2025. Том. 19, № 1. С. 72–83).

Табл. 2. Региональная динамика численности населения регионов ДФО по трендам (1991–2000 гг., 2001–2010 гг., 2011–2023 гг.)

Tabl. 2. Regional Population Dynamics of the Russian Far East by Trends (1991–2000, 2001–2010, 2011–2023)

Регион	Склон 1991–2000 (чел. / год)	Склон 2001–2010 (чел. / год)	Склон 2011–2023 (чел. / год)	%, изменение от 1991 к 2023 г.	Классификация
Республика Бурятия	-5900	-613	301	-7.6	смена тренда (к росту)
Республика Саха (Якутия)	-16244	-484	4190	-9.0	смена тренда (к росту)
Хабаровский край	-18757	-13401	-5577	-21.3	умеренное снижение
Приморский край	-22488	-14352	-11741	-22.0	умеренное снижение
Забайкальский край	-13538	-9205	-9479	-24.7	умеренное снижение
Амурская область	-13591	-9809	-5742	-28.5	умеренное снижение
Еврейская автономная область	-3104	-2654	-2375	-33.8	существенное снижение
Сахалинская область	-18765	-11968	-2648	-35.9	существенное снижение
Камчатский край	-12110	-8230	-2621	-39.3	существенное снижение
Магаданская область	-18101	-18159	-1749	-63.5	критическое сокращение
Чукотский автономный округ	-9405	-3003	-248	-67.5	критическое сокращение

Источник: составлено автором на основе сводных данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики.

Source: compiled by the authors on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

верного аналога Транссиба) [6; 10]. Поэтому анализ специфики мобильности целесообразно начать с этих сообществ.

Северный морской путь рассматривался как артерия, способная связать районы Крайнего Севера и Арктики, богатые полезными ископаемыми, с европейскими центрами страны. К моменту его освоения здесь проживало немного людей: главным образом представители коренных народов [9]. Основные поселения в рамках новой волны урбанизации создавались переселенцами, среди которых до 13% составляли подневольные работники [11].

Эти поселения делились на два основных типа. Во-первых, порты Северного морского пути: Тикси, Певек, Анадырь, Провидения и другие. Во-вторых, города при крупных месторождениях полезных ископаемых, чаще всего расположенные уже за пределами собственно Арктики, но в зоне Крайнего Севера. Таковыми стали, например, Мирный и Надеждинский в Якутии, Сушман и Магадан в Магаданской области [15].

И те и другие центры возникали из жёсткой экономической (добыча полезных ископаемых) и военно-стратегической (перевоска войск) необходимости [11]. Но специфика логистической ситуации была такова, что для эффективного решения главной задачи было необходимо создание практически автаркичной системы [13], поскольку доставка с "большой земли" многократно повышала издержки производства. Да и переработку было часто целесообразно организовать на месте. Очень быстро здесь формировались дополнительные производства и виды деятельности, не связанные напрямую с добычей сырья [8]. В результате складывалось двусоставное сообщество. Одна часть направлена на решение государственных задач. Другая – обеспечивает местное сообщество, решающее государственные задачи. Первое сообщество вполне видимо. Результаты его труда значимы для страны в целом. Второе

Табл. 3. Периоды (эпохи) постсоветской трансформации сообществ и мобильности населения в ДФО
 Tabl. 3. Periods (Stages) of Post-Soviet Transformation of Communities and Population Mobility in the Far Eastern Federal District

Период	Количественный индикатор (суммарный тренд, чел. / год)	Доминирующий режим организации занятости / расселения	Преобладающий механизм мобильности
1991–2000	–152 003	Демонтаж советской системы расселения и занятости; высвобождение работников	Массовый отток и "сброс" избыточного постоянного населения
2001–2010	–91 878	Локальная адаптация и формирование / укрепление местных хозяйственных схем	Замедление оттока при сохранении отрицательного баланса
2011–2023	–37 689	Усиление "больших проектов" и рост роли вахтовых / временных работников	Сочетание продолжающегося оттока постоянных жителей с восполнением дефицита трудовых ресурсов временной занятостью

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors.

– инициировалось местным управленцем или просто возникало, как форма самообеспечения, выживания.

Для оперативного руководства здесь создавались особые суперорганизации (Комитет Северного морского пути и "Дальстрой"), структуры, отвечающие не только за эксплуатацию государственно значимых направлений хозяйства, но и за развитие территорий. Они и инициировали создание "малой экономики", не связанной напрямую с выполнением государственной задачи, но делающей возможным это выполнение [17]. Возникали новые ("подсобные") производства, новые инженерные и градостроительные решения. Формировалось "второе" сообщество, которое постепенно становилось более многочисленным, нежели то, что было задействовано на "главном" направлении [8].

До распада ГУЛАГа основу ИТР и работников "подсобных" производств составляли заключённые, но постепенно росла и доля вольнонаёмных, причём особого типа. Парадоксальным образом многие ехали в пространство лагерей "за свободой". Сверхорганизация создавала "тень", в которой вполне комфортно уживались пассионарии [13]. Эта ситуация особенно заметна в 1950-х – 1960-е гг., после сворачивания лагерной системы. Так, почти во всех ретроспективных интервью присутствует фрейм, связанный с идеей "человека-хозяина", идеей "свободы на Севере".

"Сюда ехали не просто за длинным рублем. Хотя, конечно, за ним тоже. В каком-нибудь Челябинске профессор получал триста рублей после реформы, а я на Севере мог до тысячи заработать. Только это, как сказать, во-вторых, что ли. Во-первых, я на Севере почти сам себе хозяин. Я решаю, я рискую. И получаю за риск".

Мужчина, образование высшее, пенсионер, бывший инженер, 78 лет. Интервью 2014 г., г. Хабаровск.

В условиях, когда значительная часть населения оставалась жёстко прикреплённой к месту жительства, к переменам стремились наиболее активные группы. Переезд в Москву или иной крупный город, ограниченный правилами прописки, нередко сопровождался трудностями, а отношение к "лимитчикам" было настороженным и часто неприязненным [7]. Для тех, кто не желал долгие годы мириться с подобным положением ради столичной прописки, Север представлялся более привлекательной альтернативой.

Число занятых в "большой экономике" росло медленнее, чем в "местной", и северные города быстро обростали социальной и досуговой инфраструктурой — то, что Л. Хаски, описывая Аляску, назвал "феноменом Джека Лондона" [25]. В интервью фиксируется усиление связи с местом и формирование устойчивых сообществ. К 1970-м – 1980-м гг., несмотря на демонтаж

сверхорганизаций [24], складывается двусоставность: поддерживаемое государством сообщество "большой экономики" и "тень" — "малая" хозяйственная система, обеспечивавшая повседневное существование поселений, опираясь и на ресурсы отраслей, и на местные практики [4].

Ситуация изменилась в "эпоху нефти и газа". Причина заключалась прежде всего в изменившейся логистике. С развитием новых видов транспорта многие функции прежних центров стали избыточными. Переработка сырья, ранее связанная с местами добычи, переместилась в более доступные районы, а количество непрофильных производств существенно сократилось. "Большая экономика" на территории больше не нуждалась в "малой", местной экономике для своего существования [1].

Вахтовый метод, первоначально характерный для нефтяных посёлков Западной Сибири, постепенно распространился и на "старые центры". Новые собственники сбросили социальные обязательства и непрофильные производства, превратив прежних "хозяев" Севера в наёмных работников. Этот фрейм также фиксируется в интервью. Местное сообщество, связанное с "малой" экономикой, начинает деградировать. Направления, связанные с общегосударственными задачами, постепенно заменялись вахтой.

На Чукотке, где многие предприятия выработали ресурсы или стали нерентабельными, инфраструктура, быстро созданная рядом с приисками и шахтами, стремительно сворачивалась после их закрытия [5]. Снижение миграции в последние десятилетия связано скорее с тем, что число потенциальных мигрантов здесь стало статистически незначительным: местное хозяйство обеспечивает главным образом автохтонное население, а новых экономически эффективных занятий для других акторов не возникает.

Несколько иная картина складывается в крупных центрах (Магадан, Мирный, Сусуман и др.), где запасы ещё не исчерпаны. В интервью видна деградация местного сообщества и перевод части работ на вахтовый или экспедиционный метод — но не полностью. Эти поселения входят в число опорных: сохраняются административные и социальные функции, а жить здесь чаще предпочитают уникальные специалисты, инженеры и управленцы. Формируется тип опорных центров, обслуживающих "вахту" [13].

Схожие процессы, хотя менее очевидные, происходят в арктических и северных районах Республики Саха (Якутия). В целом, по республике статистика демонстрирует разворот тенденции и рост населения. Однако при рассмотрении конкретных районов и поселений видны две модели: одни напоминают Чукотку, где происходит возврат к архаическим формам хозяйствования с минимальными индустриальными дополнениями, другие ближе к Магадану, где сохраняются отдельные функции и формируются новые [12].

Динамика локальных сообществ в южных регионах Дальнего Востока

Иное развитие получили южные районы региона, главным образом расположенные вдоль Транссиба. Здесь не возникло сверхорганизаций типа "Дальстроя". Приграничное положение, угроза со стороны Японской империи и Маньчжоу-Го, а позднее — Китая, делали именно военную корпорацию главной силой, формировавшей идентичность территориального сообщества. Соответственно складывалась структура населения: воинские части и пограничные заставы, обслуживающие их организации, строительные подразделения (часть в составе СА), оборонные предприятия, составлявшие основу индустрии. Сельское хозяйство, существовавшее в Приморском крае, южных районах Хабаровского края, Забайкалье и Еврейской автономной области, оставалось статусно и численно второстепенной сферой: даже с учётом лесного хозяйства и рыболовства, рассматриваемых в качестве ключевых отраслей территории, доля занятых здесь редко превышала 18–22 % [22].

Хабаровск до 1937 г. юридически, а затем фактически до конца советского периода оставался центром макрорегиона, что сформировало здесь обширный слой бюрократии: партийной, военной (штаб ДВО) и НКВД. Владивосток сосредоточил на себе административные функции прибрежных территорий. Здесь размещались штаб Тихоокеанского флота с многочисленными учреждениями, центры подготовки военных и гражданских моряков, а также административные структуры, обслуживавшие морскую сферу.

Длительное присутствие значительного числа высокостатусных потребителей стимулировало развитие "дополнительных" сфер: образования, включая высшее, инженерной науки, медицины, социальной сферы, торговли и общепита. В крупных городах функционировали театры, в том числе театр ТОФ, ОДОРА, филармонии. Большое значение имели заводские учреждения культуры: например, ДК завода судостроителей в Комсомольске-на-Амуре был крупнейшим культурным центром города.

Разумеется, на южных территориях ДВФО (за исключением ЕАО, тогда входившей в состав Хабаровского края) существовали районы, развивавшиеся по логике "северов", как центры добычи полезных ископаемых. Однако основная часть населения Юга Дальнего Востока жила не там. Причём значительная и наиболее статусная её часть не рассматривала эти территории как место постоянного проживания. Военнослужащие и сотрудники силовых ведомств, находившиеся здесь временно, были ориентированы на миграцию.

Непостоянным было и положение "приглашённых специалистов" (инженеров, врачей, преподавателей и др.): отработав несколько лет и получив льготы, многие возвращались домой. Вертикальная организация управления предполагала, что на определённом этапе карьеры следовал отъезд [23]; переезд, особенно в столичные центры, трактовался как показатель карьерного роста.

Однако большая часть населения территориального сообщества, особенно его новая часть, была связана не с элитными сферами деятельности: армией, службами безопасности, партийно-советской бюрократией или уникальными специалистами, а с функционированием оборонных предприятий, обслуживанием военных баз и военных городков.

Оборонные предприятия, появление которых часто совпадало с возникновением нового города или посёлка, вызывали не только приток большого числа законтрактованных работников, но и формирование разветвлённой социальной инфраструктуры и системы подсобных производств, содержащихся самими предприятиями. Фрейм, связанный с ролью социально-культурной инфраструктуры крупных производств, прослеживается в интервью совершенно чётко.

"Если у властей в городе (Комсомольске-на-Амуре – прим. автора) возникали проблемы, то куда он шёл? Понятное дело – к директору завода имени Гагарина. На него всё замыкалось. Котельные, /.../ отапливали – от завода. Школы, садики – от завода. Проще сказать, чего завод не делал". Мужчина, 63 г., образование высшее, преподаватель Тихоокеанского государственного университета, бывший житель Комсомольска-на-Амуре, г. Хабаровск.

События первой половины 1990-х гг. в южной части Дальнего Востока были связаны прежде всего с резким сокращением числа воинских частей и конверсией предприятий ВПК. В результате уменьшалась не только численность офицеров, но и количество предприятий, обслуживавших военные гарнизоны. В разы сокращалось число рабочих как на оборонных заводах, так и в организациях, связанных с "оборонкой". В кратчайшие сроки в регионе возникла масса "лишних" людей, что стало мощным выталкивающим фактором.

Однако действовал не только этот механизм. В поток отъезжающих включались традиционно мобильные группы: военнослужащие, сотрудники силовых ведомств, представители администраций. Если раньше убытие офицера к новому месту службы сопровождалось его заменой, то теперь фиксировался только отток. Ликвидация партийных структур КПСС и ВЛКСМ также выступила фактором выталкивания. Уезжали и приглашённые специалисты, причём замены им уже не прибывало. Сокращение финансирования учреждений культуры и образования вызвало дополнительный отток в этих сферах [3].

Подобные процессы наблюдались и в других частях страны, однако столь массовый исход оказался характерен именно для описываемой территории. Здесь сказалось то, что до 60 % жителей региона [14] прибыли в 1960-е – 1980-е гг. (на новые заводы, воинские части, строительство БАМа и др.). Переселенцы последних советских миграционных потоков, особенно в южной части региона, сохраняли связь с точкой исхода. Это существенно облегчало отъезд, снижая издержки миграции. Всё это и воплотилось в резкое сокращение населения (см. табл. 3) в первой половине 1990-х гг.

Оставшаяся часть населения, сбросив избыток "лишних" людей, в кратчайшие сроки выстраивала новую экономику, ориентированную на выживание местного сообщества, направленную и на автаркию, напоминающую "малую экономику" северных сообществ. В отличие от прежней системы, реликты которой продолжали деградировать десятилетиями, новая экономика опиралась на торговлю сырьём с сопредельными странами, на местную ресурсную базу и наличные трудовые ресурсы. Под эгидой губернатора [3] происходило частичное восстановление социальной сферы. Отток населения не прекращался, но его масштабы снижались.

В 2000-е усилился приток федеральных ресурсов в регионы, что сопровождалось снижением интенсивности миграции на макроуровне (табл. 3) и расширением занятости. Однако к концу десятилетия фиксируется новый отток бизнесменов и администраторов: рациональнее стало находиться ближе к "истоку" финансового потока. В 2010-е изменение роли губернаторов и ужесточение борьбы с "серой экономикой" [3] ускорили угасание "губернаторской" хозяйственной системы. Её сменяет эпоха "больших проектов": она опирается на государственное (или квазигосударственное) финансирование, активно использует вахту и тем самым сокращает спрос на постоянное население, одновременно усиливая кадровый дефицит.

Дискуссия

Ряд положений настоящей работы следует рассматривать как гипотезы, требующие дальнейшей проверки и уточнения. Во-первых, влияние вахтовой занятости на реальную численность населения и инфраструктурную нагрузку может быть недооценено в силу ограничений официальной статистики, фиксирующей преимущественно постоянное население. Во-вторых, предложенная дихотомия "двух уровней организации" и типология сообществ (арктические / южные) носит аналитический характер и неизбежно упрощает внутрисубъектное разнообразие режимов занятости и мобильности. В-третьих, причинные связи между изменением логистики, технологических режимов и трансформацией локальных сообществ реконструируются на основе совмещения статистических трендов и нарративов и требуют дальнейшего эмпирического уточнения.

Тем не менее, даже с учётом указанных ограничений, сочетание фазной статистической динамики и устойчивых фреймов в интервью позволяет интерпретировать миграционные процессы в ДФО как результат сосуществования двух режимов социально-экономической организации, предъявляющих различные требования к численности и типу населения (постоянное / временное).

Таким образом, анализируя статистические данные, массив интервью (нарратив) и вторичные данные, можно предположить с высокой степенью достоверности, что в регионе имеются две не всегда связанные между собой хозяйственные системы.

Одна ориентирована на решение значимых общегосударственных задач. Именно о ней отчитываются региональные руководители. Но эта хозяйственная система минимально влияет на самообеспечение территориального сообщества. В результате складывается и иное сообщество, не особенно связанное с основным направлением, но обеспечивающее и себя, и тех, кто на этом направлении занят. Это "местное" сообщество в условиях Крайнего Севера использовало, в основном, ресурсы, перетекающие из "большой экономики", поэтому оказывалось особенно уязвимым. Здесь можно выделить два этапа мобильности: формирование сообщества с установкой на автаркию в 1930-е – 1970-е гг.; его деградация в последующий период, усилившаяся после распада СССР. Возрастание роли Северного морского пути в современных условиях едва ли приведёт к восстановлению устойчивых поселений в этом пространстве. Скорее, речь может идти о более или менее временных жителях (вахта, командировка, экспедиция) в важных логистических или добывающих центрах.

В южных районах, там, где ресурсная база была больше, сообщество было более устойчивым. Тем не менее, и здесь разделение на два уровня (областной и локальный) было более или менее явным. Распад хозяйственной системы СССР для Крайнего Севера стал катастрофой, вызвавшей дегра-

дацию и "большого", и "малого" сообщества, поддерживаемого государством. Восстановление отраслей "большого" хозяйства здесь шло, если шло, на иных условиях, требующих существенно меньше человеческих ресурсов. Соответственно, здесь возникает более сложная картина миграции, трансформации территориальных сообществ в постсоветский период. На первом этапе (см. таблицу 2) идёт деградация советской системы расселения, сброс избыточного населения. Но возникает, в отличие от "северного" варианта, промежуточный период и новое *региональное* сообщество.

В южных районах "малое" хозяйство и ориентирующееся на него сообщество занимало весь советский период подчинённое положение, его представители обладали относительно низким статусом. Положение дел меняется после распада СССР, когда "большое хозяйство" (ВПК, военные городки) сворачивается. Здесь "местная экономика" становится ведущей сферой. Соответственно, она формирует новое сообщество, возникающее во второй половине 1990-х гг., процветающее в первое десятилетие текущего века.

Возврат государства и "больших проектов" приводит к деградации общества, сложившегося в 1990-е гг. Впрочем, в отличие от ситуации Крайнего Севера, деградация эта гораздо менее полная и менее стремительная, что и даёт нам картину снижения отрицательных трендов. Наличие крупных логистических центров, системы крупных узлов и НИИ (ДВО РАН), развитой социально-культурной инфраструктуры повышает шансы на обретение территориальным сообществом новых смыслов и форм существования. Тем не менее, наличие и дальнейшее распространение вахты и здесь вносит свои коррективы, повышая мобильность прежде вполне стационарного населения.

Заключение

Парадокс ДФО, где сохраняется устойчивый отток при дефиците работников и росте зарплат, можно объяснить сосуществованием двух режимов хозяйственной и социальной организации, по-разному предъявляющих спрос на постоянное и временное население. Отсюда следует, что меры "закрепления населения" и кадровое обеспечение крупных проектов должны различаться по логике и адресатам, а планирование инфраструктуры в опорных центрах – учитывать временную занятость и временное население. Схожие конфигурации описаны и для других северных ресурсных территорий (например, Аляски [24]), что задаёт сравнительную перспективу; вместе с тем интерпретация требует дальнейшей эмпирической проверки на уровне муниципалитетов и по индикаторам временной мобильности. Для практической политики важно различать эти режимы при оценке нагрузки на жильё, образование и медицину в опорных центрах и при выборе адресатов поддержки. Это позволяет избежать "переплаты" за меры, которые не затрагивают реальные механизмы отъезда.

В современных условиях формируются новые вытесняющие факторы и группы, ориентированные на исход: (1) жители, связанные с деградирующей "губернаторской" и реликтовой советской экономикой, порождающей новых "лишних" людей; (2) управленцы прежней эпохи, которых вытесняют команды федеральных проектов; (3) молодёжь и мобильные профессиональные группы, для которых отъезд по-прежнему воспринимается как этап карьерного роста. Их сменяют новые управленцы и контролёры, формирующие опорные центры и организующие вахтовые схемы, что усиливает ощущение "временности" даже у тех, кто остаётся в регионе.

Процесс этот далёк от завершения и на ряде территорий (в т. ч. Камчатка и Сахалин) остаётся разнонаправленным. Расширение вахтовых схем сокращает спрос на постоянный труд и вытесняет часть работников, тогда как элементы прежних систем занятости и расселения сохраняются. Новая связка постоянного и временного населения и связанных с ними практик управления лишь формируется.

Литература

1. Алешкевич Е. С. Реализация политических решений освоения Крайнего Севера: к истории развития вахтового метода // Крайний Север: особенности труда и социализации человека – Био-

- графия, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе Материалы научно-практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4–6 декабря 2008. Б.м., 2008. С. 102–109.
- Aleshkevich E. S. Implementation of Political Decisions on the Development of the Far North: On the History of the Development of the Shift Method // *Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern Industrial City – The Far North: Particularities of Labour and Human Socialisation*. 2008. P. 102–109. (In Russ.)
2. Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Сердюков К. Н., Яковлев А. И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 2 (65). С. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>
 - Ardal'yanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kovalevskii A. V., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I. Migrants and Migration in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2023. No. 2 (65). P. 69–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>
 3. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
 - Blyakher L. E. The Art of Uncontrolled Life. Moscow: Europa, 2014. 208 p. (In Russ.)
 4. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте. Антропологические очерки за пределами властного регулирования. М.: Common Place, 2024. 272 с.
 - Blyakher L. E., Grigorichev K. V., Kovalevskii A. V. Life in the Void: Anthropological Essays Beyond Power Regulation. Moscow: Common Place, 2024. 272 p. (In Russ.)
 5. Бреславский А. С. "Нерентабельная" урбанизация: трансформация сети городских поселений Чукотки в конце 1980-х – 2010-х гг. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2022. № 4. С. 53–60.
 - Breslavskii A. S. "Unprofitable" Urbanization: Transformation of the Network of Urban Settlements of Chukotka in the Late 1980s–2010s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4. P. 53–60. (In Russ.)
 6. Великая Сибирская железная дорога. Санкт-Петербург: Издание канцелярии Комитета министров, 1901. 16 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/400132> (дата обращения: 20.09.2025).
 - The Great Siberian Railway. St. Petersburg: Publishing Office of the Committee of Ministers, 1901. 16 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/400132> (accessed 20.09.2025). (In Russ.)
 7. Горлов В. Н. Московские лимитчики 1960–80-х гг. как особая категория жителей столицы. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2018. № 1. С. 72–80.
 - Gorlov V. N. Moscow "Limitniki" of the 1960s–1980s as a Special Category of the Capital's Residents. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2018. No. 1. P. 72–80. (In Russ.)
 8. Грибанова И. В. Дальстрой: экономическое освоение Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. *Экономическая история: ежегодник*. 2009. С. 453–506.
 - Gribanova I. V. Dalstroy: Economic Development of the North-East of the USSR in the 1930–1950s. *Economic History: Yearbook*. 2009. P. 453–506. (In Russ.)
 9. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
 - Gurvich I. S. Ethnic History of North-Eastern Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
 10. Гуриева Л. К. Концепция технологических укладов. *Инновации*. 2004. № 10. С. 70–75.
 - Gurieva L. K. The Concept of Technological Structures. *Innovations*. 2004. No. 10. P. 70–75. (In Russ.)
 11. Емелина М. А., Филин П. А., Савинов М. А. Военно-стратегическое значение Северного морского пути: исторические аспекты. *Военно-исторический журнал*. 2019. № 7. С. 4–13.
 - Emelina M. A., Filin P. A., Savinov M. A. The Military-Strategic Significance of the Northern Sea Route: Historical Aspects. *Military-Historical Journal*. 2019. No. 7. P. 4–13. (In Russ.)
 12. Журавель В. П., Назаров В. П. Северный морской путь: настоящее и будущее. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2020. № 2. С. 140–158.
 - Zhuravel V. P., Nazarov V. P. The Northern Sea Route: Present and Future. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2020. No. 2. P. 140–158. (In Russ.)
 13. Замятина Н. Ю. Город в пустоте. Урбанизация и Арктика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 456 с.
 - Zamyatina N. Yu. City in the Void. Urbanization and the Arctic. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2025. 456 p. (In Russ.)
 14. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Горожанин в поисках сообщества: особенности организации дальневосточного городского пространства (на примере города Хабаровска). *Идеи и идеалы*. 2023. Т. 15, № 1. С. 134–147.
 - Kovalevskii A. V., Blyakher L. E. The Citizen in Search of a Community: Features of the Organization of Urban Space in the Russian Far East (The Case of Khabarovsk). *Ideas and Ideals*. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 134–147. (In Russ.)
 15. Лукин И. И. Первостроители. Из истории строительства на Крайнем Северо-Востоке СССР. Магадан, 1986.
 - Lukin I. I. The First Builders. From the History of Construction in the Far North-East of the USSR. Magadan, 1986. (In Russ.)

16. Пилясов А. Н. Новая экономическая география и её потенциал для изучения размещения производительных сил в России. *Региональные исследования*. 2011. № 1. С. 3–31.
Pilyasov A. N. New Economic Geography and Its Potential for Studying the Distribution of Productive Forces in Russia. *Regional Studies*. 2011. No. 1. P. 3–31. (In Russ.)
17. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Суперорганизации в управлении Арктикой: исторический опыт и современные интерпретации // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее. М.: Паулсен, 2020. С. 160–173.
Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. Super-Organizations in the Governance of the Arctic: Historical Experience and Contemporary Interpretations // State and Public Organizations in the Governance of the Arctic: Past, Present, Future. Moscow: Paulsen, 2020. P. 160–173. (In Russ.)
18. Рубина А. Е. Рекомендации по улучшению социально-демографической ситуации на Дальнем Востоке в современных условиях. *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2018. Т. 3, № 3. С. 129–134.
Rubina A. E. Recommendations for Improving the Socio-Demographic Situation in the Far East under Current Conditions. *Migration and Socio-Economic Development*. 2018. Vol. 3, No. 3. P. 129–134. (In Russ.)
19. Рязанцева М. В. Стимулирование притока трудовых ресурсов на территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока. *Российское предпринимательство*. 2015. Т. 16, № 18. С. 3091–3102.
Ryazantseva M. V. Stimulating the Inflow of Labor Resources into the Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Far East. *Russian Entrepreneurship*. 2015. Vol. 16, No. 18. P. 3091–3102. (In Russ.)
20. Садловская М. В., Ковалевский А. В., Блякхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 гг. Часть 1. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 4. С. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>
Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Blyakher L. E. The Road from East to West: Interregional Migration Exchange in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1. *Ojkuмена. Regional Researches*. 2024. No. 4. P. 95–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>
21. Стась И. Н. Множественная урбанистика и ее языки описания. *Городские исследования и практики*. 2024. № 9(4). С. 6–21.
Stas I. N. Multiple urbanism and its languages of description. *Urban Research and Practice*. 2024. No. 9(4). С. 6–21.
22. Трофимов И. А., Трофимова Л. С., Яковлева Е. П. Земля и сельское хозяйство Дальнего Востока. *Жизнь Земли*. 2022. Т. 44, № 2. С. 192–201.
Trofimov I. A., Trofimova L. S., Yakovleva E. P. Land and Agriculture of the Russian Far East. *Life of the Earth*. 2022. Vol. 44, No. 2. P. 192–201. (In Russ.)
23. Туфанов Е. В. Номенклатура – политическая элита Советской России // Общественные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2014. С. 9–11.
Tufanov E. V. The Nomenclature – Political Elite of Soviet Russia // Social Sciences: Issues and Development Trends: Proc. of the Int. Sci.-Practical Conf. Krasnoyarsk, 2014. P. 9–11. (In Russ.)
24. Широков А. И. Формы и методы колонизации Северо-Востока СССР в 1930–1950-е гг.: Дальстрой. *Вестник ТГУ*. 2009. № 322. С. 110–114.
Shirokov A. I. Forms and Methods of Colonization of the North-East of the USSR in the 1930–1950s: Dalstroy. *Bulletin of TSU*. 2009. No. 322. P. 110–114. (In Russ.)
25. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. *Northern Review*. 2017. Vol. 44. P. 327–346.

Информация об авторах

Леонид Ефимович Блякхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, проректор по молодежной политике Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Information about the authors

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Vice-Rector for Youth Policy, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

"Придорожные люди": ресурсный проект "нового освоения" как механизм социально-пространственных трансформаций периферии

Константин Вадимович Григоричев
Иркутский институт химии СО РАН, Иркутский государственный университет;
Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Кристина Николаевна Комлева
Иркутский институт химии СО РАН Иркутск, Россия, komleva@irioch.irk.ru

Аннотация. На основе идей мобильности, мультилокальности и связанных с ними представлений о "вахте" как об образе жизни, авторы рассматривают влияние крупного ресурсодобывающего проекта "нового освоения" северной периферии Байкальского региона. Авторы ставят задачу определить, влияет ли "вахтовая миграция", как главный механизм нового освоения, на изменение социальной и пространственной мобильности в районе реализации крупного ресурсного проекта. На основе полевых исследований в северном Прибайкалье, выполненных на основе качественной методологии, показывается, что реализуемый проект оказывает влияние на пространственную и социальную организацию местных сообществ не только в местах непосредственной разработки ресурсов, но и в более широких масштабах через транспортную инфраструктуру. Отталкиваясь от идей теории мобильностей, мультилокальности и вахты как специфического образа жизни, авторы обосновывают тезис о влиянии ресурсного проекта на быстрые изменения системы расселения, социальной организации местных сообществ и рост миграционного потенциала. В более широкой перспективе выявленные трансформации выступают признаками растущей мобильности общества под влиянием новой модели освоения северных периферий.

Ключевые слова: периферия, ресурсное освоение, мобильность, система расселения, локальные сообщества, власть

Статья подготовлена в рамках темы госзадания "Байкальский регион: особенности и приоритеты пространственного развития в контексте обеспечения эколого-социально-экономической устойчивости уникальной природной системы. Бюджетный цикл 2026–2030 гг."

Для цитирования: Григоричев К. В., Комлева К. Н. "Придорожные люди": ресурсный проект "нового освоения" как механизм социально-пространственных трансформаций периферии. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/22-32>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/22-32>

"Roadside People": a resource project of "new development" as a mechanism for socio-spatial transformation of the periphery

Konstantin V. Grigoriev
Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Kristina N. Komleva
Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, komleva@irioch.irk.ru

Abstract. Drawing on the concepts of mobility, multilocality, and the related notion of shift work as a way of life, this article examines the impact of a large-scale resource extraction project associated with the "new development" of the northern periphery of the Baikal region. The study aims to assess whether shift migration, understood as a key mechanism of this new development model, contributes to transformations in social and spatial mobility within the area affected by a major resource project. Based on qualitative field research conducted in the northern Baikal region, the findings demonstrate that the project reshapes the spatial and economic organization of local communities not only within zones of direct resource extraction but also across a wider area through transport infrastructure. By engaging with theories of mobility, multilocality, and shift work as a specific mode of living, the article substantiates the argument that the resource project drives rapid changes in settlement patterns and the social organization of local communities, while simultaneously expanding local mobility potential. From a broader perspective, these transformations reflect the growing importance of social mobility under the influence of contemporary models of resource-led development in northern peripheral regions.

Key words: periphery, resource development, mobility, settlement system, local communities, power

The article was prepared within the framework of the state-funded research project "The Baikal Region: Features and Priorities of Spatial Development in the Context of Ensuring the Environmental, Social, and Economic Sustainability of a Unique Natural System. Budget Cycle 2026–2030."

For citation: Grigoriev K. V., Komleva K. N. "Roadside People": a resource project of "new development" as a mechanism for socio-spatial transformation of the periphery. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 22–32. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/22-32>

Введение

В идеях нового освоения северных периферий Восточной Сибири территория освоения, как правило, рассматривается через оптику крупных экономических проектов, в которых Сибирь предстает, если не однородным, то лишь условно районированным пространством [1; 7]. Как показывают А. Н. Пилясов и Н. Ю. Замятина, такой подход наиболее характерен для регионально-экономических исследований [10, с. 59–60]. С позиций экономической географии признается гетерогенность пространства освоения, однако и здесь, так же как в первом из обозначенных подходов, за скобками крупных проектов и их макроэкономических эффектов во многом остаются локальные и микрорегиональные социальные эффекты.

В значительной мере такой взгляд положен и в Стратегию пространственного развития России до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. [13]. Приоритетными направлениями развития для Сибири определены реализация крупномасштабных ресурсодобывающих и перерабатывающих проектов, построение производственных цепочек и промышленных кластеров высоких переделов, снятие инфраструктурных ограничений трансграничных взаимосвязей и т. д. Преодоление рисков и ограничений, связанных с территориальным перераспределением населения и его концентрацией в крупных агломерациях, предполагается через поддержку развития сети опорных населённых пунктов, перечень которых зафиксирован в приложении к Стратегии. Предполагается, что такая сеть расселения обеспечит сохранение населения как трудовых ресурсов для реализации проектов, что в значительной мере воспроизводит логику опорного каркаса расселения как фактора регионального развития в научно-исследовательской Программе "Сибирь", сформировавшейся на рубеже 1970-х – 1980-х гг.

Однако, в отличие от "освоения с чистого листа", характерного для советской модели, российская модель во многом опирается на инфраструктурный фундамент предыдущего освоения [10, с. 63], включающий систему расселения и транспортных связей. Это в значительной мере предопределяет неизбежное влияние крупных проектов нового освоения на локальные сообщества, попадающие как в зону непосредственной реализации проектов, так и в сферу их инфраструктурного влияния, прожигивающие как в опорных населённых пунктах, указанных в приложении к Стратегии, так и в иных поселениях, в том числе расположенных за пределами непосредственной реализации проектов, но связанных с обеспечивающей инфраструктурой – транспортной, энергетической и другой. Если опорные города и посёлки уже достаточно давно являются объектами исследовательского внимания [5], то влияние на жизнь локальных сообществ автодорог, обслуживающих проекты нового освоения, пока остаётся "за кадром".

В экономических исследованиях влияние крупных ресурсных проектов на локальную экономику рассматривается через дискуссию о воздействии "ресурсного проклятия" на местном уровне. Как показывают Дж. Каст и С. Пулхекке, ряд исследований демонстрируют положительное влияние крупных ресурсных проектов на локальное развитие через расширение занятости, рост заработной платы и цен на жильё [21, р. 256]. И хотя есть отдельные работы, указывающие на возможность негативного влияния таких проектов на локальный малый бизнес [17], формирование локального дефицита рабочих рук (прежде всего, квалифицированных), ограничений транспортной и энергетической инфраструктуры [22], в целом крупные ресурсодобывающие проекты оцениваются скорее как позитивный фактор местного развития [16].

Механизмы влияния крупных ресурсодобывающих проектов на местное социальное развитие, как правило, связываются с изменением уровня жизни местных сообществ [25; 26], распространённости практик корпоративной социальной ответственности [11] и воздействием таких проектов на жизнь коренных народов, возможности для ведения ими традиционного хозяйства и природопользования [19]. Последний взгляд особенно распространён применительно к арктическим и субарктическим территориям, в том числе и в российских исследованиях [14]. В большинстве случаев анализ такого воздействия связан с непосредственными локальностями добычи ресурсов и направлен на проблемы ограничения пользования землей, влияние на дикую природу и, шире, на экологическую ситуацию в целом.

Вместе с тем, представляется, что локальные сообщества, через пространство повседневности которых проходят такие дороги, могут испытывать едва ли не большее воздействие [24]. В этой статье мы попытаемся показать влияние крупного ресурсного проекта на жизнь местных сообществ, локализованных вдоль автодороги "Качуг–Магистральный" (Р418), являющейся одной из основных в обслуживании разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области [6]. Своей задачей мы видим определение того, как ресурсодобывающий проект и связанные с ним рост транзитной мобильности приводят в движение локальные сообщества, детерминируют трансформации как пространственные (прежде всего, в системе расселения, организации населённых пунктов), так и социальные – существенные изменения неформальных иерархий, локальных рынков труда, практик повседневности.

В качестве теоретической рамки анализа мы используем теорию мобильности [15] и представления о мультилокальной организации жизни как одной из производных от общих идей подвижности [23]. В более широком контексте мы апеллируем к мысли Зигмунда Баумана о том, что одной из ключевых составляющих социальной модернизации является рост мобильности, охватывающий как структурную организацию общества, так и все формы социальной и пространственной мобильности [18]. Важными для интерпретации нашего эмпирического материала являются идеи Г. Заксингер о "вахте" как специфическом образе жизни [27], развивающие на российском материале концепции мобильности и мультилокальности как основы организации жизни вахтовых работников.

Основной территориальный фокус связан с участком дороги от райцентра Качуг до посёлка Чикан на территории Качугского и Жигаловского районов Иркутской области, поскольку именно здесь сконцентрированы постоянные населённые пункты, сложившиеся до начала масштабного освоения Ковыктинского месторождения (до 2012 г.). Далее вдоль автодороги постоянных населённых пунктов, существовавших до этого времени, нет. В основе наших рассуждений лежат нерегулярные наблюдения за данным участком в течение 2012–2024 гг. и специальное полевое исследование 2025 г. Последнее реализовано как натурное обследование с картографированием деловой активности, динамики застройки поселений и серия фокусированных и биографических интервью в населённых пунктах Качугского и Жигаловского районов Иркутской области. Нами обследованы 15 населённых пунктов, включая районный центр пос. Жигалово, расположенных на этом отрезке дороги. Интервью проведены с представителями руководства районной и трёх поселенческих администраций, сотрудниками сферы социального обеспечения, малого бизнеса, пенсионерами (в том числе бывшим сотрудником РОВД), работниками гостиничного сервиса и общественного питания.

"Дорога жизни, дорога смерти": автотрасса в трансформации системы расселения

Активное освоение Ковыктинского месторождения началось после приобретения прав на разработку месторождения ПАО "Газпром" в 2012 г. С этого момента на рассматриваемом участке автодороги резко вырос поток транспорта, перевозивший грузы и людей. По оценкам представителей районных администраций, здесь проходит более пятисот большегрузных (до 130 т) автомашин ежедневно, а также до ста автобусов и "вахтовок", перевозящих рабочих. Потребности сопутствующих производств, включая обслуживание самой дороги, регулярно требует перевозки крупногабаритных грузов весом более 100 т. Качество автодороги (в основном это узкая полоса со щебеночным покрытием) не рассчитано на такую интенсивность, и столь высокая нагрузка быстро приводит отдельные участки дороги в полную негодность.

В результате средняя скорость движения транспорта по дороге невысока, что обуславливает необходимость остановок на относительно небольшом участке дороги (расстояние от пос. Качуг до пос. Жигалово – около 100 км) и потребность в обслуживании водителей и пассажиров. Это стимулирует развитие локальной деловой активности (часто неформальной), связанной с обслуживанием транзитного транспортного и пассажирского потока, названной Л. Бляхером "придорожной экономикой" [2]. Во всех населённых пунктах, где

такая активность была выявлена, она концентрируется вдоль автодороги, как правило, совпадающей с центральной улицей. Именно здесь действует сфера обслуживания (магазины, кафе, места размещения, небольшие СТО и т. д.), сюда же стягиваются объекты социальной сферы и управления (администрации, почта, библиотеки, образовательные учреждения). В стороне от неё зафиксировать деловую активность по обслуживанию транзитного потока не удалось. Однако и какой-либо иной деятельности здесь почти не фиксируется, за исключением немногочисленных фермерских хозяйств.

Наиболее рельефно этот процесс проявляется в районном центре посёлке Жигалово, ставшем в последнее десятилетие одной из опорных точек развития Ковыкты. Формально не являясь пунктом базирования ни "Газпрома", ни его подразделений или субподрядчиков, посёлок, тем не менее, является ближайшим к месторождению относительно крупным (более 5 тыс. жителей) населённым пунктом на пути к Иркутску. Именно через него проходит дорога к объектам месторождения, идёт трафик грузов и людей. И хотя трасса проходит по касательной к основной территории посёлка (дорога не совпадает с центральными улицами и считается "объездной"), её влияние хорошо заметно. Здесь в последние годы строятся гостиницы, в том числе достаточно комфортабельные в едином комплексе с супермаркетом, концентрируются кафе, стоянки для большегрузного транспорта и специальной техники, дорожные сервисы. Показательно, что плотность такой инфраструктуры стремительно падает по мере удаления от объездной дороги и уже в центре посёлка невозможно найти кафе (табл. 1).

Вдоль объездной дороги располагаются всё новые объекты строительства, как жилого, так и иного назначения: новая школа и детский сад с комплексом жилых домов для их сотрудников и работников районной больницы, частная застройка, получившая неофициальное название "наша Рублевка". Символично, что именно возле объездной автодороги построен новый физкультурно-оздоровительный комплекс и детский сад, ведётся строительство нового районного центра культуры и творчества.

Безусловно, в выборе такого пространственного вектора развития посёлка есть рациональные причины: значительная часть его территории, примыкающая к реке Лене, при пересмотре генерального плана попала в водоохранную зону, что обуславливает невозможность нового капитального строительства и значительных реконструкций. Тем не менее, пространственный центр развития посёлка оказался смещён на его периферию, а его осью стала автодорога. Она же стала и новой основой формирования символического капитала: включённость в её сферу атрибутирует перспективность проектов и растущий статус их участников.

Однако автодорога становится ресурсом развития лишь в нескольких наиболее крупных населённых пунктах. Так, на участке от пос. Качуг до пос. Жигалово в 7 из 10 населённых пунктов (без учёта районных центров) какой-либо "придорожной экономики" не выявлено. Для небольших транзитных поселений, где остановки возможны лишь по экстремным поводам, дорога становится фактором стимулирования миграции. Сложность сохранения привычных практик жизни и хозяйства (всё негативное воздействие дороги – невозможность свободного выпаса скота, шум, запыленность и т. д. – здесь присутствует в полной мере) не компенсируется новыми возможностями, и подталкивает жителей к переезду либо в райцентры, либо в региональную столицу и дальше. Как следствие, значительная часть деревень, расположенных вдоль автодороги вблизи районных центров или крупных сел, фактически перестали существовать. Представители районной администрации прогнозируют стягивание всех жителей в районный центр и одно-два крупнейших поселений вдоль дороги в перспективе 10–15 лет.

"Я думаю, лет через 10–15 всё сюда [пос. Жигалово – авт.] сожмётся. Ну, может ещё Петрово останется, Тутура. И всё. Всё остальное сожмётся. Часть сюда съедутся, часть в Качуг, ну в Иркутск и дальше..." (Глава районной администрации).

Одновременно вдоль трассы на Ковыкту возникло несколько постоянных "баз" и "лагерей" – посёлков, где базируются компании, обслуживающие Ковыкту (подрядчики и субподрядчики), транспортную и энергетическую инфраструктуру. Такие посёлки не имеют статуса населённого пункта, располо-

Табл. 1. Распределение торговой и обслуживающей инфраструктуры пос. Жигалово, 2025 г.
Table 1. Distribution of trade and service infrastructure of the Zhigalovo, 2025

Вдоль объездной дороги	Остальная часть посёлка
2 АЗС СТО универсальная Шиномонтаж СТО для грузовых автомобилей Стоянка для грузовиков и спецтехники 4 гостиницы Магазин автозапчастей 2 кафе (вне гостиниц) 3 магазина	10 продуктовых магазинов 2 магазина одежды и обуви 2 магазина автозапчастей Автомойка Стоянка спецтехники Магазин стройматериалов Магазин бытовой техники Гостиница (на момент обследования закрыта)

Источник: составлено на основе личных наблюдений авторов.

Source: compiled by the authors based on their own observations.

жены на землях, не относящихся к "землям поселений", и не отражаются в статистике расселения. По определению временные, такие посёлки существуют, тем не менее, уже в течение 5–10 лет и дольше и стали привычной и важной частью дорожной инфраструктуры. В них есть где остановиться (места размещения, как правило, не предлагают высокого комфорта, однако гарантируют тепло и минимальный набор услуг), отремонтировать транспорт. Здесь гарантированно есть сотовая связь, тогда как на значительных участках трассы её нет. Не имеющие статуса населённого пункта и формально временные, такие посёлки оказываются более устойчивыми и развивающимися, чем старые сёла. Несмотря на отсутствие на официальных картах, такие посёлки прочно вписаны в ментальные карты и всех работающих на автодороге, и местных жителей. Показательно, что в интервью такие "базы" и "лагеря" используются в качестве равнозначных ориентиров наравне со старыми населёнными пунктами и природными объектами, что отражает их устойчивость и вписанность в ландшафт повседневного пространства.

Старые же населённые пункты, "неудачно" расположенные вдоль дороги или в стороне от неё, где нет предпосылок для развития "придорожной экономики", напротив, быстро сжимаются, а их население стремительно сокращается. Это отчётливо фиксируется при натурном обследовании по растущему числу брошенных домов и сокращающейся площади обрабатываемых земель.

Опираясь на выявленные тенденции и прогноз районной администрации, можно предполагать радикальную трансформацию системы расселения вдоль автодороги и в административных районах в целом. Сложившаяся ранее сеть населённых пунктов, которую можно условно обозначить как "регулярную" в силу формальных статусов и отражения в статистических описаниях территории, стремительно утрачивает свои функции и, как следствие, сжимается. В то же время формируется альтернативная система расселения, обозначенная нами как "новая" или "функциональная", пространственно привязанная к ключевой автодороге, имеющая востребованные функции по обслуживанию транспортной и энергетической инфраструктуры и включенная в практики как участников проекта освоения, так и местного населения. Несмотря на отсутствие формального статуса, такие "населённые пункты" демонстрируют стремительную трансформацию системы расселения, всё дальше уходящую от сложившейся к концу XX в. сети поселений. Вместе с тем, временность таких "баз" и "лагерей" остаётся предпосылкой будущих изменений их сети, что в более широком контексте может быть интерпретировано как повышение изменчивости системы расселения в качестве способа взаимодействия сообществ с пространством.

Пешеходные переходы и "жёлтые" скалы: ресурсный проект в жизни локальных сообществ

Перемещение центров жизни в таких населённых пунктах к автодороге неизбежно формирует зависимость ритмов и практик повседневности местных жителей. Описанная выше "придорожная" деловая активность *a priori* ориентируется на транзитный транспортный поток и неразрывно связана с его жизнью: интенсивностью движения, скоростью, суточными и годовыми ритмами. Кафе, почти полностью ориентированные на обслуживание транзитного потока, работают круглосуточно, но в межсезонье (периоды ледостава и ледохода) время работы сокращается в связи с резким уменьшением трафика. К ним оборудованы довольно удобные подъезды и обширные автостоянки, рассчитанные на парковку автобусов и большегрузного транспорта, и, в то же время, они могут быть не связаны обустроенными пешеходными дорожками с остальной частью села. Наиболее востребованные "транзитом" предприятия питания и размещения, как правило, располагаются на периферии населённых пунктов, что, с одной стороны, обусловлено удобством для жителей, но, с другой стороны, хорошо подчёркивает, что местное население не является целевой аудиторией.

Однако движение транспортного и человеческого потока "мимо", "по касательной" к локальным сообществам не оставляет их повседневность неизменной. Проходящий через населённые пункты транзитный транспортный поток радикально меняет практики повседневности, устойчиво продолжающие бытовать в иных периферийных посёлках: так, например, в транзитных населённых пунктах почти исчезла практика свободного выгула крупного рогатого скота, широко распространённая в сельской местности. В условиях движения большегрузного транспорта выход скота на проезжую часть стал нести больше рисков как для движения, так и для владельцев животных. Сформировалась "городская" практика перехода местными жителями через проезжую часть по пешеходным переходам, оборудованным "лежачими полицейскими", особенно важная потому, что в населённых пунктах дорога имеет асфальтовое покрытие, и водители невольно повышают скорость. Иными словами, дорога становится здесь одной из основных детерминант характера и ритмов повседневной жизни.

Особенно заметно влияние дороги, а через неё и всего ресурсного проекта, на жизнь локальных сообществ там, где населённый пункт расположен в критически значимых узлах движения, прежде всего, у мостов через реки. Наиболее ярким примером таких случаев является д. Тутура, расположенная в 1,5 км от районного центра по дороге к Ковыктинскому месторождению в месте пересечения трассой р. Тутура. Постоянного моста через эту достаточно крупную реку нет, и движение через неё осуществляется по понтонному мосту. Подобная конструкция не рассчитана на круглогодичное использование (зимой переправа осуществляется по льду, а в межсезонье прекращается) и на движение большегрузного транспорта. Запрещён проезд по такой конструкции и пассажирских автобусов. Как следствие, с резким ростом транспортного потока мост через реку Тутура у одноименной деревни превратился ключевое и одновременно уязвимое звено транспортно-логистической инфраструктуры.

Запрет на проезд пассажирских автобусов по понтонному мосту стихийно сформировал место "переваловки": на один берег приходят пассажирские автобусы с рабочими, направляющимися на работу, на другой – с возвращающимися на отдых. Их пассажиры переходят пешком по мосту с берега на берег, садятся в ожидающие автобусы и двигаются дальше. Зимой и летом такая практика не вызывает больших сложностей, поскольку требует лишь синхронизации встречного движения. Однако в межсезонье, когда ледостав или ледоход начинаются раньше или позже обычных сроков, на берегах реки у недействующего моста возникает скопление десятков и даже сотен людей. В суровом климате внезапная концентрация "застрявших" у реки людей погружает локальное сообщество в режим чрезвычайной ситуации.

"Тогда шуга рано пошла, мост убрали. И тут автобусы с рабочими, человек четыреста... Они, конечно, без еды, и, главное, они же из тёплых автобусов... думали, быстренько перебегут на ту сторону и снова в автобус. Ну, понимаете, там тепло... А автобусы ждать не могут. Ну постояли сколько-то, но всё равно, моторы выключили, солярка же... Пришлось мне

бегать, просить открыть им кафе – не кормить, просто чтобы хоть немного люди согрелись. Ну и конечно, в магазинчике нашем маленьком всё смели... А что делать – ЧС..." (Глава администрации поселения).

Отсутствие какой-либо инфраструктуры обслуживания, прежде всего, уборки мусора и туалетов (в водоохранной зоне строительство подобных сооружений крайне затруднено) резко повышает нагрузку на локальную администрацию и порождает точные, но грустные топонимы:

"Вот вы проезжали, скала на том берегу моста... У нас её зимой "жёлтой" называют [смеётся]. Но так-то не до смеха... Люди часами и сутками, когда ждут осенью... Ну и мусор... Я каждую весну и осень организую уборку... Там же рядом наших жителей дворы, дома..." (глава администрации поселения).

Такие кризисные ситуации не только приводят к регулярной жизни локального сообщества в режиме "чрезвычайной ситуации", но и порождают экстралегальные и довольно рискованные бизнес-практики, довольно типичные для таких ситуаций [8]. Спешащие домой или на работу рабочие готовы оплачивать любые способы перевоза через реку, даже сопряженные с высоким риском. В ответ на платежеспособный спрос осенью и весной местные жители начинают перевозить людей на лодках и "подручных средствах" прямо среди движущегося льда.

"У нас мужчина жил, ходить практически не мог, ноги отказали. Так вот он этим [такими перевозками – авт.] занимался... Понятно, что он из лодки своей, если что, никак... Но он же в ней сидит, этим [рабочим – авт.] же не видно. "Сколько?" – "Вот столько" – "Поехали" ... А лёд же идёт, вы же понимаете... Сколько платят не знаю... Но раз возят, значит нормально..." (Глава администрации поселения).

Если сезонные перерывы в работе этого транспортного узла всё же более или менее предсказуемы, то поломки моста в самый нагруженный летний сезон становятся причиной транспортного коллапса. "Газпром" как основной актор ресурсного проекта наиболее крупногабаритные и тяжёлые грузы доставляет по БАМу и завозит на месторождение со стороны пос. Магистральный (движение с востока на запад), но субподрядные организации в целях экономии денег и времени стремятся завезти оборудование, в том числе крупногабаритное (например, дробилки щебня весом до 130 т и более), по автодороге и описанному выше понтонному мосту. Практически каждая такая переправа заканчивается повреждением моста, движение по которому останавливается. Это приводит к концентрации транспорта в д. Тутура, резкому росту нагрузки на её небогатую инфраструктуру, и одновременно отсекает местных жителей от связи с районным центром, являющегося для многих из них местом работы и для всего населения – центром социальных, медицинских и иных услуг. Таким образом, резкий рост нагруженности дороги заставляет локальное сообщество перестраивать ритмы своей жизни не только в соответствии с климатическими сезонами (что для Сибири неизбежная норма), но и в соответствии с не всегда предсказуемыми ритмами жизни дороги и ресурсного проекта.

Однако влияние дороги, и шире – масштабного ресурсного проекта не ограничивается лишь сдвигами в практиках повседневности. Менее заметные, но, на наш взгляд, более фундаментальные изменения, связанные с проектом ресурсного освоения, происходят в социальной организации локальных сообществ. Основная, как и большинство иных крупных ресурсных проектов нового освоения, на вахтовой организации труда [5], разработка Ковыктинского месторождения стала механизмом преодоления неравенства в доходах между финансовыми центрами и периферией [27]. Появление новых высокооплачиваемых рабочих мест предоставило шанс на повышение уровня жизни не только основной массе рабочих проекта из других частей региона и страны, из-за рубежа, но и местным жителям. Высокий спрос на рабочие специальности и на специалистов различных сфер обслуживания (от водителей и поваров до бухгалтеров и специалистов по кадрам) привел к резким переменам на локальном рынке труда. Многие местные жители находят работу на строительстве инфраструктуры месторождения либо в предприятиях-субподрядчиках, обеспечивающих его инфраструктуру. Часть, получив опыт и квалификацию, начинают работать вахтовым методом и за пределами региона. Неконкурентный по сравнению с ресурсным проектом уровень зарплат в бюджетной сфере

привел к парадоксальному дефициту рабочих рук в бюджетном секторе местного рынка труда.

"У меня службы в администрации наполовину укомплектованы. Я сейчас в командировку ездил сам за рулем – водителя не могу найти. Один молодой парень есть, но вот боюсь и он уйдет – кто за 40 тысяч у нас работать теперь будет?" (Глава администрации Жигаловского района).

Активный отток кадров происходит, по свидетельствам местных жителей, и из самых стабильных для других районов региона сфер – МВД и иных "силовых" структур.

"Я больше двадцати лет отработала в органах. Сначала в Иркутске, потом долго здесь в РОВД. Уже и на пенсию можно было, но всё равно работала, как многие. А потом предложили и ушла... В сферу бухгалтерии... Ну, это тут предприятие одно... Как субподрядчик... А что? Зарплата – даже не сравниваю... А в РОВД такой некомплект, что детей не видят, дежурство на дежурстве..." (жительница пос. Жигалово, в прошлом сотрудник МВД)

Деформация локального рынка труда с перетоком местного населения из бюджетной сферы в ресурсодобывающие мегапроекты была хорошо заметна в 1990-е – 2000-е гг. в регионах, где в реализацию таких проектов включились крупные транснациональные компании, например, на Сахалине [12, с. 37]. Сейчас же в большинстве периферийных территорий, не являющихся местом реализации крупных проектов, именно бюджетная сфера остается "территорией стабильности", выступая не только важнейшим источником средств к существованию, но и несущей конструкцией социальной организации локальных сообществ. Близость к бюджетному финансированию, властным и силовым структурам обеспечивает высокие статус-позиции в том числе и через возможность прямой мобилизации властного ресурса.

Наблюдаемое нами изменение оси социальной иерархии – от близости к власти и бюджету к вовлечённости в структуру крупного ресурсного проекта – представляется нам важнейшим индикатором существенных сдвигов в социальной структуре. Можно уверенно предполагать, что неформальный статус местных жителей, занятых в ресурсном проекте либо вовлеченных в его орбиту, становится заметно выше, чем у сотрудников местной власти и силовых структур. Сформированное Ковыктой и распространением "вахты" новое неравенство этой северной периферии становится мощнейшей детерминантой интенсивного социального движения – не только через формирование новых социальных лифтов, одним из которых, на наш взгляд, уверенно становится "вахта", но и через структурную перекройку локальных социумов.

Возникает и ещё одно, на первый взгляд, менее заметное изменение в повседневности представителей локальных сообществ, которое, тем не менее, представляется нам важным индикатором растущего уровня мобильности местного социума. Выросший уровень доходов жителей, занятых в том или ином качестве в ресурсном проекте и шире – в "работе на вахте", отчасти позволяет, отчасти вынуждает отказываться от подсобного хозяйства (огородов, скота).

"У нас жители, кто на вахте, стали понемногу от огородов отказываться... Им проще эту картошку купить. И не только картошку, вообще..." (Глава администрации поселения).

Логичный и обоснованный отказ от подсобного хозяйства представляется нам важнейшим символом отказа от устоявшегося образа жизни в сельской местности северной периферии. Важен он не только как признак радикальных перемен в качестве жизни и изменении бюджетов времени семей, но и как уход одного из важнейших "якорей", закрепляющих население на этой территории. Сочетание разрыва с образом жизни, укоренявшим население "на северях", и вахтового образа жизни, где комфорт "дома" выступает компенсацией экстрима "вахты" [27], становится важнейшей предпосылкой поиска комфортного "дома" за пределами суровых северных периферий, что приводит локальные сообщества и в пространственное движение. Иными словами, стимулируемая проектом нового освоения социальная мобильность исподволь начинает стимулировать и пространственное движение, парадоксальным образом превращая проект освоения периферии в механизм её обезлюдения.

Заключение

Реализация крупного ресурсодобывающего проекта на северной периферии Прибайкалья, оцениваемого, как правило, в качестве важнейшего механизма нового освоения, как показывает наше пилотное исследование, запускает сложный комплекс изменений организации локального физического и социального пространства. В более крупных и устойчивых локальных сообществах такие изменения становятся отражением и механизмом радикального изменения хозяйственного уклада: в его основе оказывается не естественный ландшафт, а искусственный, ключевым элементом которого становится дорога. В этих условиях возрастающая роль субъектов экономической деятельности, связанных с дорогой и мегапроектом, в жизни местных сообществ детерминирует быструю эволюцию властных институтов, которые начинают действовать в режиме "периферии власти" [3], формируя иную вертикаль отношений, нежели предписана административной системой. Это позволяет, на наш взгляд, предложить гипотезу о вахтовом способе освоения северных периферий как детерминанте стремительного роста пространственной и социальной мобильности в местах реализации ресурсных проектов.

Как видно, ресурсный мегапроект оказывает масштабное социопро-странственное влияние не только на локальности его непосредственной реализации, но через транспортную инфраструктуру, связывающую его с опорными центрами, и на более широкую территорию. Резкий рост значения автодорог, изменение её основной функции (от связи населённых пунктов к связи мест разработки с опорными точками мегапроекта) детерминирует формирование новой системы расселения. Последняя выполняет иные функции, чем сложившаяся ранее, и привязана совсем к другим доминантам: прежде всего, не к естественному, а искусственному ландшафту (дорогам и производственным объектам). Элементы этой системы не связываются в опорный каркас расселения, а становятся периферийной частью новой территориальной структуры освоения "города – вахтовые поселения", характерной для современной российской модели [10, с. 64]. Эта новая система может сопрягаться с традиционной при совпадении узловых точек искусственного ландшафта со старой системой расселения, но в большинстве случаев этого не происходит.

Воздействие ресурсного проекта, как прямое, так и опосредованное инфраструктурой, обуславливает стремительные социальные трансформации, связанные с формированием новых механизмов социальной мобильности и изменениями социальной структуры локальных сообществ. Последние стимулируют масштабные изменения репертуара практик повседневности и образа жизни, которые исподволь, но неотвратимо снижают степень укорененности местных сообществ, ликвидируя "якоря", удерживающие жителей периферии. Иными словами, быстрая эволюция комплекса практик повседневности и условий жизни становится мощным фактором разрушения небольших сообществ и стимулирования исходящей миграции.

При всей разности этих изменений, на наш взгляд, их объединяет общий вектор. Как пространственные, так и социальные трансформации под влиянием ресурсного проекта отражают рост мобильности локальных сообществ и, в свою очередь, сами становятся механизмами стимулирования этого процесса. В более широком контексте, вероятно, можно предполагать, что новая модель освоения северных периферий, основанная на частном бизнесе и вахтовой организации труда, становится здесь ключевой детерминантой роста мобильности общества, его "текучести" [18]. А мультилокальность жизни включенных в проекты нового освоения групп стимулирует быстрые изменения общества и его институтов, проявления которых, вероятно, мы сможем увидеть далеко за пределами осваиваемых периферий.

Литература / References

1. Безруков Л. А. Новые возможности пространственного развития Сибири. ЭКО. 2015. № 2. С. 39–51.
Bezrukov L. A. New Possibilities for Spatial Development of Siberia. ECO. 20–5. No. 2. P. 39–51 (In Russ.)

2. Бляхер Л. Е. "Придорожная экономика" как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2021. № 1. С. 47–55.
Blakher L. E. "Roadside Economy" as a Form of Survival of Small Towns in the Southern Russian Far East. *Oikumena. Regional Researches*. 2021. No. 1. P. 47–55. (in Rus)
3. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Пешков И. О. Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях. *Мир России. Социология. Этнология*. 2022. Т. 31, № 3. С. 75–95.
Blakher L. E., Grigoriev K. V., Peshkov I. O. Managing Emptiness, or Features of Power Relations in Inter-Settlement Territories. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022. Vol. 31, No. 3. P. 75–95 (In Russ.)
4. Единый перечень опорных населённых пунктов Российской Федерации. Утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию Российской Федерации (протокол от 19 декабря 2024 г. № 143 пр).
Unified List of Key Settlements of the Russian Federation. Approved by the Presidium (Headquarters) of the Government Commission for Regional Development of the Russian Federation (Minutes of December 19, 2024, No. 143 pr)
5. Замятина Н. Ю. Город в пустоте. Урбанизация и Арктика. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025. 456 с.
Zamyatina N. Yu. City in Emptiness. Urbanization and the Arctic. Moscow: HSE Publishing House, 2025. 456 p. (In Russ.)
6. Ковыктинское месторождение // Официальный сайт ПАО "Газпром". URL <https://www.gazprom.ru/projects/kovyktinskoye/> (дата обращения: 17.08.2025)
Kovyktinskoye Field // Official website of PJSC Gazprom. (in Russ.). URL: <https://www.gazprom.ru/projects/kovyktinskoye/> (accessed 17.08.2025).
7. Континент Сибирь. / под ред. В. А. Крюкова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 454 с.
Continent Siberia. / ed. by V. A. Kryukov. Novosibirsk: Institute of Economics, Industrial and Land Management SB RAS, 2020. 454 p. (In Russ.)
8. Куклина В., Холланд Э. К. Дороги Саян: теоретизируя удаленность в Восточной Сибири. *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. 2024. №2 (3). С. 55–75
Kuklina, V., Holland E. K. Sayan Mountains: Theorizing Remoteness in Eastern Siberia. *Periphery. Journal of Non-Capital Spaces Research*. 2024. No. 2 (3). P. 55–75 (In Russ.)
9. Павлюченко В. К. Реформа местного самоуправления: некоторые возможности и ограничения. *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 1. С. 46–51.
Pavlyuchenko V. K. Local Government Reform: Some Possibilities and Limitations. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025. No. 1. P. 46–51. (In Russ.)
10. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории. *Арктика и Север*. 2019. № 34. С. 57–76. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. Development of the North 2.0: Challenges of Forming a New Theory. *Arctic and North*. 2019. No. 34. P. 57–76. (in Russ.)
<https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
11. Пономаренко Т. В., Вольник Р., Маринина О. А. Корпоративная социальная ответственность угольной отрасли (практика российских и европейских компаний). *Записки Горного института*. 2016. Т. 222. С. 882–891. <https://doi.org/10.18454/PMI.2016.6.882>
Ponomarenko T. V., Volnik R., Marinina O. A. Corporate Social Responsibility of the Coal Industry (Practice of Russian and European Companies). *Zapiski Gornogo Instituta*. 2016. Vol. 222. P. 882–891. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/PMI.2016.6.882> (In Russ.)
12. Роон Т. П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе). *Этнографическое обозрение*. 2008. № 3. С. 36–47.
Roon T.P. Reflections on Sakhalin and its Residents in Light of Transnational Hydrocarbon Extraction Projects on the Okhotsk Sea Shelf (Towards an Ethnological Assessment). *Ethnographic Review*. 2008. No. 3. P. 36–47. (In Russ.)
13. Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Распоряжение Правительства РФ № 4146-р от 28 декабря 2024 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 17.08.2025)
Strategy for Spatial Development of Russia until 2030 with a Forecast until 2036 / Order of the Government of the Russian Federation No. 4146-r of December 28, 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (accessed 17.08.2025)
14. Уилсон Э., Сви́дерска К. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов. *Этнографическое обозрение*. 2008. №3. С. 17–28.
Wilson E., Swiderska K. Mining and Indigenous Peoples in Russia: Regulation, Participation, and the Role of Anthropologists. *Ethnographic Review*. 2008. No. 3. P. 17–28 (In Russ.)
15. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012.
Urry J. Sociology beyond Societies. Types of Mobility for the 21st Century. Moscow: Publ. HSE Building, 2012 (In Russ.)

16. Aragón F. M., Rud J. P. Natural Resources and Local Communities: Evidence from a Peruvian Gold Mine. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 5 (2). P. 1–25.
17. Bartik T. J. Local economic development policies // *Management Policies in Local Finance*, ed. R. J. Aronson, E. Schwartz. Washington, DC: Int. City / City. Manag. Assoc., 2004. P. 355–390.
18. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Malden: Polity Press, 2000. 232 p.
19. Boiral O., Heras-Saizarbitoria I., Brotherton, M.-C. Sustainability management and social license to operate in the extractive industry: The cross-cultural gap with Indigenous communities. *Sustainable Development*. 2023. Vol. 31 (1). P. 125–137.
20. Carrington K., Pereira M. Assessing the social impacts of the resources boom on rural communities. *Rural Society*. 2011. Vol. 21 (1). P. 2–20.
21. Cust J., Poelhekke S. The Local Economic Impacts of Natural Resource Extraction. *Annual Review of Resource Economics*. 2015. Vol. 7. P. 251–268.
22. Haas R., Poelhekke S. Mining Matters: Natural Resource Extraction and Local Business Constraints. *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 117. P. 109–124.
23. Hilti N. Here, there, and In-Between: On the Interplay of Multilocal Living, Space and Inequality // Ohnmacht T., Maksim H., Bergman M. M. *Mobilities and Inequality*, Farnham: Ashgate, 2009. P. 145–164.
24. Jackson S.L. Dusty roads and disconnections: Perceptions of dust from unpaved mining roads in Mongolia's South Gobi province. *Geoforum*. 2015. Vol. 66. P. 94–105.
25. Kamlongera P. J. The mining boom in Malawi: implications for community development. *Community Development Journal*. 2013. Vol. 48, No. 3. P. 377–390.
26. Maconachie R., Hilson G. Editorial introduction: extractive industries, community development and livelihood change in developing countries. *Community Development Journal*. 2013. Vol. 48, No. 3. P. 347–359.
27. Saksinger G. *Unterwegs. Mobiles Leben in der Erdgas- und Erdölindustrie in Russlands Arktis*. Böhlau Verlag, Wien, Köln, Weimar, 2016.

Информация об авторах

Константин Вадимович Григоричев, д-р соц. наук, главный научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития Байкальского региона Иркутского института химии им. А.Е. Фаворского СО РАН; профессор кафедры культурологии и управления социальными процессами Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Кристина Николаевна Комлева, младший научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития Байкальского региона Иркутского института химии им. А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: komleva@irioch.irk.ru

Information about the authors

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sociology, Principal Researcher, Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Cultural Studies and Management of Social Processes, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Kristina N. Komleva, Junior Researcher, Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: komleva@irioch.irk.ru

Поступила в редакцию 12.12.2025

Одобрена после рецензирования 10.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 12.12.2025

Approved 10.02.2026

Accepted 26.02.2026

Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии российского Дальнего Востока

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. antalkir@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке воздействия государственной границы на пространственное развитие РДВ во второй половине XIX – начале XXI вв. Динамика этого воздействия раскрывается через сравнительный анализ периодизации режимов функционирования границы и смены тенденций в распределении населения между приграничными и внутренними территориями макрорегиона. Делается вывод о формировании в 1860-х – 1890-х гг. "отграничной" модели развития РДВ, в которой приграничные территории, как ретрансляторы потоков трансграничных и государственных ресурсов, играли роль ядра пространства макрорегиона.

Ключевые слова: пространственное развитие, государственная граница, приграничные территории, российский Дальний Восток, историческая динамика, режим границы, распределение населения

Для цитирования: Киреев А.А. Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии российского Дальнего Востока. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 33–44.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

The State Border and Border Territories in the Spatial Development of the Russian Far East

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. antalkir@yandex.ru

Abstract. This article assesses the impact of the state border on the spatial development of the Russian Far East from the second half of the XIX to the early XXI centuries. The dynamics of this impact are revealed through a comparative analysis of the periodization of border regimes and changing trends in population distribution between the border and internal territories of the macroregion. It is concluded that a "from border" model of development emerged in the 1860s–1890s in the Russian Far East, in which border territories, as relay stations for transborder and state resource flows, played the role of the macroregion's spatial core.

Key words: spatial development, state border, border territories, Russian Far East, historical dynamics, border regime, population distribution

For citation: Kireev A.A. The State Border and Border Territories in the Spatial Development of the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 33–44.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

Введение

Утверждение о том, что в ряду российских макрорегионов Дальний Восток (РДВ) отличается существенными особенностями организации своего пространства для отечественной науки не ново. Оно подкреплено широким кругом географических, исторических, экономических и политологических исследований и нашло отражение в документах государственного планирования¹. Общим местом в литературе о РДВ является и тезис о тесной связи его развития с государственной границей и пересекающими её трансграничными отношениями. При этом конкретный механизм воздействия работы государственной границы на развитие макрорегиона, как правило, не раскрывается, а его характер получает кардинально расходящиеся оценки².

Противоречивость оценок роли государственной границы для развития общественного пространства РДВ имеет объективную основу. Прояснить этот вопрос, решить его с большей степенью определенности можно лишь рассматривая связь границы и пространства РДВ исторически, как длительный процесс взаимодействия политических и неполитических факторов, в ходе которого они сменяли друг друга в качестве основных и ведущих. Исходя из этого, целью данной статьи будет описание исторической динамики пространственного развития РДВ и выявление обусловленности её тенденций периодиза-

¹ О «геостратегичности» РДВ см. [28].

² О поляризации образов РДВ как «ворот в АТР» и «осаждённой крепости» см. [6, с. 325–329].

цией функционирования государственной границы России в макрорегионе³. Следует отметить, что пространственному развитию макрорегиона свойственны комплексность и многослойность, поэтому в рамках данной работы будет проанализирован главным образом один из его аспектов, обладающий, однако, фундаментальной значимостью. Речь идет об эволюции демографического "слоя" пространства Дальнего Востока, процессах территориального распределения и перераспределения его населения, в особенности между приграничными и внутренними районами макрорегиона. Этому предмету будет посвящена первая часть статьи. Задачей второй её части станет установление хронологии основных изменений в соотношении барьерных и контактных функций дальневосточной границы (в сферах экономических и миграционных отношений), вызванных переопределением целей российской политики на востоке страны, и прежде всего политики пограничной.

Методологической базой исследования является сравнительный подход в его диахронной и синхронной разновидностях. Диахронное сравнение направлено на обнаружение временной структуры процессов развития демографического пространства РДВ и пограничной политики в макрорегионе, выявление хронологических рамок и особенностей основных исторических периодов этих процессов в интервале с начала 1860-х до начала 2020-х гг. Синхронное сравнение позволит оценить взаимную сопряженность временной структуры демографической и политической динамики макрорегиона и зафиксировать вероятные причинные связи между изменениями в пограничной политике и пространственном распределении населения РДВ.

Информационная база исследования состоит из двух категорий источников. Во-первых, это официальная статистика численности населения РДВ (в границах ДФО 2018 г.) в разрезе его меняющегося административно-территориального деления. Она охватывает как данные переписей с 1897 по 2020 гг., так и результаты административного учёта. Во-вторых, это комплекс политических и правовых документов, которые в период с начала 1860-х по начало 2020-х гг. устанавливали интегральный режим функционирования государственной границы, включавший в себя режимы полосы беспопулярной торговли, пограничной зоны, территориальных институтов развития и иные пространственно специализированные формы регулирования, оказывавшие прямое воздействие на трансграничные отношения РДВ.

Тенденции динамики пространственного распределения населения РДВ

Характерной чертой пространства РДВ является высокая степень территориальной неравномерности в распределении населения, заметно превосходящая аналогичные показатели других макрорегионов России. Эта особенность сформирована не только исключительной обширностью площади РДВ и малой абсолютной численностью его жителей. Важным фактором её поддержания выступает резко выраженная контрастность в освоённости приграничных и внутренних территорий Дальнего Востока. Такая контрастность наиболее четко проявляется себя в южной части макрорегиона, которая вошла в состав России позже остальных.

Если типичным для регионов многих стран мира вариантом градиента населенности между интраграницными и приграничными территориями является сокращение плотности населения по мере приближения к государственной границе, то для РДВ присущ другой, обратный вариант. На большей части протяженности дальневосточного участка сухопутной границы России плотность населения в приграничье существенно превосходит его плотность во внутренних районах макрорегиона. Подобное атипичное распределение населения между приграничными и внутренними территориями отражает исторически сложившуюся модель пространственного развития РДВ, которую можно назвать "отграниченной". В соответствии с этой моделью, основным направлением демографического, социально-экономического и в целом общественного освоения и развития макрорегиона является движение от внешней границы внутрь его пространственного контура.

³ Под государственной границей в статье понимается сухопутный участок границы России в пределах ДФО.

Проследить формирование специфической модели пространственного развития РДВ на длительном временном протяжении позволяет рассмотренные динамики распределения населения между внутренними и приграничными территориями макрорегиона с 1860-х по 2020-е гг.

На середину XIX в. приграничная полоса территории нынешнего ДФО, входившей в то время в состав России (в Забайкалье), существенно не отличалась по своей заселённости от внутренних районов. Это было связано с численным преобладанием на землях Забайкалья аборигенных народов, структура расселения которых складывалась в основном безотносительно к государственным границам, а также со слабым регулированием миграционных процессов со стороны российских властей.

К началу 1860-х гг. демографическая ситуация в дальневосточном приграничье заметно изменилась. Вдоль вновь установленной российско-китайской границы (от р. Аргунь до оз. Ханка) была создана цепь поселений Забайкальского (1851 г.) и Амурского (1858 г.) казачьих войск. Форсированная правительственная колонизация приграничья способствовала значительному росту плотности его населения, которая уже в 1862 г. более чем в 5 раз превысила среднюю плотность населения на РДВ⁴. При этом с точки зрения социально-экономического развития (показателем которого может служить уровень урбанизации) приграничная полоса на общем фоне макрорегиона ничем не выделялась. Кроме того, в начале 1860-х гг. дальневосточное пограничье ещё не получило своей административно-территориальной организации, и его пространственные пределы оставались нечёткими.

Как показала перепись 1897 г., своё достигнутое ранее демографическое лидерство приграничным территориям РДВ в целом удалось закрепить. Несмотря на усилившийся к концу XIX в. приток на РДВ крестьян из Европейской России, темпы роста населения приграничья лишь немногим уступали общедальневосточным. После "отвода Духовского" (1894 г.) приграничные территории в Амурской и Приморской областях почти полностью перешли под административный контроль Амурского и Уссурийского (1889 г.) казачьих войск и фактически были закрыты для вселения крестьян. Тем не менее, за счёт естественного прироста и государственного переселения казаков, приграничье РДВ к 1897 г. сохранило почти 5-кратный перевес в плотности населения. Новой тенденцией, проявившей себя в последние десятилетия XIX в., стала бурная урбанизация приграничных территорий, связанная, по всей видимости, прежде всего с оживлением трансграничной торговли. По доле городского населения (24,4% в 1897 г.) приграничье опережало дальневосточный макрорегион более чем в 2 раза.

Последующие два десятилетия оказались для развития дальневосточного приграничья менее благоприятными. В это время численность жителей приграничья в среднем росла вдвое меньшими темпами, чем население макрорегиона. Ближайшими причинами этого были значительно увеличившиеся масштабы крестьянского переселения на РДВ и усилившаяся закрытость для крестьян земель Амурского и Уссурийского казачьих войск. Сословная замкнутость казачества, его обременённость военно-охранными и иными повинностями становились всё более очевидным тормозом на пути не только демографического, но и социально-экономического развития территорий, занятых казачьими войсками. Индикаторами этого являлись, в частности, изменения в соотношениях плотности населения и уровня урбанизации различных частей пространства РДВ. Так, к 1917 г. разрыв в плотности населения между приграничными территориями РДВ и макрорегионом в целом сократился до трёхкратного. Одновременно с этим заметно уменьшилось и превосходство приграничья по показателю доли в населении горожан.

В период с 1917 г. до переписи 1926 г. пространственная организация РДВ подверглась глубокой трансформации. Важной её составляющей стали крупные административно-территориальные преобразования, в т. ч. переход макрорегиона к началу 1926 г. к новому, окружному и районному, делению. Для приграничных территорий это означало существенное расширение их административных границ: с 1917 по 1926 гг. доля приграничья в площади РДВ увеличилась с 4,1 до 7,5% [27, с. 10–12]. Укрупнение приграничных админи-

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, количественные данные основаны на *таблице 1*.

Табл. 1. Динамика населения РДВ* и его приграничных территорий (1862–2020 гг.)
 Table 1. Population dynamics of the Russian Far East and its border territories (1862–2020)

Показатели Годы	Численность населения РДВ (тыс. чел.)	Численность населения приграничья РДВ (тыс. чел.)	Плотность населения РДВ (чел. на км ²)	Плотность населения приграничья РДВ (чел. на км ²)	Доля городского населения на РДВ (%)	Доля городского населения в приграничье РДВ (%)
1862	629,0	131,8	0,09	0,46	5,1	4,1
1897	1293,2	240,8	0,18	0,83	11,2	24,4
1917	2302,1	324,4	0,33	1,12	18,8**	32,9
1926	2620,7	1056,7	0,37	2,02	20,3	21,9
1939	4533,0	1548,2	0,66	3,39	43,0	48,8
1959	6542,0	1938,1	0,93	4,28	62,8	58,3
1970	7737,0	2293,5	1,10	5,01	66,6	62,3
1979	8952,0	2537,3	1,28	5,54	71,1	67,2
1989	10360,0	2803,9	1,48	6,12	730,0	68,4
2002	8835,0	2570,3	1,26	5,62	72,5	68,6
2010	8372,0	2426,7	1,20	5,30	71,7	68,7
2020	7965,7	2295,6	1,15	5,02	73,6	72,9

Примечания: * – в границах ДФО 2018 г.; ** – на 1914 г.

Источник: рассчитано по [1; 2; 3; 4; 5; 8; 10, с. 223–224; 11; 12; 13, с. 79, 162–164, 224–242; 17; 18; 19; 21; 23, с. 100–101; 24, с. 70; 25; 29; 33; 34].

Source: calculated based on [1; 2; 3; 4; 5; 8; 10, p. 223–224; 11; 12; 13, p. 79, 162–164, 224–242; 17; 18; 19; 21; 23, p. 100–101; 24, p. 70; 25; 29; 33; 34].

стративных единиц закономерно сопровождалось ростом численности их населения. Вместе с тем взрывной (почти в 3 раза) рост населения приграничья объяснялся не только районированием, но и значительно усилившимся под влиянием ликвидации казачьих войск притоком на эти территории мигрантов, как внутренних, так и трансграничных. Приток населения в приграничье вновь повысил его плотность до уровня, более чем в 5 раз превышавшего среднеазиатско-восточный, но при этом почти нивелировал различия между приграничными и остальными территориями РДВ по доле среди их жителей горожан.

В 1930-е гг. РДВ пережил вторую волну административно-территориальных преобразований, в результате которых общая площадь приграничных районов была несколько сокращена. Изменения административных границ сопутствовали перемещению больших масс населения, осуществлявшиеся под управлением государства. Особенностью этих управляемых миграций было то, что, наряду с заселением приграничья, они преследовали также и цель его очистки от "социально чуждых элементов", включая в т. ч. бывшее казачество, корейцев и китайцев [32, с. 169–172]. В совокупности, как показала перепись 1939 г., эти перемещения способствовали замедлению роста населения приграничных районов на фоне макрорегиональной динамики. Подобное же

торможение наблюдалось и в темпах роста плотности жителей приграничья. Вместе с тем приграничные районы вновь продемонстрировали опережающее увеличение доли городского населения. Судя по всему, их более быстрая урбанизация была следствием интенсивного оборонительного строительства в приграничье и концентрации здесь военных частей.

По окончании Второй мировой войны демографическая динамика дальневосточного приграничья надолго приобретает монотонно понижительный характер. Перелом в тенденциях развития приграничных районов, обозначившийся в 1930-е гг., в этот период становится более широким, системным.

В 1940-е – 1980-е гг. приграничные районы всё реже выступали реципиентами миграции из более западных регионов страны и их доля в общем населении РДВ постепенно падала (с 34,1% в 1939 г. до 27,1% в 1989 г.). При этом административные пределы приграничья в это время стабилизировались (около 6,5% от площади РДВ [26]) и оставались затем в основном неизменными вплоть до наших дней. Плотность населения приграничных районов в абсолютном измерении росла, но разрыв в этом показателе между приграничьем и макрорегионом в целом также постепенно сокращался (с 5,1 раза в 1939 г. до 4,1 раза в 1989 г.). Примечательной тенденцией в развитии приграничных районов (с переписи 1959 г.) стало их отставание по уровню урбанизации. По-видимому, это отставание, превратившееся впоследствии в хроническое, отражало активизацию процессов роста городских поселений прибрежной зоны РДВ.

Общественный кризис в России 1990-х гг. повлек за собой драматические изменения в демографическом состоянии макрорегиона. Уже к 2002 г. численность населения РДВ, не исключая и его приграничные районы, резко снизилась. Однако в приграничье это снижение происходило медленнее, благодаря чему его доля в общем населении РДВ заметно возросла. Одновременно с этим, приграничные районы стали вновь увеличивать свой отрыв от макрорегиона по показателю плотности населения (с 4,1 раза в 1989 г. до 4,5 раза в 2002 г.). Ещё одной характерной чертой пространственного развития РДВ в 1990-х гг. было то, что на фоне начавшихся в макрорегионе в целом процессов дезурбанизации, доля городского населения в приграничье сохранила положительную динамику.

Затягивание демографического спада на РДВ привело к тому, что в итоге возможности приграничных районов по его сдерживанию за счёт своего пространственного положения были исчерпаны. Данные переписей 2010 и 2020 гг. указывают на то, что в первые десятилетия XXI в. убыль населения в приграничье ускорилась (с 2002 по 2020 гг. доля приграничья в населении РДВ упала с 29,1 до 28,8%), а его преобладание над макрорегионом в плотности населения стало уменьшаться (до 4,4 раза в 2020 г.). Доля горожан в населении приграничных районов в 2000-е – 2010-е гг. продолжала расти. Тем не менее, к 2020 г. дальневосточное приграничье по-прежнему отставало по данному показателю от макрорегионального уровня, что говорит о смещении точек социально-экономического роста в другие районы РДВ.

Исторический обзор динамики территориального распределения населения РДВ показывает высокую устойчивость "отграниченной" модели пространственного развития макрорегиона, связанной прежде всего с резко выраженной концентрацией его демографических ресурсов на приграничных территориях. Эта модель развития, сложившаяся во второй половине XIX в., не утратила своего значения до сих пор. Вместе с тем тот же обзор позволяет зафиксировать в демографической динамике дальневосточного приграничья определённую цикличность. Если в 1860-е – 1890-е, 1920-е и 1990-е гг. приграничные территории усиливали или, по крайней мере, закрепляли за собой роль главного центра притяжения человеческих ресурсов РДВ, то в 1900-е – 1910-е, 1930-е – 1980-е, 2000-е – 2010-е гг. их лидерство, их доминирование в демографическом пространстве макрорегиона ослабевало. Кроме того, с середины XX в. наметился тренд к постепенному расхождению, дивергенции позиций приграничья в демографическом и социально-экономическом пространствах РДВ. Для объяснения этой сложной, нелинейной динамики пространственного развития РДВ необходимо обратиться к истории государственной границы в макрорегионе, к периодизации режимов её функционирования.

Воздействие границы на роль приграничных территорий в развитии РДВ

Механизмом воздействия государственной границы на развитие РДВ, и, в частности, на распределение в его географическом пространстве различных общественных ресурсов, является режим её функционирования, т. е. конкретный комплекс контактных и барьерных функций, осуществляемых границей в отношении пересекающих её трансграничных потоков. Различные режимы функционирования дальневосточной границы были непосредственным продуктом государственной пограничной политики, формировавшейся в ходе взаимодействия многих субъектов – от центральных институтов власти до местных групп интересов. Следует отметить, что ввиду особого геополитического положения РДВ пограничная политика в макрорегионе очень тесно связана с внешней политикой России, с реализацией национальных интересов в сфере межгосударственных отношений. Поэтому любая реконструкция периодизации режимов функционирования дальневосточной границы должна отталкиваться от исторической динамики внешнеполитической обстановки в США.

Присоединение к России юга Дальнего Востока и международно-правовое оформление линии дальневосточной границы на всем её протяжении положили начало становлению первого режима её функционирования. Хронологические рамки периода его существования охватывали 1860-е – 1909 гг. Содержательно этот режим функционирования границы можно определить как высококонтактный. Заселения приграничье в военно-оборонительных целях, правительство мало вмешивалось в социально-экономическую жизнь поселенцев. Правовой основой высококонтактного режима дальневосточной границы были установленные российско-китайскими договорами 1858–1860 гг. свободный и беспошлинный порядок двусторонней торговли (в пределах 50-вёрстной приграничной полосы) и безвизовый порядок взаимной миграции [14, с. 99]. Впоследствии, в основном с 1880-х гг., в данный режим был внесён ряд ограничений, касавшихся различных групп товаров и категорий мигрантов. Однако по причине отсутствия необходимого финансирования, кадров и материально-технических средств практическое влияние этих барьеров на трансграничные отношения РДВ было незначительно или краткосрочно.

Поражение России в войне с Японией 1904–1905 гг. кардинально изменило внешнеполитическую обстановку в США. Опасения потерять РДВ заставили правительство пересмотреть свой подход к управлению границей и трансграничными отношениями макрорегиона. Переломным моментом в этом стала окончательная отмена "порто-франко" в 1909 г. Вслед за созданием на границе с Китаем таможен, в 1911 г. для контроля ввоза подакцизных товаров на РДВ была учреждена корчемная стража, а в 1913 г. ликвидирована 50-вёрстная полоса беспошлинной торговли. Параллельно были приняты меры к ужесточению регулирования входящей миграции: установлены секторальные ограничения на "жёлтый труд" и "жёлтую аренду" (1910 г.), введены платные наемные книжки для иммигрантов (1911 г.), увеличены сборы за виды на жительство (1911 г.), а их выдача и контроль за наличием у иностранцев виз перенесены непосредственно на линию границы (1912 г.) [14, с. 103–104, 160–162].

Несмотря на трудности, с которыми столкнулась реализация этой пограничной политики, сформированный ею в 1909–1917 гг. новый умеренно контактный режим границы смог заметно снизить присутствие на РДВ иностранной рабочей силы и импортных товаров. Относительной эффективности такого режима границы содействовала внутренняя (региональная) политика правительства, направленная на интеграцию РДВ в национальное пространство за счёт поощрения переселенческого движения и ввоза в макрорегион отечественной продукции. Так или иначе, уменьшая интенсивность трансграничных связей, переход к умеренно контактному режиму границы снижал привлекательность приграничных территорий, что нашло отражение в статистике их населения.

Революция 1917 г., гражданская война и ввод на РДВ войск интервентов фактически перечеркнули результаты предшествующего этапа пограничной политики. В 1917–1922 гг. государственный контроль над линией дальневосточной границы был, по существу, номинальным. При этом объёмы движения через границу людей, товаров и денежных средств в эти годы возрастают.

На фоне социально-экономического кризиса в России и разрыва связей между РДВ и другими регионами страны, близость к границе и та или иная форма участия в трансграничных отношениях становятся для многих дальневосточников ключевыми условиями выживания.

В 1923–1929 гг. советские власти приступили к восстановлению системы таможенного и миграционного контроля на дальневосточных рубежах. Однако крайне недостаточное финансирование и снабжение институтов границы не позволили достичь того же уровня эффективности, который они имели в 1909–1917 гг. Независимо от декларируемых задач пограничной политики, её реальное воздействие на трансграничную торговлю и миграцию на РДВ вплоть до конца 1920-х гг. оставалось незначительным [7, с. 222–224; 30, с. 216–221; 32, с. 167–172]. Поэтому в целом режим функционирования дальневосточной границы в 1917–1929 гг. можно охарактеризовать как высококонтактный и благоприятствовавший укреплению центрального положения приграничных территорий в демографическом и социально-экономическом пространстве РДВ.

Переход к следующему этапу пограничной политики на РДВ был вызван советско-китайским конфликтом на КВЖД в 1929 г. и последовавшей за ним в 1931 г. оккупацией Маньчжурии Японией. Появление прямой военной угрозы на 4000-километровой дальневосточной границе вызвало вторую, значительно более мощную, волну её барьеризации. Оперативные меры по сворачиванию трансграничной миграции и торговли на РДВ были приняты советским правительством уже во второй половине 1929 г. [14, с. 241]. В дальнейшем под эту новую пограничную политику была подведена необходимая правовая, институциональная и материальная база. Так, система жесткой, по сути, персональной, фильтрации въезда и выезда из страны сформировалась в основном к осени 1935 г., когда постановлениями СНК СССР выдача виз была сосредоточена в центральных органах НКВД, управлявших сетью паспортных столов и иностранных отделов. Что касается трансграничных торговых операций, то их постепенное прекращение на сухопутной границе РДВ (кроме монгольского участка) в феврале 1938 г. привело к упразднению Дальневосточного управления ГТУ НКВД [9, с. 306; 14, с. 220–222].

Построение высокобарьерного режима границы происходило в неразрывной связи со всем комплексом общественных преобразований в СССР 1930-х гг. Установление такого режима и достаточно эффективная реализация его задач были бы невозможны без проведения массовой коллективизации, огосударствления торговли и производства, военно-оборонительного строительства, паспортизации и введения института прописки и т. п. Вместе с тем, при всём нивелирующем различия, тотальном характере этих преобразований, приграничным территориям в них отводилось особое, специфическое место. Наряду с крупными городами и промышленными центрами, приграничные районы СССР в 1930-е гг. получили статус "режимных зон", который предполагал специальные меры обеспечения их безопасности, включая не только ограничения въезда, пребывания и хозяйственной деятельности, но и очистку от "нежелательных элементов". На РДВ большая часть территорий которого в 1933 г. вошла в категорию "режимных"⁵, подобные чистки имели особенно масштабные последствия. Серия депортаций и выселений 1930–1939 гг. в общей сложности лишила Дальневосточный край более чем 350 тыс. человек [32, с. 312–313]. При этом наибольший демографический урон понесли именно приграничные районы, убыль населения в ряде из которых только в результате паспортизации 1933–1934 гг. достигала двух и более раз [31, с. 60].

Советская политика в отношении дальневосточного приграничья не сводилась к ограничениям и чисткам. Составной её частью были мероприятия по развитию приграничных районов, их заселению и экономическому (пере)освоению. Удаляя из приграничья "неблагонадежных", правительство с помощью льгот стремилось заместить их лояльными переселенцами, в основном из числа демобилизованных военных. Кроме того, приграничные районы получали повышенное государственное финансирование, за счёт которого осуществлялось строительство не только укрепрайонов, но и жилья, социаль-

⁵ В 1927 г. механизм принудительной высылки был установлен для полосы в 7,5 км. вдоль линии границы, в 1930 г. он был распространён на полосу в 22 км, а в 1933 г. – в 100 км.

ной и транспортной инфраструктуры [9, с. 207–215, 230–235; 32, с. 168–169]. Однако политика развития, подчинённая задачам укрепления обороноспособности приграничья, а потому избирательная и ситуативная, смогла лишь на некоторое время компенсировать понесённый им ущерб. В долгосрочной перспективе, в условиях консервации высокобарьерного режима границы до конца 1980-х гг., эта политика оказалась недостаточной для того, чтобы предотвратить начавшееся отставание приграничья в темпах роста населения и особенно утрату им роли лидера урбанизации в макрорегионе.

Импульсом к кардинальному пересмотру пограничной политики в конце 1980-х гг. послужило разрешение целого ряда накопившихся межгосударственных противоречий между Москвой и Пекином, включая прежде всего проблемы делимитации общей границы. Демилитаризация советско-китайского рубежа с 1988 г. запустила процесс его дебарьеризации, которая под влиянием развернувшихся в России радикальных общественно-политических изменений всерьёз приобрела обвальный характер. В счастливые годы режим функционирования дальневосточной границы в сферах социально-демографических и экономических отношений стал высококонтактным. Так, уже в 1991 г. СССР и КНР договорились об обмене туристическими группами на безвизовой основе, а в 1992 г. безвизовый порядок был распространён и на индивидуальные поездки по служебным паспортам. К концу 1991 г. были сняты все ограничения на доступ к внешнеэкономической деятельности как для юридических, так и для физических лиц [14, с. 358–360]. Последовавшие за этим стремительный рост трансграничных потоков и их быстрая криминализация заставили российские власти с 1993 г. установить для бурно развивавшихся отношений с соседями определённые правовые рамки. Тем не менее, эти минимальные и довольно гибкие ограничения не лишали дальневосточную границу высокой степени открытости. Её высококонтактный режим, в сложившихся в стране условиях отвечавший интересам большинства населения, предпринимателей и политических элит РДВ, в основных чертах сохранился до конца 1990-х гг.

Как в 1920-е гг., в 1990-е гг. возможность участия в той или иной форме (от организации совместных предприятий и сетей "челночной" торговли до приобретения дешёвых товаров на китайских рынках) в трансграничных отношениях становится для широких слоёв дальневосточников чрезвычайно ценным ресурсом, источником обогащения для немногих и средством выживания для остальных. Пространственная близость к этому ресурсу вновь сделала приграничные районы (прежде всего те, где действовали погранпереходы) центрами экономической жизни РДВ [20, с. 63–67, 114–120], и на фоне нарастающего оттока населения макрорегиона позволила им остаться "островами" относительного демографического благополучия.

Очередное обновление пограничной политики на РДВ было вызвано не внешнеполитическими факторами, а внутривосточными процессами. Обновление в 2000–2014 гг. на дальневосточной границе умеренно контактного режима стало следствием рецентрализации политической системы страны с приходом на пост президента РФ В. В. Путина. Важное место в повестке пограничной политики, формирование которой было сосредоточено в федеральных органах власти, снова заняли задачи обеспечения государственной безопасности. Помимо общего упорядочения и унификации работы системы границы, это повлекло за собой принятие и ряда специальных мер по барьеризации трансграничных потоков, значимых для РДВ. Так, в 2000 и 2006 гг. правительство РФ дважды сокращало срок пребывания в стране безвизовых туристов. Аналогично, в 2000 г. был уменьшен срок пребывания в России и для трудовых мигрантов из КНР. В 2006 г. постановлениями правительства РФ были введены новые ограничения для "челноков" и установлен запрет на работу иностранцев на рынках. С 2004 г. была развернута планомерная борьба с "серыми" торговыми и валютными схемами, до тех пор являвшимися по сути естественной средой обитания трансграничного бизнеса [14, с. 297, 309–310, 387].

Активное вмешательство федеральных властей в 2000–2014 гг. в трансграничные отношения РДВ привело к перераспределению создаваемой в них прибыли в пользу крупных компаний, как правило, зарегистрированных в Москве и слабо связанных с макрорегионом. Новый режим регулирования

трансграничных отношений, отводивший в них приграничью второстепенную, транзитную роль, способствовал усилению оттока жителей приграничных районов. Тому же содействовало и восстановление в 2007 г. в макрорегионе пограничной зоны (шириной до 5 км) [14, с. 387–388; 20, с. 136–146].

Последний крупный поворот в пограничной политике на РДВ наметился в 2014–2015 гг. Его предпосылкой стал геоэкономический и геополитический конфликт России и стран Запада по поводу Украины. Нарастание санкционного давления и постепенный обрыв всех типов трансграничных связей с Европой и Северной Америкой существенно повысили значимость для России ее отношений с азиатскими соседями. В целях стимулирования инвестиционного, торгового и туристического сотрудничества со странами Азии российские власти создали в ДФО несколько видов преференциальных зон – ТОР (2014 г.), СПВ (2015 г.), САР (2018 г.), МТОР (2025 г.) – по сути осуществив пространственно селективную дебарьеризацию режима границы. К 2025 г. зоны с таможенными и миграционными преференциями (ТОР, СПВ) появились на территориях 40 из 56 приграничных районов и округов РДВ. Более того, в 2015 г. для макрорегиона была принята "Концепция развития приграничных территорий" [16], предусматривавшая ряд мер государственной поддержки, направленных на формирование на этих территориях "точек роста".

Либерализация пограничной политики, начатая в середине 2010-х гг., мало повлияла на состояние приграничья РДВ [15]. В первой половине 2020-х гг. рост населения наблюдался в пяти приграничных муниципалитетах макрорегиона. В двух из этих муниципалитетов, где рост был наиболее заметным⁶, он действительно может быть связан с работой расположенных в них преференциальных зон. Однако селективный переход к высококонтактному режиму границы не смог изменить общих тенденций развития приграничья. Доля приграничных территорий в населении РДВ продолжает снижаться (в 2024 г. – 28,7%), а разрыв в плотности населения между ними и макрорегионом находится на уровне 2020 г. (4,4 раза). Кроме того, в первой половине 2020-х гг. вновь увеличилось отставание приграничных территорий от среднего уровня урбанизации РДВ (72,3 против 73,8%)⁷. Таким образом, либерализация пограничной политики второй половины 2010-х – первой половины 2020-х гг. в ещё меньшей степени, чем открытие границы в 1990-е гг., оказалась способной остановить начавшийся в советский период процесс утраты приграничьем роли социально-экономического локомотива РДВ.

Заключение

Рассмотренные исторические сдвиги в территориальном распределении населения РДВ, их сопоставление с основными изменениями в режиме функционирования дальневосточной границы дают возможность сделать некоторые выводы об особенностях пространственного развития макрорегиона во второй половине XIX – начале XXI вв.

1) В 1860-е – 1890-е гг. на РДВ сформировалась специфическая модель пространственного развития, ведущая, центральная роль в которой принадлежала приграничным территориям. Исходными предпосылками формирования "отграничной" модели развития являлись сфокусированность государственной колонизации РДВ на решении военно-оборонительных задач и объективные преимущества приграничного размещения поселенцев в условиях их оторванности от демографических и социально-экономических центров России. В дальнейшем важнейшим фактором "отграничной" модели пространственного развития РДВ стала высокая степень торговой и миграционной открытости дальневосточного участка государственной границы;

2) Занимая небольшую часть площади РДВ (от 4,1 до 7,5%), приграничные территории концентрировали значительную часть его населения (от 14,1 до 40,3%), лидировали по показателям плотности населения и уровня урбанизации. Выступать долгое время в роли ядра макрорегиона им позволяла

⁶ В Надеждинском районе Приморского края (рост населения с 2020 по 2024 гг. на 6,6%) и Благовещенском округе Амурской области (на 4,9%) (Рассчитано по: [11; 22]).

⁷ Рассчитано по: [22].

ретрансляция ресурсов и импульсов развития, поступавших как по трансграничным каналам (прежде всего, из Китая), так и, в меньшей степени, со стороны центральных государственных институтов;

3) Демографические показатели фиксируют историческую цикличность в динамике дальневосточного пограничья. Если в 1860-е – 1890-е, 1920-е и 1990-е гг. приграничные территории усиливали или закрепляли за собой роль главного центра притяжения человеческих ресурсов РДВ, то в 1900-е – 1910-е, 1930-е – 1980-е, 2000-е – 2010-е гг. их доминирование в демографическом, а также социально-экономическом пространстве макрорегиона ослабевало;

4) Основной причиной цикличности в динамике приграничья РДВ являлась смена режимов дальневосточной границы, соотношения её контактных и барьерных функций, происходившая, как правило, в тесной связи с изменениями внешнеполитической обстановки в США. Другими факторами, время от времени оказывавшими влияние на степень проницаемости границы, были пограничная политика стран-соседей (особенно в 1900–1917 гг.) и внутриполитические процессы в самой России (в 2000–2014 гг.);

5) С середины XX в., в условиях консервации режима высокой барьерности границы, формируется долгосрочный тренд на постепенную утрату приграничными территориями своего центрального положения в пространстве РДВ. Наиболее явным образом он проявился в потере приграничьем лидерства в уровне урбанизации. Вместе с тем устойчивая неблагоприятная динамика (относительно макрорегиона в целом) характерна и для других демографических показателей приграничья;

6) Судя по всему, в обозримой перспективе ведущее положение в социально-экономическом, а затем и демографическом пространстве РДВ перейдет к районам его морского побережья. Учитывая, что эти районы также выходят к государственной границе, морской участок которой имеет очевидные преимущества как с точки зрения диверсификации трансграничных отношений, так и безопасности, результатом данного процесса может стать новая модификация "отграниченной" модели пространственного развития РДВ.

Литература / References

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7, М.: ЦСУ, 1928. 200 с.
All-Union Population Census of 1926. Vol. 7, M.: TsSU, 1928. 200 p. (In Russ.)
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php?ysclid=mk0xuqf52h489755681 (дата обращения: 11.12.2025).
All-Union Population Census of 1939 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php?ysclid=mk0xuqf52h489755681 (accessed 11.12.2025). (In Russ.)
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php?ysclid=mk0xue08j7667611171 (дата обращения: 09.12.2025).
All-Union Population Census of 1959 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php?ysclid=mk0xue08j7667611171 (accessed 09.12.2025). (In Russ.)
4. Всесоюзная перепись населения 1970 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php?ysclid=mk0y22sfr924360408 (дата обращения: 07.12.2025).
All-Union Population Census of 1970 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php?ysclid=mk0y22sfr924360408 (accessed 07.12.2025). (In Russ.)
5. Всесоюзная перепись населения 1979 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php?ysclid=mk0y4781pz407784759 (дата обращения: 11.12.2025).
All-Union Population Census of 1979 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php?ysclid=mk0y4781pz407784759 (accessed 11.12.2025). (In Russ.)
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Вольнчук. Владивосток: Дальнаука; ВГУЭС, 2010. 626 с.
Geopolitical Potential of Cross-Border Cooperation of the Asia-Pacific Region Countries / ed. by A. B. Volynchuk. Vladivostok: Dalnauka; VSUES, 2010. 626 p. (In Russ.)
7. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века. Владивосток: ВА РТА, 2010. 292 с.
Far Eastern Smuggling as a Historical Phenomenon: The Fight Against Smuggling in the Russian Far East in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century. Vladivostok: RCA, 2010. 292 p. (In Russ.)
8. Динамические ряды "Цифры Якутии (XIX–XXI вв.)" // Саха(Якутия)стат. URL: <https://stat.sakha.gov.ru/page.aspx?s=ias&m=12593&p=4704> (дата обращения: 10.12.2025).

- Dynamic series "Yakutia Figures (19th–21st Centuries)" // Sakha(Yakutia)stat. URL: <https://stat.sakha.gov.ru/page.aspx?s=ias&m=12593&p=4704> (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
9. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920–1940-е. М.: НЛО, 2019. 414 с.
Dyullen S. Border Compaction: To the Origins of Soviet Policy, 1920–1940s. M.: NLO, 2019. 414 p. (In Russ.)
 10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
History of the USSR Far East in the Era of Feudalism and Capitalism (17th Century – February 1917). M.: Nauka, 1990. 471 p. (In Russ.)
 11. Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения // Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 08.11.2025).
Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1, Population Size and Distribution // Rosstat. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (accessed 08.11.2025). (In Russ.)
 12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. М.: "Статистика России", 2012. Т.1. 1071 с.
Results of the 2010 All-Russian Population Census. In 11 vol. M.: "Statistics of Russia", 2012. Vol. 1, 1071 p. (In Russ.)
 13. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). М.: Наука, 1985. 264 с.
Kabuzan V. M. Far Eastern Region in the 17th – Early 20th Centuries (1640–1917). M.: Nauka, 1985. 264 p. (In Russ.)
 14. Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI в.). Владивосток: ДВФУ, 2011. 474 с.
Kireev A. A. Far Eastern Border of Russia: Formation and Functioning Trends (Second Half of the 19th – Early 21st Century). Vladivostok: FEPU, 2011. 474 p. (In Russ.)
 15. Киреев А. А. Демографические аспекты развития приграничных муниципалитетов России и Китая в контексте их пограничных политик. *Регионалистика*. 2023. Т. 10, № 5. С. 77–100.
Kireev A. A. Demographic Aspects of the Development of Border Municipalities of Russia and China in the Context of Their Border Policies. *Regionalistica*. 2023. Vol. 10, No. 5. P. 77–100. (In Russ.)
 16. Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальнего Востока и Байкальского региона (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2015 г. № 2193-р) // Минвостокразвития РФ. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (дата обращения: 03.11.2025).
Concept for the Development of Border Territories of the Subjects of the RF That Are Part of the Far East and the Baikal Region (approved by RF Government Order No. 2193-r of October 28, 2015) // Ministry for the Development of the Russian Far East. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (accessed 03.11.2025). (In Russ.)
 17. Обзор Приморской области за 1901 и 1902 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1905. 108 с.
Review of Primorsky Oblast for 1901 and 1902. Vladivostok: Primorsky Oblast Government, 1905. 108 p. (In Russ.)
 18. Памятная книжка Якутской области за 1863 г. / Изд. Якут. ОСК. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и Ко, 1864. 220 с.
Commemorative book of the Yakut region for 1863 / Publ. Yakut. OSK. Saint Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1864. 220 p. (In Russ.)
 19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1897. Вып. 1. 29 с.
First general census of the Russian Empire, 1897 / ed. by N. A. Troinitzky. Saint Petersburg, 1897. Issue 1. 29 p. (In Russ.)
 20. Потенциальный Дальний Восток: как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А. Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов и др. М.: Хамовники, 2024. 318 с.
Potential Far East: how development projects flourish and fade in Russia's largest region / A. E. Savchenko, T. N. Zhuravskaya, S. A. Ivanov et al. M.: Khamovniki, 2024. 318 p. (In Russ.)
 21. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М.: Б.и., 1923. 218 с.
County Results of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917 for 57 Provinces and Regions. M., 1923. 218 p. (In Russ.)
 22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2024. 1081 с.
Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2024: Statistical Collection / Rosstat. M.: Rosstat, 2024. 1081 p. (In Russ.)
 23. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
Rybakovsky L. L. Population of the Far East over 150 Years. M.: Nauka, 1990. 138 p. (In Russ.)
 24. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.

- Sergeev O.I. Cossacks in the Russian Far East in the 17th–19th centuries. M.: Nauka, 1983. 127 p. (In Russ.)
25. Список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям: Приморская область. Владивосток: Изд. Примор. обл. стат. комитета, 1915. 141 с.
List of Populated Areas with Statistical Data on Each Settlement, Compiled Based on Official Information: Primorskaya Oblast. Vladivostok: Primorskaya Oblast Statistical Committee, 1915. 141 p. (In Russ.)
 26. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. М.: Известия, 1947. 488 с.
USSR. Administrative-territorial division of the union republics as of January 1, 1947. M.: Izvestia, 1947. 488 p. (In Russ.)
 27. Статистический ежегодник 1923–1925 гг. Ч. 1. Хабаровск: Тихоокеан. звезда, 1926. 269 с.
Statistical Yearbook 1923–1925. Part 1. Khabarovsk: Pacific Star, 1926. 269 p. (In Russ.)
 28. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-п // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 30.11.2025).
Strategy for Spatial Development of the RF through 2030. Approved by RF Government Order No. 4146-p of December 28, 2024 // Government of the RF. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (accessed 30.11.2025). (In Russ.)
 29. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация в середине 20-х гг. *Россия и АТР*. 1999. № 1. С. 5–14.
Tkacheva G.A. The Demographic Situation in the Mid-1920s. *Russia and Asia-Pacific Region*. 1999. No. 1. P. 5–14. (In Russ.)
 30. Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М.: НЛО, 2023. 480 с.
Urbanski S. Beyond the Steppe Frontier: The History of the Russian-Chinese Border. M.: NLO, 2023. 480 p. (In Russ.)
 31. Уссурийское казачье войско: история и современность / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: УКВ: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 120 с.
The Ussuri Cossack Host: History and Modernity. Vladivostok: UKV: IAE FEB RAS, 1999. 120 p. (In Russ.)
 32. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
Chernolutskaia E.N. Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 512 p. (In Russ.)
 33. Численность и размещение населения. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т.). М.: "Статистика России", 2004. Т.1. 574 с.
Population Size and Distribution. (Results of the 2002 All-Russian Population Census. In 14 vol.). M.: Statistics of Russia, 2004. Vol. 1, 574 p. (In Russ.)
 34. Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР. М.: Респ. информ. издат. центр, 1990. 377 с.
Population of the RSFSR: According to the 1989 All-Union Population Census / Goskomstat of the RSFSR. M.: RIPC, 1990. 377 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.01.2026

Received 08.01.2026

Одобрена после рецензирования 15.02.2026

Approved 15.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Accepted 26.02.2026

Виды экономической деятельности в процессе территориально-производственного комплексобразования на Дальнем Востоке России

Анатолий Владимирович Мошков

Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия, mavr@tigdvo.ru

Аннотация. Статья анализирует изменения территориально-отраслевой структуры регионов Дальнего Востока России на основе показателя валовой добавленной стоимости за 2021 г. Цель исследования – выявить пространственные особенности инвестиционной привлекательности отдельных видов экономической деятельности и определить ключевые тенденции их развития в контексте государственной структурной политики. Показано, что формирование территориально-производственных комплексов обусловлено сочетанием природно-ресурсного потенциала, выгодного экономико-географического положения, а также инфраструктурных и демографических факторов. Установлено, что инвестиционная привлекательность северных регионов преимущественно связана с добывающими отраслями, тогда как южные регионы выигрывают за счёт транспортно-логистических преимуществ. Сделан вывод о необходимости усиления роли обрабатывающих и инфраструктурных видов деятельности для обеспечения более сбалансированного социально-экономического развития макрорегиона.

Ключевые слова: *виды экономической деятельности, отраслевая структура, территориально-отраслевые системы, факторы размещения, инвестиции, Дальний Восток России*

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУН ТИГ ДВО РАН (FWMW-2025–0003): "Географические и геополитические факторы в устойчивом развитии территориальных структур хозяйства и населения региональных и локальных уровней Тихоокеанской России".

Для цитирования: Мошков А. В. Виды экономической деятельности в процессе территориально-производственного комплексобразования на Дальнем Востоке России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 45–57. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/45-57>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/45-57>

Types of economic activity in the process of territorial and production complex formation in the Russian Far East

Anatoly V. Moshkov

Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, mavr@tigdvo.ru

Abstract. The article analyzes changes in the territorial and sectoral structure of the regions of the Russian Far East based on gross value-added indicators for 2021. The aim of the study is to identify the spatial features of the investment attractiveness of specific types of economic activity and to determine key development trends within the framework of state structural policy. The findings demonstrate that the formation of territorial production complexes is shaped by a combination of natural resource potential, favorable economic and geographical position, as well as infrastructural and demographic factors. It is shown that the investment attractiveness of northern regions is primarily associated with extractive industries, while southern regions benefit from transport and logistics advantages. The study concludes that strengthening manufacturing and infrastructure sectors is necessary to achieve a more balanced socio-economic development of the macroregion.

Key words: *types of economic activity, sectoral structure, territorial-sectoral systems, location factors, investments, Russian Far East*

The research was carried out within the framework of the state assignment of the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FWMW-2025–0003): "Geographical and Geopolitical Factors in the Sustainable Development of Territorial Structures of the Economy and Population at the Regional and Local Levels of Pacific Russia."

For citation: Moshkov A. V. Types of economic activity in the process of territorial and production complex formation in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 45–57. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/45-57>

Введение

В 2019 г. в стране была принята Стратегия пространственного развития России (СПР-2019), в которой отмечалось важнейшее геостратегическое значение Дальнего Востока для России. Для всей территории Дальнего Востока предполагалось достижение опережающего роста экономики и качества жизни населения. Однако, по мнению Н. Н. Михеевой [23], заявленной цели достичь пока не удаётся, несмотря на то что государством был создан ряд особых механизмов регионального развития (представительства органов государственного управления, институты развития, преференциальные режимы хозяйствования). При этом в экономику Дальневосточного региона были направлены значительные объёмы инвестиций, что обеспечило реализацию

важных стратегических проектов по развитию, преимущественно экспортно-ориентированных видов экономической деятельности. Основные цели СПР-2019 в отношении Дальнего Востока (стимулирование развития наукоемких обрабатывающих производств, объектов инфраструктуры) не были достигнуты: не удалось добиться опережающего по сравнению со среднероссийским роста показателей качества жизни населения; в структуре ВРП увеличилась доля добывающих и снизилась доля обрабатывающих отраслей, уменьшилась доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей.

На наш взгляд, проблемы пространственного развития Дальнего Востока следует рассматривать с точки зрения теории территориально-производственного комплексобразования, при котором проекты по развитию отдельных видов экономической деятельности должны эффективно вписываться в сложившиеся территориально-отраслевые структуры региональных территориально-производственных комплексов (ТПК). В этом случае проектируемые виды экономической деятельности включаются в сложившиеся производственно-технологические и хозяйственные отношения в регионе, выполняя определенную функцию в системе территориального разделения труда (специализированного или обслуживающего производства), замыкая на свои потребности часть инфраструктурного потенциала в регионе. Например, теория программно-целевых ТПК, разработанная М. К. Бандманом и его ближайшими соратниками [9], в условиях экономических санкций может эффективно использоваться при изучении и решении актуальных проблем модернизации производства с целью активного импортозамещения.

Проблемы изучения места и роли отраслей (видов экономической деятельности) в структуре ТОС рассматривались в работах советских и российских учёных, которые сформулировали понятие территориально-производственного комплекса (ТПК), изучили его состав, связи и место в территориальной организации общества. [1–3; 13–27; 30–31; 33–35]. В первую очередь, можно отметить работы Н. Н. Колосовского [16; 17], в которых автор предложил понятие территориально-производственного комплекса как основу районообразующего процесса.

Таким образом, изучение процессов комплексобразования позволяет получить новое знание о совокупности благоприятных и негативных факторов формирования и развития территориально-отраслевых систем (ТОС), динамике их структуры, в т. ч. при оценке вариантов включения новых видов экономической деятельности, в виде взаимосвязанных специализированных или обслуживающих производств.

В структуре ТОС регионов Дальнего Востока за весь период хозяйственного освоения этой территории сложились совокупности отраслей (видов экономической деятельности), которые органически "выросли" из территориальных сочетаний факторов и условий хозяйствования. В первую очередь, это добывающие виды деятельности, базирующиеся на эксплуатации во многом уникальных природных ресурсов (рыбы и морепродуктов, лесных ресурсов, руд цветных металлов, угля, нефти и природного газа, разнообразных строительных материалов и проч.). Именно из этих видов деятельности в структуре региональных ТОС Дальнего Востока сформировались специализированные производства, чья продукция реализуется преимущественно на зарубежных и отечественных рынках сырья. Потребности в обеспечении видов деятельности собственным оборудованием и материалами способствовали организации здесь обрабатывающих производств, в первую очередь, судоремонта и судостроения, приборостроения, авиастроения, тепловой энергетики, производства строительных материалов, а также пищевой и легкой промышленности. В настоящее время, в условиях специальной военной операции, обрабатывающие производства, в первую очередь, оборонные предприятия Дальнего Востока получили новый импульс развития.

В то же время ориентация на внешние рынки сбыта продукции ТОС регионов Дальнего Востока порождает главные диспропорции в их функциональной структуре – преимущественное развитие добывающих производств и отставание обрабатывающих видов деятельности, а также сферы услуг. При этом именно преодоление сложившихся в структуре ТОС регионов Дальнего Востока России выступает одной из движущих сил достижения сбалансированного сочетания добывающих и обрабатывающих отраслей производства,

сферы услуг, является целью развертывания здесь процессов территориально-производственного комплексобразования.

Цель исследования заключается в обосновании сложившейся инвестиционной привлекательности отдельных видов экономической деятельности в регионах Дальнего Востока (в разрезе северной и южной пространственных зон) на основе анализа показателей валовой добавленной стоимости и объемов инвестиций в основной капитал за 2021 г.

Постановка задачи

Подходы к оценке особенностей территориальной организации производства страны, отраслевой структуры экономики регионов были представлены в работах А. Г. Гранберга [14]. Задача изучения пространственной дифференциации экономики Дальневосточного региона, с учётом неравномерности географических и социально-экономических факторов и условий, решалась в работах Д. С. Вишневого и А. Н. Демьяненко [12], академика П. А. Минакира [20; 21], академика П. Я. Бакланова и А. В. Мошкова [4–7], академика П. Я. Бакланова и М. Т. Романова [8], Н. Н. Михеевой [23], Л. А. Безрукова [10], "Геосистемы Дальнего Востока..." [11], "Пространственное развитие Тихоокеанской России..." [27] и др.

Оценка видов экономической деятельности в структуре ГОС Дальнего Востока России по состоянию на 2021 г. проведена по валовой добавленной стоимости, уровню оплаты труда и инвестициям в регионах. Выбор представленного временного среза обусловлен следующим: представленные показатели за 2021 г. использовались нами как наиболее репрезентативно отражающие сложившуюся ситуацию в экономике страны и в регионах до введения полномасштабных экономических санкций со стороны недружественных стран.

Пространственные особенности отраслевой структуры валовой добавленной стоимости, сложившихся в северных регионах Дальнего Востока объясняются наличием на их территории и прибрежной акватории сочетаний богатых и высоколиквидных природных ресурсов (руды цветных и драгоценных металлов, алмазы, нефть, природный газ, уголь и др.). Для южных регионов характерно наличие выгодного экономико-географического положения (близость к наиболее развитым странам Азиатско-Тихоокеанского региона, где отмечается стабильно высокий спрос на отечественную продукцию).

Таким образом, можно отметить отраслевые и пространственные особенности формирования отраслевой структуры валовой добавленной стоимости по регионам Дальнего Востока. В регионах сложилась отраслевая структура, характеризующаяся неравномерностью развития отдельных видов экономической деятельности, что приводит к возникновению структурных диспропорций (между добывающими и обрабатывающими видами деятельности, промышленностью и сельским хозяйством, а также сферой услуг). Все отмеченные диспропорции во многом обусловлены действием совокупности социально-экономических и экономико-географических факторов, их преодоление составляет одну из движущих сил процессов территориально-производственного комплексобразования в регионах Дальнего Востока.

При этом следует отметить, что занятость населения в добывающих видах деятельности обеспечивает более высокий уровень заработной платы, чем в обрабатывающих производствах (табл. 1). В первую очередь, это относится к таким добывающим видам экономической деятельности, как добыча металлических руд, нефти и природного газа, рыболовства и рыбоводства и др. В свою очередь, размер начисленной заработной платы в обрабатывающих видах экономической деятельности, например, в производстве машин и оборудования, в строительстве и в сфере услуг (образование, здравоохранение и др.), заметно ниже среднего значения этого показателя по всем отраслям экономики Дальнего Востока.

Следует отметить важность изучения пространственных особенностей процессов комплексобразования, отражающих сложившиеся диспропорции в отраслевой структуре экономики и в оплате труда, для оценки степени их инвестиционной привлекательности, влияния на уровень социально-экономического развития и качество жизни населения регионов Дальнего Востока России.

Табл. 1. Размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в расчете на одного работника по видам деятельности в Дальневосточном регионе, по состоянию на 2021 г., Table 1. Average Monthly Nominal Accrued Wages per Employee by Type of Economic Activity in the Far Eastern Region, as of 2021, rubles per month.

Вид деятельности	Рублей в месяц
В среднем по всем отраслям	66373,9
Растениеводство и животноводство	42863,3
Лесоводство и лесозаготовки	46390,4
Рыболовство и рыбоводство	117448,5
Добыча нефти и природного газа	239086,1
Добыча металлических руд	119271,2
Производство машин и оборудования	57475,9
Обеспечение электроэнергией, газом, паром	68164,7
Строительство зданий	58412,1
Деятельность водного транспорта	93901,3
Образование	51532,2
Здравоохранение	62730,2

Источник: составлено по: [32].

Source: compiled from: [32].

Материалы и методы

Для оценки роли видов экономической деятельности в формировании ТОС регионов Дальнего Востока использовался территориально-отраслевой метод анализа структуры экономики и инвестиционной деятельности, при котором выделяются основные, специализированные производства, участвующие своей продукцией (товарами или услугами) в межрайонном разделении труда, а также обслуживающие производство и население (продукция ориентирована преимущественно на местных потребителей). Структурно-отраслевой метод использовался при изучении пространственных особенностей формирования экономики Дальнего Востока (северной и южной хозяйственных зон), а также влияния инвестиций на пропорциональность структуры ТОС регионов.

Для анализа территориально-отраслевой структуры ТОС регионов Дальнего Востока использовались официальные данные Росстата РФ по отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, размерам номинальной заработной платы и объемам инвестиций в основной капитал.

Результаты и их обсуждение

Анализ отраслевой структуры экономики (по видам экономической деятельности) в регионах Дальнего Востока показывает, что за рассматриваемый период времени (на 2021 г.) в целом по Дальнему Востоку и по отдельным регионам доля основных видов деятельности существенно не изменилась (табл. 2). Сохраняется ведущая специализированная роль транспорта и хранения, добычи полезных ископаемых, лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства в объеме валовой добавленной стоимости регионов Дальнего Востока. Доля видов деятельности, выполняющих обслуживающую функцию в структуре ТОС регионов (торговля, строительство, здравоохранение и образование и др.), также за рассматриваемый период времени существенно не изменилась.

Табл. 2. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, произведенной в регионах Дальнего Востока России в 2021 г. (в текущих ценах, в процентах к итогу)
 Table 2. Industry structure of gross value added produced in the regions of the Russian Far East in 2021 (in current prices, as a percentage of the total)

Виды экономической деятельности	Дальневосточный федеральный округ	Северная зона				Южная зона				
		Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Магаданская область	Чукотский автономный округ	Амурская область	Еврейская автономная область	Приморский край	Сахалинская область	Хабаровский край
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	5,9	1,1	30,1	5,4	2,0	5,9	3,7	10,2	2,2	6,8
Добыча полезных ископаемых	31,3	59,0	5,3	55,0	41,6	14,5	23,7	1,0	60,0	8,4
Обрабатывающие производства	4,9	0,9	5,0	1,0	0,1	3,4	4,1	7,6	3,9	11,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,3	3,4	3,7	4,3	14,1	4,6	4,0	2,8	1,7	2,9
Строительство	7,0	6,9	4,6	2,6	10,7	19,2	6,8	4,0	8,1	5,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов	8,5	9,8	6,6	6,3	5,8	9,0	5,5	16,2	3,5	13,2
Гостиницы и рестораны	0,9	0,9	1,0	0,6	0,5	0,9	0,5	1,1	0,5	1,1
Транспортировка и хранение	10,0	5,4	4,8	4,2	3,9	9,6	15,0	18,7	3,8	16,6
Финансовая деятельность	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,1	0,1	0,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,7	3,3	4,9	2,5	1,2	9,6	6,3	12,2	2,7	9,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	7,6	4,1	15,8	6,7	10,2	6,5	13,0	10,9	4,1	8,8
Образование	3,4	3,4	4,3	2,6	3,5	3,7	4,1	2,9	2,0	3,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,6	3,6	6,0	4,2	4,2	5,1	7,7	4,8	3,5	5,0
Предоставление прочих услуг	5,8	3,7	7,8	4,5	2,2	7,8	5,6	7,5	3,9	7,0

Источник: составлено по: [29].

Source: compiled by the author based on [29].

В пространственном отношении регионы, в отраслевой структуре которых отмечается высокая доля добывающих видов деятельности, расположены преимущественно в северной хозяйственной зоне Дальнего Востока (исключение – Сахалинская область с добычей нефти и природного газа на шельфе), отличающиеся наличием высокого природно-ресурсного потенциала, добычей полезных ископаемых, низким уровнем развития обрабатывающих производств и сферы услуг. Регионы со сравнительно высокими долями в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, транспортировки и хранения, торговли и т. п. приурочены к южной хозяйственной зоне Дальнего Востока, где отмечаются более комфортные для жизни населения природно-климатические условия.

В частности, в отраслевой структуре добавленной стоимости регионов, расположенных в южной части Дальнего Востока: Амурской области доля промышленных видов деятельности достигала 22,5% (в том числе на добычу природных ресурсов приходилось 14,5%). Ведущая роль в отраслевой структуре области принадлежит строительству (19,2%) и транспорту (9,0%). В Приморском крае доля промышленности составила всего 11,4% (в том числе обрабатывающие производства – 7,6%). Наиболее высокая доля в структуре валовой добавленной стоимости края отмечается в транспортировке и хранении (18,7%) и торговле (16,2%). В Хабаровском крае промышленность обеспечивает 22,4% валовой добавленной стоимости (в том числе 11,1% – обрабатывающие производства), также достаточно высокая доля приходится на транспортировку и хранение (16,6%) и торговлю (13,2%). Такая ситуация в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости рассматриваемых регионов сложилась в результате действия совокупности экономико-географических факторов: выгодного экономико-географического положения (Транссибирская железнодорожная магистраль, крупные морские порты), наличие сравнительно большого демографического и инфраструктурного потенциалов в крупных городах (Хабаровск, Владивосток, Благовещенск). В результате, в отраслевой структуре экономики регионов появляются благоприятные условия для развития таких видов деятельности, как обрабатывающие производства, транспорт и хранение, торговли, а также сферы услуг.

Таким образом, отличительной чертой отраслевой структуры экономики Дальнего Востока является сравнительно высокая доля в структуре валовой добавленной стоимости промышленных видов деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды).

Изучение сложившейся современной отраслевой структуры экономики регионов Дальнего Востока по валовой добавленной стоимости также важно для объяснения инвестиционной привлекательности отдельных видов экономической деятельности, выявления общих тенденций в развитии их структуры, обоснования преодоления сложившихся здесь диспропорций (табл. 3).

Все региональные ТОС Дальнего Востока по объемам инвестиций в основной капитал по состоянию на 2021 г. можно распределить по двум зонам хозяйственного развития: северной и южной. Следует отметить, что общий объем инвестиций в регионах южной зоны почти в два раза превышает поступления в северную зону, в силу повышенных затрат на строительство и содержание капитальных строений и жилищного фонда из-за суровых климатических условий и большой удаленности от развитых регионов страны. При этом один из регионов северной зоны (Республика Саха (Якутия)) является одним из лидеров по инвестициям на Дальнем Востоке России. В этом регионе основной объем инвестиций приходится на два вида экономической деятельности – добычу полезных ископаемых и транспортировку, хранение, которые в межрегиональном территориальном разделении труда выполняют функцию специализированных производств. Другие регионы северной зоны (Магаданская область, Камчатский край, Чукотский автономный округ) по объемам полученных инвестиций серьезно уступают экономике Республики Саха. В отраслевой структуре инвестиций, привлеченных в регионы-аутсайдеры, выделяются добыча полезных ископаемых (Чукотский автономный округ, Магаданская область); транспортировка, хранение (Камчатский край); рыболовство и рыбоводство (Камчатский край); обеспечение электроэнергией, теплом (Чукотский автономный округ). Следует отметить, что теплоэнерге-

Табл. 3. Инвестиции в основной капитал по основным видам экономической деятельности в регионах Дальнего Востока (без субъектов малого предпринимательства), 2021 г.
Table 3. Investments in fixed assets by main economic activities in the regions of the Russian Far East (excluding small businesses), 2021

Регионы	Инвестиций в основной капитал, всего, млрд руб.	Доля вида экономической деятельности в объёме инвестиций в основной капитал региона, в %								
		сельское, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	обеспечение электроэнергией, газом, паром	строительство	торговля (оптовая и розничная)	транспортировка и хранение	информатизация и связь	прочие
Северная зона, всего	538,9	4,4	49,9	1,5	7,7	3,4	0,7	27,7	1,7	23,0
Республика Саха (Якутия)	369,2	0,4	40,9	1,2	5,5	4,3	0,7	34,7	1,8	10,5
Камчатский край	66,5	32,2	9,3	5,2	4,0	0,5	0,4	18,1	2,0	28,3
Магаданская область	53,9	1,5	49,8	0,2	18,5	3,4	1,5	7,9	1,4	15,8
Чукотский автономный округ	49,3	0,1	59,5	0,1	16,9	0,6	0,8	9,6	0,4	12,0
Южная зона, всего	1028,3	3,7	14,1	29,6	4,2	2,6	1,1	27,9	4,6	12,2
Амурская область	384,3	1,3	3,5	67,9	3,5	1,5	0,4	17,5	1,8	2,6
Еврейская автономная область	14,3	0,2	8,9	3,5	2,9	2,7	0,9	42,1	26,1	12,7
Приморский край	188,8	11,5	0,9	12,2	8,0	0,9	1,5	33,5	6,6	24,9
Сахалинская область	221,1	2,5	44,4	1,3	3,8	7,2	1,3	22,5	0,9	16,1
Хабаровский край	219,8	2,8	13,7	7,8	2,6	0,9	1,6	46,0	9,9	14,7

Источник: составлено по: [28].

Source: compiled from: [28].

тика в регионах северной зоны выполняют важнейшую функцию по обеспечению потребностей производства и населения энергией и связью в суровых условиях восточного сектора Арктики.

В южной зоне хозяйственного развития имеются более благоприятные природно-климатические условия для проживания населения и социально-экономические факторы для ведения бизнеса (сравнительно высокая плотность населения, транспортная освоенность территории, близость к дружественным странам Азиатско-Тихоокеанского региона). Здесь выделяется безусловный лидер по полученным инвестициям на Дальнем Востоке – экономика Амурской области, где большая часть инвестиций поступила в обрабатывающие производства и в транспортировку, хранение, т. е. в специализированные виды экономической деятельности. Кроме этого, можно отметить регионы со значительными объёмами инвестиций, поступивших в их экономику: Хабаровский и Приморский край, Сахалинская область. При этом значительная доля инвестиций в Хабаровском крае и Сахалинской области направлена в добычу полезных ископаемых; транспортировку, хранение, а в Приморском крае – в обрабатывающие производства; транспортировку и хранение. В Еврейской автономной области объёмы инвестиций невелики. В структуре по-

Табл. 4. Включение инвестиционных проектов в структуру территориально-отраслевых систем регионов Дальнего Востока
Table 4. Inclusion of investment projects in the structure of territorial and sectoral systems in the regions of the Far East

Регион	Крупные инвестиционные проекты	Отраслевая структура региональных территориально-отраслевых систем (по видам экономической деятельности)		
		специализированные	производство	население
Амурская область	Строительство Амурского газохимического комплекса, завод по производству метанола (г. Сквородино). Добыча золота (Селемджинский район). Освоение медно-никелевого месторождения Кун-Манье (Зейский район). Подготовка к освоению титаномангнетитовых месторождений Большой Сейим и Куранахского (Тындинский район). Горно-обогатительный комбинат на базе Огоджинского месторождения каменного угля (Селемджинский район). Транспортно-логистический комплекс в зоне трансконтинентального автомобильного моста через р. Амур между г. Благовещенск (РФ) и Хэйхэ (КНР).	Сельское, лесное хозяйство: – лесоводство и лесозаготовки, – растениеводство (производство сои и продуктов её переработки); Добыча полезных ископаемых: – руды цветных и драгоценных металлов , – каменный уголь . Обрабатывающие производства: – производство химических веществ и химических продуктов , Транспорт и хранение: – транспорт и логистика	Обрабатывающие производства: – обработка древесины и производство изделий из дерева, – производство мебели, – производство машин и оборудования, – ремонт и монтаж машин и оборудования, Обеспечение электрической энергией, паром; Водоснабжение; водоотведение; Строительство	Рыбоводство и рыболовство; Обрабатывающие производства: – производство пищевых продуктов, – производство напитков, изделий, – производство текстильных изделий, Торговля оптовая и розничная; Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания;
	Судостроительный комплекс "Звезда" (г. Большой Камень). Завод минеральных удобрений (г. Находка) Специализированный угольный терминал в районе мыса Открытый (ЗАО Фокино) Новый специализированный порт в бухте Суходол (Шкотовский район) Терминальный комплекс навалочных и контейнерных грузов в бухте Славянка (п. Славянка) Специализированный зерновой терминал (п. Посьет)	Сельское, лесное хозяйство: – лесоводство и лесозаготовки, – растениеводство , – животноводство , – рыболовство и рыболовство; Добыча полезных ископаемых: – руды цветных и драгоценных металлов; Обрабатывающие производства: – производство машин и оборудования	Обрабатывающие производства: – обработка древесины и производство изделий из дерева, – производство мебели, – производство химических веществ и химических продуктов , Обеспечение электрической энергией, паром; Водоснабжение; водоотведение; Строительство.	Обрабатывающие производства: – производство пищевых продуктов , – производство напитков, изделий, – производство текстильных изделий, Торговля оптовая и розничная; Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания;

Регион	Крупные инвестиционные проекты	Отраслевая структура региональных территориально-отраслевых систем (по видам экономической деятельности)		
		специализированные	обслуживающие	
			производство	население
Приморский край	Свиноперерабатывающие заводы, молокоперерабатывающие, комбикормовые заводы, элеваторные комплексы (Спасский район)	– ремонт и монтаж машин и оборудования, Транспортировка и хранение: – транспорт и логистика		
Камчатский край	Рыбоперерабатывающие заводы, тепличный комбинат, свиноводческий комплекс, (Елизовский район) Международный морской рефрижераторный терминал, с выходом на Северный Морской путь (г. Петропавловск-Камчатский) Горно-обогатительное предприятие на золоторудном месторождении Кумроч и горнометаллургический комбинат на Озерновском золоторудном месторождении (Усть-Камчатский район); Модернизация горно-обогатительного комбината на базе золоторудного месторождения Амелистовое (Олоторский и Пенжинский районы). Горно-обогатительный комбинат на базе месторождений акционерного общества "Камчатское золото" (Быстринский район) Курорт международного стандарта и создания общедоступной курортной инфраструктуры вокруг вулканов Мутновский, Вилучинский и Горелый – Парк "Три вулкана" (Вилучинская бухта, Елизовский район)	– лесоводство и лесозаготовки, – растениеводство , – животноводство , – рыболовство и рыбоводство , Добыча полезных ископаемых: – руды цветных и драгоценных металлов . Транспортировка и хранение: – транспорт и логистика	Обрабатывающие производства: – производство машин и оборудования, – ремонт и монтаж машин и оборудования, – обработка древесины и производство изделий из дерева, – производство мебели, Обеспечение электрической энергией, паром; Водоснабжение; водоотведение; Строительство	Обрабатывающие производства: – производство пищевых продуктов , – производство напитков, изделий, Торговля оптовая и розничная; Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания

Примечание. Жирным шрифтом выделен вид экономической деятельности в регионе, в котором реализуются инвестиционные проекты.

Источник: составлено по: [26].

Source: compiled from: [26].

ступивших инвестиций выделяются добыча полезных ископаемых, а также транспортировка и хранение.

Большинство отмеченных видов экономической деятельности, получивших значительные объёмы инвестиций, в структуре своих региональных ТОС выполняют функцию специализированных производств, т. е. активно участвуют в межрайонном и международном территориальном разделении труда.

Возможные результаты включения инвестиционных проектов в структуру региональных ТОС Дальнего Востока (представляющих каждую выделенную выше группу регионов) показаны в *табл. 4*.

Представленные в таблице 4 крупные инвестиционные проекты, реализуемые в региональных ТОС Дальнего Востока, направлены преимущественно на развитие специализированных производств, участвующих в межрайонном и международном территориальном разделении труда. В первую очередь, это добыча полезных ископаемых (добыча драгоценных металлов), обрабатывающие производства (производство машин и оборудования, химических веществ и продуктов), сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство (растениеводство, животноводство), транспортировка, хранение (строительство морских портов), деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (туризм и рекреация).

Реализация представленных проектов не только будет способствовать увеличению объёмов производства валовой добавленной стоимости в регионах Дальнего Востока, но также усилит тенденцию увеличения существующих диспропорций в их отраслевой структуре экономики, в первую очередь, между добывающими и обрабатывающими, специализированными и обслуживающими видами экономической деятельности. В конечном счете отставание обслуживающих видов деятельности и мощностей инфраструктуры от роста специализированных производств негативно сказывается на развитии всей структуры экономики регионов.

Региональным органам управления следует направить свои усилия на создание условий для привлечения инвестиций в обслуживающие производства и инфраструктуру, а также в развитие обрабатывающих видов деятельности с высокой добавленной стоимостью продукции.

Заключение

Виды экономической деятельности в процессе территориально-производственного комплексообразования участвуют в межрайонном, международном и внутрирайонном разделении труда. В результате, за каждым видом деятельности закрепляется определённая функция в структуре ТОС регионов Дальнего Востока: специализированная, обслуживающая производство или население. Рациональное развитие региональных ТОС предполагает равномерное и сбалансированное развитие всех групп производств. Однако, из-за неравномерности распределения благоприятных и негативных факторов и условий комплексообразования возникают структурные диспропорции, например, между быстро развивающимися специализированными производствами и отстающими обслуживающими, между добывающими видами деятельности и обрабатывающими, в т. ч. и диспропорции в оплате труда занятых в добывающих и обрабатывающих видах деятельности, в сфере услуг. Преодоление этих диспропорций выступает одной из движущих сил процесса комплексообразования и является важнейшей предпосылкой регионального развития всех ТОС Дальнего Востока.

Для каждой выделенной группы регионов Дальнего Востока (по объёмам инвестиций в основной капитал) показаны варианты включения крупных инвестиционных проектов в сложившуюся отраслевую структуру региональных ТОС. Отмечено, что наиболее привлекательны для инвесторов виды экономической деятельности относятся к специализированным производствам (добыча полезных ископаемых, транспортировка и хранение, рыболовство, рыбоводство). Реализация этих проектов и их последующее включение в отраслевую структуру региональных ТОС, при низких темпах развития обслуживающих производств, увеличит нагрузку на существующие объекты производственной и социальной инфраструктуры, создаст условия для увеличения структурных диспропорций.

Для преодоления сложившейся тенденции преимущественного роста специализированных производств и отставания обслуживающих, в том числе в процессе реализации инвестиционных проектов необходимы меры государственного регулирования по поддержке развития инфраструктуры, сферы услуг. Учёт этих особенностей разворачивания процессов территориально-производственного комплексобразования необходимо учитывать при разработке Стратегий и программ социально-экономического развития Дальнего Востока России.

Литература / References

1. Агафонов Н. Т. Территориально-производственное комплексобразование в условиях развитого социализма. Л.: Наука, 1983. 188 с.
Agafonov N.T. Territorial and Production Complex Formation in the Conditions of Developed Socialism. Leningrad: Nauka, 1983. 188 p. (In Russ.)
2. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. / отв. ред. П. А. Минакир, М.: Наука, 2007. 239 с.
Baklanov P. Ya. Territorial Structures of the Economy in Regional Management. / Ed. by P. A. Minakir, Moscow: Nauka, 2007. 239 p. (In Russ.)
3. Бакланов П. Я. Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения. *Балтийский регион*. 2022. Т. 14, № 1. С. 4–16.
Baklanov P. Ya. Sustainable Development of Seaside Regions: Geographical and Geopolitical Factors and Limitations. *Baltic Region*. 2022. Vol. 14, No. 1. P. 4–16. (In Russ.)
4. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России. *География и природные ресурсы*. 2017. № 1. С. 5–15.
Baklanov P. Ya., Moshkov A. V. Geographical Differentiation of Territorial Economic Structures in Pacific Russia. *Geography and Natural Resources*. 2017. No. 1. P. 5–15. (In Russ.)
5. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Инерционность территориальных структур хозяйства в регионах Дальнего Востока. *Вестник МГУ. Серия. 5. География*. 2017. № 2. С. 3–10.
Baklanov P. Ya., Moshkov A. V. Inertia of Territorial Economic Structures in the Regions of the Far East. *Vestnik MGU. Series. 5. Geography*. 2017. No. 2. P. 3–10. (In Russ.)
6. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Приморские и континентальные регионы Дальнего Востока: предпосылки и ограничения в их развитии // Вопросы географии / Русское географическое общество. Москва. Сб. 154. Преодоление "континентального проклятья": будущее Сибири / Отв. ред. В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. С. 260–302.
Baklanov P. Ya., Moshkov A. V. Seaside and Continental Regions of the Russian Far East: Prerequisites and Limitations in Their Development // *Voprosy Geografii / Russian Geographical Society*. Moscow. Collection 154. Overcoming the "Continental Curse": The Future of Siberia / Ed. by V. M. Kotlyakov, V. A. Shuper. Moscow: Media-PRESS, 2022. P. 260–302. (In Russ.)
7. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Ткаченко Г. Г., Ушаков Е. А. Производственно-технические структуры в приморских поселениях Тихоокеанской России. *Тихоокеанская география*. 2024. № 1. С. 5–19.
Baklanov P. Ya., Moshkov A. V., Tkachenko G. G., Ushakov E. A. Production and Technical Structures in the Seaside Settlements of Pacific Russia. *Pacific Geography*. 2024. No. 1. P. 5–19. (In Russ.)
8. Бакланов П. Я. Романов М. Т. Направления долгосрочного развития Дальневосточного региона России. *Вестник ДВО РАН*. 2019. № 4. С. 6–18.
Baklanov P. Ya., and Romanov M. T. Directions of Long-Term Development of the Russian Far Eastern Region. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 4. P. 6–18. (In Russ.)
9. Бандман М. К. Избранные труды и продолжение начатого / Под ред. В. Ю. Малова. ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 2014. 448 с.
Bandman M. K. Selected works and continuation of what was started / Ed. by V. Y. Malov. IEOPP SB RAS, Novosibirsk, 2014. 448 p.
10. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во "Гео", 2008. 369 с.
Bezrukov L. A. Continental-Oceanic Dichotomy in International and Regional Development. Novosibirsk: Academic Publishing House "Geo", 2008. 369 p. (In Russ.)
11. Вишневецкий Д. С., Демьяненко А. Н., Дальний Восток России: макроекономическое зонирование. *Известия Русского географического общества*. 2011. Вып. 143 (4). С. 1–11.
Vishnevsky D. S., Demyanenko A. N., Russian Far East: macroeconomic zoning. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 2011. Issue 143 (4). P. 1–11. (In Russ.)
12. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков. Т. III. Территориальные социально-экономические структуры / Моногр. кол. автор. Под ред. П. Я. Бакланова и М. Т. Романова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 364 с.

- Geosystems of the Russian Far East at the turn of the XX–XXI centuries. Volume III. Territorial Socio-economic structures / Monograph. Edited by P.Ya. Baklanov and M. T. Romanov. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2012. 364 p. (In Russ.)
13. Гранберг А. Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М.: Экономика, 1973. 248 с.
Granberg A. G. Optimization of the Territorial Proportions of the National Economy. Moscow: Ekonomika, 1973. 248 p. (In Russ.)
 14. Гранберг А. Г. Исследование экономического развития Сибири в разрезе широтных зон и мезорегионов. *Известия СО АН СССР*. 1983. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 59–67.
Granberg, A. G., A study of the economic development of Siberia in the context of latitudinal zones and mesoregions. *Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences*. 1983. No. 11. Series: Social Sciences. Issue 3. P. 59–67. (In Russ.)
 15. Демьяненко А. Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития. *Вестник ДВО РАН*. 2006. № 3. С. 11–17.
Dem'yanenko A. N. Zoning in the Context of Regional Development Strategies. *Vestnik FEB RAS*. 2006. No. 3. P. 11–17. (In Russ.)
 16. Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии. *Вопросы географии*. 1947. № 6. С. 133–168.
Kolosovsky N. N. Industrial and territorial combination (complex) in Soviet economic geography. *Questions of Geography*. 1947. No. 6. P. 133–168. (In Russ.)
 17. Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
Kolosovsky N. N. Selected Works. Smolensk: Oikumena, 2006. 336 p. (In Russ.)
 18. Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 142 с.
Kosmachev K. P. Pioneer Development of the Taiga (Economic and Geographical Problems). Novosibirsk: Nauka, 1974. 142 p. (In Russ.)
 19. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 304 с.
Maergoyz I. M. Territorial Structure of the Economy. Novosibirsk: Nauka, 1986. 304 p. (In Russ.)
 20. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг. М.: Экономика, 2006. 848 с.
Minakir P. A. Economics of regions. The Far East / Ed. by A. G. Granberg. Moscow: Ekonomika, 2006. 848 p. (In Russ.)
 21. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В. М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Essays on Spatial Economics / Ed. by V. M. Polterovich; Russian Academy of Sciences, Far East. Department, Institute of Economics. research. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2014. 272 p. (In Russ.)
 22. Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М., Горюнов А. П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 4. С. 43–54.
Minakir P. A., Dem'yanenko A. N., Prokapalo O. M., Goryunov A. P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects. *Oikumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54. (In Russ.)
 23. Михеева Н. Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 4 (211). С. 58–69.
Mikheeva N. N. The Far East as a model of a geostrategic region in a spatial development strategy. *Forecasting problem*. 2025. No. 4 (211). P. 58–69. (In Russ.)
 24. Мошков А. В. Территориально-производственное комплексообразование на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2001. 156 с.
Moshkov A. V. Territorial and Production Complex Formation in the Far East. Vladivostok: Dalnauka, 2001. 156 p. (In Russ.)
 25. Мошков А. В. Факторы устойчивого развития территориально-отраслевой структуры регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России. *Регионалистика*. 2019. Т. 6, № 4. С. 14–31.
Moshkov A. V. Factors of Sustainable Development of the Territorial and Sectoral Structure of the Regions in the Coastal Zone of Pacific Russia. *Regionalistics*. 2019. Vol. 6, No 4. P. 14–31. (In Russ.)
 26. Мошков А. В. Инфраструктурные зоны хозяйственного развития Дальневосточного федерального округа России. *Тихоокеанская география*. 2020. № 2. С. 28–39.
Moshkov A. V. Infrastructural economic development zones of the Far Eastern Federal District of Russia. *Pacific Geography*. 2020. No. 2. P. 28–39. (In Russ.)
 27. Пространственное развитие Тихоокеанской России: структурные особенности, факторы, основные направления / колл. авторов; под ред. академика РАН, д. г. н. П. Я. Бакланова и д. г. н. А. В. Мошкова. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2023. 449 с.
Spatial Development of Pacific Russia: structural features, factors, main directions / call of authors; Ed. by P. Ya. Baklanov and A. V. Moshkov. Vladivostok: TIG FEB RAS, 2023. 449 p. (In Russ.)

28. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
Regions of Russia. Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. 2022. Statistical Collection. Moscow: Rosstat, 2022. 1122 p. (In Russ.)
29. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. М.: Росстат. 2023. 1126 с.
Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2023. 1126 p. (In Russ.)
30. Романов М.Т. Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 318 с.
Romanov M.T. Territorial Organization of the Economy in Russia's Underdeveloped Regions. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 318 p. (In Russ.)
31. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
Saushkin Yu. G. Economic Geography: History, Theory, Methods, and Practice. Moscow: Mysl, 1973. 559 p. (In Russ.)
32. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника по региону Дальневосточный федеральный округ: URL: https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=34&ysclid=mjcapzitld729263150. (дата обращения: 19.12.2025)
Average monthly nominal accrued wages per employee in the Far Eastern Federal District: URL: https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=34&ysclid=mjcapzitld729263150. (accessed 19.12.2025). (In Russ.)
33. Территориально-производственные комплексы: предплановые исследования / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, В.Ю. Малов и др. Новосибирск: Наука, 1988. 270 с.
Territorial and Production Complexes: Pre-Planning Research / M.K. Bondman, V.V. Vorobyeva, V.Yu. Malov, et al. Novosibirsk: Nauka, 1988. 270 p. (In Russ.)
34. Хрущев А.Т. География промышленности СССР. М.: Высш. школа, 1990. 223 с.
Khrushchev A. T. Geography of Industry of the USSR, Moscow: Higher School, 1990. 223 p. (In Russ.)
35. Шарыгин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект). *Географический Вестник*. 2005. № 1–2. С. 15–22.
Sharygin M.D., Nazarov N.N., Subbotina T.V. The Support Framework for Sustainable Regional Development (Theoretical Aspect). *Geographical Bulletin*. 2005. No. 1–2. P. 15–22. (In Russ.)

Информация об авторе

Анатолий Владимирович Мошков, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: mavr@tigdvo.ru

Information about the author

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Principal Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia, e-mail: mavr@tigdvo.ru

Поступила в редакцию 08.12.2025

Одобрена после рецензирования 17.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 08.12.2025

Approved 17.02.2026

Accepted 26.02.2026

Научная статья
УДК 303
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 2)

Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные варианты теоретического осмысления проблемы этнического многообразия человечества. Современное состояние теоретизирования в этой области приходится признавать неудовлетворительным, так как оно характеризуется попытками замены понятия "этнос" на концепт "идентичность", имеющий индивидуалистические коннотации. Не менее показательны призывы объяснять этот феномен культурным разнообразием и даже вернуться к его описанию, используя менее определённое слово "народ". Подмена полноценного теоретического осмысления проблемы отслеживанием истории появления и применения термина "этнос" не менее показательна для признания кризисного состояния рассматриваемой научной области. Современные данные позволили установить, что российские и зарубежные авторы, обсуждавшие этнос, включая Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, Ф. Барта, В. Мюльмана, во многом опирались на теорию С. М. Широкогорова. Поэтому в статье проводится идея, согласно которой теоретико-методологические основания последней намного превосходят по своему эвристическому потенциалу разработки других авторов, и она не утратила своего значения для анализа этнических явлений.

Ключевые слова: этнос, этническое многообразие, теория С. М. Широкогорова, трансдисциплинарность
Для цитирования: Кузнецов А. М. Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 2). *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 58–66.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 2)

Anatolij M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. The main versions for theoretical understanding of the problem of ethnic diversity of mankind are discussed in this article. The current state of theorizing in this area must be recognized as unsatisfactory, since it is characterized by attempts to substitute the concept of "ethnos" with the concept of "identity", calls to explain this phenomenon by cultural diversity and even to return to its description using the word people. The substitution of a full-fledged theoretical understanding of the problem by surveying the history of the emergence and using of the term "ethnos" is very indicative of the recognition of the crisis state of this scientific field. Current data have made it possible to establish that Russian and foreign authors discussing ethnos, including Yu. V. Bromley, L. N. Gumilev, F. Barth, V. Mühlmann, relied on the theory of S. M. Shirokogorov. Therefore, the article puts forward the idea that the theoretical and methodological foundations of the latter are much superior in their heuristic potential to the developments of other authors and it has not lost its significance for the analysis of ethnic phenomena.

Key words: ethnos, ethnic diversity, Sergey Shirokogoroff's theory, transdisciplinarity
For citation: Kuznetsov A. M. Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 2). *Ojkumena. Regional Researches.* 2026, No. 1. P. 58–66. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Реальные истоки теории этноса

Самое удивительное в обсуждении проблем, связанных с этносом, заключается в том, что, начиная со второй половины 1920-х гг., обращавшиеся к ним исследователи, так или иначе, основывались на идеях российского ученого Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939). Понять причины такой неожиданной ситуации можно, учитывая основные факты биографии и личности этого замечательного ученого. Образование Широкогорова получил сначала в Сорбонне на филологическом факультете. В Париже он одновременно в 1905 г. поступил слушателем в Высшую школу экономических и политических исследований, а в 1907 г. ещё учился в Школе антропологии. В 1910 г., после возвращения в Россию, С. М. Широкогоров поступил на естественное отделение (биологическое) физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В это же время он был зачислен сотрудником Музея

Окончание – начало см.: *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2025. № 4. С. 34–42.

антропологии и этнографии Академии наук. Здесь Широкогоров в 1916 г. был назначен куратором Музея по Антропологическому отделу. В 1912 и 1913 гг. этот сотрудник Музея был командирован в Забайкальский край для изучения тунгусского населения [11–17]. В 1915–1917 гг. он совершил длительную этно-археологическую экспедицию по Северо-Восточному Китаю и российскому Приамурью. В экспедициях Сергея Михайловича всегда участвовала его жена Елизавета Николаевна, которая вообще-то занималась музыкой. В конце октября 1917 г. Широкогоровы снова выехали в экспедицию на Дальний Восток. Из-за начавшейся в России гражданской войны им пришлось в июне 1918 г. вернуться из Китая в доступный тогда Владивосток [17]. Здесь Сергей Михайлович участвовал в организации частного историко-филологического факультета (открыт в октябре 1918 г.), затем и Государственного Дальневосточного университета (открыт в марте 1920 г.) и Отделения академического Института исследования Сибири [15].

Во Владивостоке С. М. Широкогоров опубликовал несколько статей и свой первый концептуальный труд "Опыт исследования основ шаманства у тунгусов" (1919 г.). Здесь он также подготовил монографии "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" и "Социальная организация маньчжур". Для публикации этих двух работ автор был командирован Университетом в сентябре 1922 г. в Китай. Из-за сложностей с изданием своих монографий приват-доцент Широкогоров не смог вернуться к 26 октября во Владивосток. В это время в России завершилась гражданская война, и в городе была установлена новая советская власть. В результате Сергей Михайлович был уволен из Университета, и Широкогоровы оказались в вынужденной эмиграции в Китае. Сначала этот российский исследователь работал в ряде университетов Южного Китая. Здесь, в Шанхае, в 1923 г. была издана ещё на русском языке монография Широкогорова "Этнос...". Затем он стал публиковать свои работы, начиная с "Социальной организации маньчжур" (1924), уже на английском языке [12; 26; 36]. Вскоре сам автор подготовил также пространную и краткую англоязычные, а затем франкоязычную версии своей монографии "Этнос..." [28; 31; 32]. В 1928 г. университет им. Сунь Ятсена (Гуанчжоу) командировал его в Юнаньскую экспедицию, которая стала первой профессиональной этноантропологической экспедицией в Китае. В 1930 г. С. М. Широкогоров был приглашён работать в Пекин, сначала в университете Цинхуа, а после его эвакуации перед японской оккупацией города – в других учебных заведениях. В Пекине аспирантом Широкогорова стал Фэй Сяотун (1910–2005), впоследствии видный учёный – основоположник социологии в Китае и общественно-политический деятель [25].

Несмотря на сложности этого периода в Китае, С. М. Широкогоров, оказавшись на научной периферии, приложил немало усилий, чтобы не быть оторванным от мировой науки. Он обобщил в нескольких монографиях собственные исследования по физической антропологии китайцев [26; 27; 33]. Затем исследователь опубликовал результаты своих экспедиций по Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в "Этнологических и лингвистических аспектах урало-алтайской гипотезы" [30] и, наконец, в фундаментальном исследовании "Психоментальный комплекс тунгусов" и других работах [34]. Он старался также поддерживать активные связи с учёными России, Великобритании, Германии, Польши, США, Франции и ряда других стран. Кроме обращений в разные научные организации среди тех, с кем Широкогоров был в переписке, можно отметить академика В. М. Алексеева (Россия), Б. Малиновского (Великобритания), В. Л. Котвича (Польша), Ф. Боаса, А. Хрдличку, Б. Лауфера, Р. Лоуи (США) [10].

По данным немецкой исследовательницы Уллы Йохансен¹, в Германии высоко оценил первые публикации С. М. Широкогорова Р. Турнвальд. (Неудивительно, что в Германии была переведена и его владивостокская работа о шаманизме тунгусов) [37]. Турнвальд же порекомендовал своему ученику В. Мюльману обратить внимание на работы русского учёного. Последний стал

¹ Профессор Улла Йохансен (1927–2021) за большой вклад в изучение истории и культуры тюркских народов была удостоена почётной награды РГО – Золотой медали имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Медаль ей вручил в апреле 2018 г. в Санкт-Петербурге Председатель Попечительского Совета Русского географического общества, Президент РФ В. В. Путин.

часто обращаться к идеям Широкогорова об этносе в своей известной работе "Методика этнологии" [4]. Как особое достижение Широкогорова немецкий учёный отмечал объяснение звенков на основе их ментальности, а не поведения. В целом, как считал В. Мюльман: "Заслуга Широкогорова состоит в том, что этнос вновь стал целью этнологических теорий" [4, с. 140–141]. В свою очередь, российский коллега ответил рецензиями на издания немецкого учёного [29; 35]. Такие свидетельства признания стимулировали С. М. Широкогорова посетить Германию во время поездки по Европе после получения творческого отпуска (sabbatical) в 1936 г. Получив известие о безвременной смерти Широкогорова в Пекине, В. Мюльман опубликовал свой некролог, в котором отмечал: "Как только в 1935 г. вышла книга "Психоментальный комплекс тунгусов", мне стало ясно, что этим трудом Широкогоров разрушил рамки этнографии (в прежнем значении этого термина) и поставил себя в первые ряды теоретиков этнологии" [4, с. 146; 73]. Даже в условиях нацистского режима немецкий учёный мог написать о русском коллеге: "Широкогороду столь же мало приходило в голову... различать "природные" и "культурные народы" или "примитивные" и "непримитивные" [4, с. 147]. Действительно, сам Сергей Михайлович никогда не отступал от своего убеждения в том, что: "... цивилизованные нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию" [16, с. 18].

По данным П. Скальника, у Мюльмана учились студенты из Южной Африки П. И. Курце и И. Х. Куци, ставшие впоследствии видными специалистами в своей отрасли. Они также усвоили значимость теории этноса С. М. Широкогорова и стали активно применять ее к условиям апартеида [13, с. 75; 38]. Причину, по которой идея этноса оказалась здесь актуальной, можно понять из книги П. И. Курце, в которой объяснялось, что именно "... за счёт расовой эндогамии сформировался народ (volk) африканеров. В то время как "цветные" (коренное население) недоразвились до такого уровня и всё ещё оставались на стадии этнической общности с собственной идентичностью" [13, с. 79; 38]. В публикации 1980 г. П. И. Курце определял "... etnos как относительно независимую и относительно самодостаточную человеческую социальную единицу, которая возникла не ad hoc [по случаю], но появилась в процессе развития...". Он также выразил уверенность в том, что "... человеческая жизнь и формирование человеческих общностей подчинены работе сил, которые никому не подвластны, можно сказать, что человеческие социально органические единицы... были вызваны к существованию самим Богом..." [13, с. 77; 38]. Его коллега Куци был также уверен в том, что "... разделение человечества на этнические единицы дано исторически в соответствии с божественным планом мироустройства. Бог также является создателем и водителем народов" [13, с. 77; 38]. Это даже не просто привычный примордиализм в трактовке этноса, а некий особый теологический подход.

Смерть С. М. Широкогорова 19 октября 1939 г. и Вторая мировая война обусловили снижение интереса к идеям российского учёного об этносе за границей. В СССР он ещё раньше был не в чести по причине своего "белоэмигрантского статуса". К сожалению, как отмечает У. Йохансен, после войны Мюльман: "... представляет теоретические концепции Широкогорова (немного изменив терминологию) как свои собственные и цитирует учёного... лишь как "тунгусоведа" [4, с. 142]. Вообще в этот период более востребованной оказалась работа С. М. Широкогорова "Психоментальный комплекс тунгусов". В 1982 г. издательство AMS Press опубликовало факсимильное издание "Комплекса..." в Нью-Йорке, а в 2001 г. эта работа была опубликована на немецком языке [4, с. 141–142]. Активно использовал "Психоментальный комплекс..." также работавший в Париже известный исследователь Мирча Элиаде в своей монографии "Шаманизм. Архаические техники экстаза" [21]. Проблема заключается в том, что тогда шаманизм стал исследоваться в отрыве от этнической проблематики.

После стабилизации ситуации в Китае и в этой стране тоже стали вспоминать о роли профессора Ши Луго (С. М. Широкогорова) в развитии антропологии и этнологии этой страны [22; 39]. Его ученик Фэй Сяотун опубликовал переводы на китайский язык ряда работ С. М. Широкогорова и свои воспоминания об учителе, которого он описывал таким образом: "Был он также очень

многознающим, так что я не мог понять всё то, что он тогда мне говорил. Он знал всё: антропологию, биологию, физическую антропологию, математику, лингвистику. Холистический подход был для него вполне естественным. Очень знающий и обладающий большим умом" [9, с. 126].

Таким образом, мы имеем свидетельства непосредственного влияния теории этноса С.М. Широкогорова на китайских, а благодаря У. Йохансен и П. Скальнику – на немецких и южноафриканских исследователей. Своё знакомство с основными работами этого автора по данной проблеме указали Ю. В. Бромлей в своей монографии "Этнос и этнография" [с. 22] и Л. Н. Гумилёв в работе "Этногенез и биосфера Земли" [с. 67]. В письме к В. М. Алексееву 9 апреля 1931 г. С.М. Широкогорov сообщил, что А. Кит вступил с ним в переписку ещё в 1925 г. (СПФ АРАН Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 880. Лл. 40 об.)². Что же касается Ф. Барта, то сам он не отмечал свою осведомлённость о С.М. Широкогоре и его идеях. Однако, значение российского автора для "озарения" Ф. Барта показали Д. Андерсон и Д. Арзютов в своей попытке дискредитации значения теории этноса Широкогорова [2]. Они же привели свидетельство бывшего студента Барта Д. Тумансониса о том, что этот профессор в 1960-х гг. очень интересовался нашим соотечественником, а также его идеями и настойчиво рекомендовал своим студентам делать то же самое. Поведали горе критики и о том, что сходство идей Барта и Широкогорова уже обсуждали с ними разные зарубежные специалисты [2, с. 104; 19]. Необходимую доказательность этого вывода подтверждает сравнительный анализ основных положений концепции Ф. Барта и теории С.М. Широкогорова.

Теория этноса С.М. Широкогорова. Известный вариант теории этноса С.М. Широкогорова доступен по изданной в 1923 г. в Шанхае ещё на русском языке монографии "Этнос ...". Основные положения автора содержатся в англоязычных публикациях на основе этого издания, а новая трактовка этноса приведена в монографии Широкогорова "Психоментальный комплекс тунгусов"³. Поэтому эти издания вполне были доступны Барту. На основе имеющихся материалов основные идеи российского учёного могут быть представлены следующим образом.

Сначала С.М. Широкогорov ещё считал: "... этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица, – объект науки этнографии" [16, с. 9]. Возникновение и существование разных этносов в теории С.М. Широкогорова объяснялось адаптацией к трём видам среды: природной, культурной, созданной самим этносом, и межэтнической, формируемой другими этносами. Отношения с каждой из рассматриваемых видов среды получили в теории российского учёного вполне развернутое освещение. Демографический фактор тоже получил своё место в его теории: "Для этноса признаками, указывающими на умелую приспособляемость в отстаивании своего права на жизнь, является прежде всего его численный состав по отношению к другим этносам... и сохранение численного состава на определённом уровне" [16, с. 61]. Важное значение в теории С.М. Широкогорова отводилось принципу равновесия, которому должны были соответствовать основные компоненты, составляющие этнос. Поэтому он принял идею Д.А. Коропчевского о взаимосвязи занимаемой территории, численности населения и уровня развития культуры этноса – как факторов, влияющих на его состояние (стабильное, развитие или упадок). Однако для нашего автора эти механизмы адаптации и факторы имели значение не только сами по себе. Уже в этой редакции своей теории он учитывал: "Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание духовной культуры этноса..." [16, с. 99]. В своём анализе межэтнических отношений Широкогорov пришел к выводу о том,

² СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

³ Из переписки С.М. Широкогорова с В.М. Алексеевым и В. Мюльманом мы знаем, что незадолго до своей смерти он подготовил работу «Введение в этнологию. Теория этноса», которую он считал главным делом своей жизни. К сожалению, эта рукопись, как и весь архив учёного, были утрачены после смерти Е.Н. Широкогоровой в 1943 г. в Пекине.

что "... для каждого этноса другие этносы являются также средой, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса" [16, с. 60]. Подробно он рассмотрел также различные аспекты межэтнических взаимодействий: "... эти отношения могут принять самые различные формы, – форму сотрудничества, форму взаимных выгод, форму паразитизма и форму поглощения или слияния..." [16, с. 61].

В новую редакцию теории в 1935 г. С. М. Широкогоров внёс два принципиальных изменения. Во-первых, он предложил рассматривать этнос как процесс, в который включены этнические общности, предвосхитив тем самым призыв норвежского "классика" заниматься изучением процессов. Во-вторых, он отказался использовать категорию "культура" в своей теории, признавая её оправданность только в отношении материальной культуры. Все остальные явления, включавшиеся ранее в эту категорию, он выделил как психоментальный комплекс, являющийся основным достоянием этнической общности. Это новое понятие объединяло в себе как бессознательные, так и сознательные составляющие, воплощённые в историческом опыте, реальных знаниях, верованиях, представлениях о мире, своей и других общностях, а также о человеке [34, р. 1–6, 12–19]. Следовательно, можно констатировать, что именно С. М. Широкогоров ещё в 1920-х гг. обосновал в своей теории значение этнической общности как исходной "единицы", совокупность которых составляет человечество, а также самостоятельный её статус по отношению к культуре и обществу. Он же объяснил образование этнических общностей в результате процессов адаптации разных групп людей к природной, культурной и этнической средам. Поэтому российский автор рассмотрел вопросы существования этих объединений и в разных экологических условиях (нишах). Так что М. Якубек не прав, утверждая, что Барт со своим интересом к экологическим нишам выглядел как "одинокая фигура". Российский учёный ещё раньше уже обсуждал эти вопросы! Достаточно обстоятельно Широкогоров исследовал возможные варианты межэтнического взаимодействия и факторы, оказывающие влияние на эти отношения. Как было показано ранее, описание этих отношений тоже является одной из важных составляющих концепции Барта.

Наиболее значимым достижением нашего соотечественника конца 1920-х– 1930-х гг. является всё же его концепция психоментального комплекса, которой посвящено фундаментальное исследование "Психоментальный комплекс тунгусов". Некоторое представление о развитии идей по этой проблеме можно получить, в частности, из переписки нашего автора с В. Мюльманом. В ней уже идёт речь о кардинальном этнологическом пересмотре методологии этнографического исследования. В письме от VIII в. июня 1938 г. С. М. Широкогоров пишет: "Типичный этнограф XIX века, собирая (разумеется, весьма фрагментарно) факты, не знал о наличии собственного психоментального комплекса. У него и в мыслях не было, что таковой вообще существует – он полагал, что его устами глаголет ИСТИНА, НАУКА..." На самом же деле "...у наблюдателя (и исследователя, описывающего ситуацию) есть собственный психоментальный комплекс, сформированный его культурной средой; следовательно, учёный не является орудием вечной истины, он лишь отражает мир через собственную личность (старое открытие!), в то время как сторонние психоментальные комплексы формируют изучаемый мир" [7, с. 150–151]. Но Широкогоров идёт ещё дальше, развивая свою концепцию следующим образом: "... читатель тоже не является лишь "принимающим" лицом; он – лицо "воспринимающее", а способность к восприятию решительным образом ограничена тем, что у него есть свой собственный психоментальный комплекс, который сформирован его этнической средой. В итоге возникает ситуация комбинированных трехсторонних действий и реакций". Столь глубокое понимание проблемы позволило ему предложить и вариант её решения: "Как я понимаю, единственный доступный в настоящее время путь смягчить ошибки восприятия – раскрыть весь механизм анализа и построений, показав, насколько они зависят от личности наблюдателя и исследователя, описывающего ситуацию, и тем самым помочь читателю устранить исследовательскую этно- и эгоцентристскую точку зрения в процессе восприятия чужого психоментального комплекса" [7, с. 151]. Что же касается понимания самого психоментального комплекса как функционального единства, то, по мнению

С. М. Широкогорова, для этого требуются такие нестрогие методы, как "всматривание" и "интуиция"].

Следовательно, можно утверждать, что С. М. Широкогоров своей концепцией психоментального комплекса как основного достояния этнических общностей и характеристикой некоторых взглядов, составляющих их индивидов, реально предвосхитил субъективистский поворот в изучении проблемы, приписываемый Ф. Барту. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что слишком большое количество совпадений между идеями работ С. М. Широкогорова и текстом Ф. Барта уже не оставляет сомнений, что именно работы нашего соотечественника послужили источником вдохновения весомой части Предисловия зарубежного "классика". Вероятнее всего, он познакомился с работами С. М. Широкогорова где-то в 1960-х гг. и был также впечатлён ими, но, как в своё время В. Мюльман, предпочёл не упоминать об этом факте. (Более подробное обоснование сходства идей С. М. Широкогорова и положений концепции Ф. Барта см. [5]).

Значение теории этноса сегодня

Забвение идей С. М. Широкогорова и других авторов 1920-х–1930-х гг. привело не только к взлёту карьеры Ф. Барта и негативным последствиям вызова постмодернизму, но и заставило Э. Саида заново переоткрывать уже осмысленные его предшественником реалии психоментального комплекса в своей концепции ориентализма. В свете же современных данных назрел вопрос: как объяснить тот факт, что теория этноса российского учёного оказалась востребованной в СССР эпохи развитого социализма, в Германии нацистского периода и послевоенного времени, в буржуазных Великобритании, Норвегии и Франции, в Южной Африке времён апартеида, в Китае на разных этапах его новейшей истории и в некоторых других странах? Очень показательно, что в своё время работавшая в Великобритании Т. Драгадзе, узнав о параллельном продвижении теории этноса Ю. В. Бромлеем и южноафриканскими специалистами, призывала коллег скрывать этот факт, т. к. боялась, что он может послужить причиной репрессий в отношении советского академика [20]. Но такая странная востребованность теории С. М. Широкогорова получает объяснение, если признать независимость его трактовки данного явления от политических, идеологических и различных конъюнктурных соображений и обстоятельств (идеальный тип). В таком случае понятия "этнос" (в значении процесса), этнические общности и соответствующие им психоментальные комплексы были предназначены для объяснения более глубоких антропологических свойств человека, чем каких-либо последующих напластований. Поскольку серьёзной альтернативы теории С. М. Широкогорова для понимания реальности этнического многообразия человечества так и не появилось, то она и стала столь востребованной в мире и сохраняет своё значение до настоящего времени.

В свете теории этноса Широкогорова в её реальном содержании, а не как сконструированного некоторыми авторами "артефакта" для критики [1; 5], становится понятным, что чтобы стать человеком (*homo sapiens sapiens*), нужно стать, например, русским, аварцем, бурятом, лезгином, татаринном, якутом или же американцем, англичанином, китайцем, корейцем, немцем, французом. То есть оказаться носителем доступной части (частей) конкретного (конкретных) психоментального комплекса, делающего индивида представителем определенной этнической общности. Конечно, в реальных условиях на индивидов могут также оказывать влияние ситуации межэтнических браков, механизмы общих межэтнических взаимоотношений, аккультурации, этнической (национальной) политики и другие факторы. В результате в общностях могут появляться свои "маргиналы" по отношению к основной части их представителей. Поэтому С. М. Широкогоров учитывал центробежный и центростремительный векторы этноса, взаимодействующие в каждой отдельной общности [35]. Но они уже оказываются своеобразной "надстройкой" или дополнением к этнической основе. Человек – есть существо прежде всего этническое, а уже потом гражданское ("политическое") – вот необходимый вывод из теории этноса С. М. Широкогорова.

В целом же, оценивая разработки по теории этноса и сравнивая их с идеями замечательного российского исследователя, несмотря на упорные по-

пытки дискредитировать их значение, придать им "местечковый" характер или приписать её автору профашистские взгляды, можно утверждать, что эта теория сохраняет своё непреходящее значение для мировой науки. Как уже отметил И. Ю. Заринов: "... дальнейшие теоретические разработки, связанные с этническим феноменом, при всех их кажущейся новизне, так или иначе являются вербальной обработкой и дополнением к теоретическим идеям Широкогорова..." [3, с. 28]. Не случайно, что к идеям С. М. Широкогорова обращаются и сегодня разные специалисты [19]. В то же время показательно, что игнорирование теории этноса этого замечательного учёного приводит к предложениям вернуться к обсуждению проблемы как народа, т. е. на уровне понимания проблемы в Новое время [14], или же свести её к отслеживанию истории термина "этнос", как на начальных стадиях развития этнографии/этнологии [6; 8]. Но С. М. Широкогоров смог осуществить подлинный прорыв в исследовании этнической проблемы на основе применения новаторской методологии, которая предвосхитила некоторые важные положения трансдисциплинарного подхода и анализа сложных систем. К сожалению, именно эта концептуальная основа теории нашего соотечественника игнорируется современными этнологами / антропологами. Пора, наконец, подойти к оценке наследия Широкогорова с современных теоретико-методологических позиций, в соответствии с которыми этнический феномен является сложным образованием, в которое этнос-процесс и этнические общности входят как составной компонент. Сам же этот феномен является отдельным измерением в сложной этно-социо-политико-культурной реальности, часто описываемой понятием "нация". Но для анализа рассматриваемых феноменов реальности необходима трансдисциплинарная методология, учитывающая сложный, многомерный их характер, которой не обладают существующие этнология / антропология.

Литература / References

1. Арзютов Д. Теория этноса С. М. Широкогорова: 5 фактов о концепции, повлиявшей на ход развития этнографии в России. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (дата обращения: 08.01.2023). Arzyutov D. Theory of Ethnos S.M. Shirokogorova: 5 Facts about the Concept, that Influenced the Course of Development of Ethnography in Russia. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (accessed 08.01.2023) (In Russ.)
2. Арзютов Д. В., Андерсон Д. "Двойное послание" этноса: комментарий к статье академика В. А. Тишкова. *Этнографическое обозрение*. 2020. № 2. С. 101–106. Arzyutov D. V., Anderson D. "Double message" of the ethnos: commentary on the article by academician V. A. Tishkov. *Ethnographic Review*. 2020. No. 2. P. 101–106. (In Russ.)
3. Заринов И. Ю. Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023. 236 с. Zarinov I. Yu. Ethnos and Ethnicity: A Retrospective Look at the Problem. Moscow: IEA RAS, 2023. 236 p. (In Russ.)
4. Йохансен У. Влияние С. М. Широкогорова на немецкую этнологию. *Этнографическое обозрение*. 2002. № 1. С. 139–143. Johansen U. The influence of S. M. Shirokogorov on German ethnology. *Ethnographic Review*. 2002. No. 1. P. 139–143 (In Russ.)
5. Кузнецов А. М. Теория этничности Ф. Барта и её реальное значение. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 3. С. 85–97. Kuznetsov A. M. Fredrik Barth's Theory of Ethnicity and Its Practical Significance. *Ojkumena. Regional Researches*. 2023. No. 3. P. 85–97.
6. Макарихина О. А. История терминов в истории гуманитарной науки (на примере термина "этнос"). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2009. № 1. С. 146–152. Makarikhina O. A. History of terms in the history of humanitarian science (using the term "ethnos" as an example). *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University*. 2009. No. 1. P. 146–152. (In Russ.)
7. Мюльман В. С. М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии). *Этнографическое обозрение*. 2002. № 1. С. 144–155. Mühlman V. S. M. Shirokogorov. Obituary (with letters, photographs and bibliography). *Ethnographic Review*. 2002. No. 1. P. 144–155. (In Russ.)
8. Панченко А. Б. Истоки теории этноса: терминологический аспект. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2010. № 3 (10). С. 108–114. Panchenko A. B. Origins of the Theory of Ethnos: Terminological Aspect. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2010. No. 3 (10). P. 108–114. (In Russ.)

9. Петрова Е. Д. Фэй Сяотун о С. М. Широкогорове. "После прочтения книги вспоминаю учителя" // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток: Издательство ДВГУ, 2008. С. 124–129.
Petrova E. D. Fei Xiaotong about S. M. Shirokogorov. "After reading the book, I remember the teacher" // Ethnos and nation in the context of globalization: experience and precedents of the Asia-Pacific region. Vladivostok: DVGU Publishing House, 2008. P. 124–129. (In Russ.)
10. Ревуненкова Е. В., Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров. *Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 100–119.
Revunenkova E. V., Reshetov A. M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov. *Ethnographic Review*. 2003. No. 3. P. 100–119. (In Russ.)
11. Решетов А. М. Петербургский период жизни и деятельности С. М. Широкогорова // С. М. Широкогоров. Избранные работы и материалы. Книга первая. Избранное. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2001. С. 6–31.
Reshetov A. M. The St. Petersburg period of life and work of S. M. Shirokogorov // S. M. Shirokogorov. Selected works and materials. Book one. Selected. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2001. P. 6–31
12. Решетов А. М. С. М. Широкогоров: китайский период жизни и деятельности (1922–1939 гг.) // Зарубежная Россия 1917–1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 183–189.
Reshetov A. M. S. M. Shirokogorov: The Chinese period of life and work (1922–1939) // Foreign Russia 1917–1939. Book 2. St. Petersburg, 2003. P. 183–189. (In Russ.)
13. Скальник П. Советская "теория" этноса и ее южноафриканская параллель. *Этнографическое обозрение*. 2006. № 3. С. 72–85.
Skalnik P. Soviet "theory" of ethnicity and its South African parallel. *Ethnographic Review*. 2006. No. 3. P. 72–85. (In Russ.)
14. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (омаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву). *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 6–25.
Tishkov V. A. On the reconciliation of constructivism and primordialism (homage to the ethnographer Andrei Vladimirovich Golovnev). *Ethnography*. 2023. No. 1 (19). P. 6–25. (In Russ.)
15. Широкогоров С. М. Краткий отчет о деятельности в 1917–1919 гг. сверхштатного младшего антрополога музея антропологии и этнографии // С. М. Широкогоров. Избранные работы и материалы. Книга первая. Избранное. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2001. С. 81–93.
Shirokogorov S. M. Brief report on the activities in 1917–1919 of a supernumerary junior anthropologist of the Museum of Anthropology and Ethnography // S. M. Shirokogorov. Selected works and materials. Book one. Selected. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2001. P. 81–93.
16. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование изменения основных принципов этнических и этнографических явлений // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Книга 2. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2002. С. 35–142.
Shirokogorov S. M. Ethnos. Research of changes in the basic principles of ethnic and ethnographic phenomena // Shirokogorov S. M. Selected works and materials. Book 2. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2002. P. 35–142. (In Russ.)
17. Широкогоров С. М. Curriculum Vitae // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Книга 1. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 20–1 С. 59–61.
Shirokogorov S. M. Curriculum Vitae // Shirokogorov S. M. Selected works and materials. Book 1. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2001 P. 59–61. (In Russ.)
18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Etnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept. *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60, No 6. P. 741–773.
19. Bohuszewicz J. The Concept of Mind in S. M. Shirikogoroff's "Psychomental Complex of the Tungus". *Anthropos*. 2021. Vol. 116, № 1. P. 77–88.
20. Dragadze T. The place of ethnos" theory in Soviet anthropology // Soviet and Western Anthropology / Ed. by E. Gellner. L.; Duckworth, 1980. P. 161–170.
21. Eliade M. Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton University Press, 1972. 570 p.
22. Guldin G. The Saga of Anthropology in China: from Malinowski to Moscow and Mao. New York; London: An East Gate Books; Armork, 1994. 328 p.
23. Miihlmann W. E. Besprechung von S. M. Shirokogoroff: Psychomental Complex of the Tungus. *Deutsche Literaturzeitung*. 1938. No. 15.
24. Miihlmann W. E. Nachruf auf S. M. Sirokogorov (nebst brieflichen Erinnerungen). Mit einem Lichtbild und einer Bibliographie // Archiv fur Anthropologic. Volkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N. F. Bd. XXVI. H.1–2. Braunschweig, 1940. P. 55–64.
25. Reshetov A. M. S. M. Shirokogoroff // International Dictionary of Anthropologists / Ed. by Ch. Winters. NY., L., 1991.
26. Shirokogorof S. M. Anthropology of Northern China / Royal Asiatic Society. Shanghai. 1923. Extra Vol. 11. 118 p.
27. Shirokogorof S. M. Anthropology of Eastern China and Kwangtung province // Publications of North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1925. Extra Vol. 4. 162 p.

28. Shirokogoroff S. M. *Ethnical Unit and Milleu. A Summary of Ethnos*. Shanghai: Edward E Vance and Sons, LTD, 1924. 36 p.
29. Shirokogorof S. M. *Ethnographie und Ethnologie. Zur Lage der modernen Volkerkunde (aus dem Englischen ubersetzt von W. Muhlmann)*. *Archiv fur Anthropologie n.s.* 1937. XXIV. P. 1-7.
30. Shirokogorof S. M. *Ethnological and linguistical aspects of Uralo-Altaic hypothesis*. Peiping: The Commercial Press, 1931. 198 p.
31. Shirokogorof S. M. *Ethnos: An outline of theory*. Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.
32. Shirokogorof S. M. *La theorie de l'Ethnos et sa place dans le systeme des sciences anthropologiques. L'Ethnographie nouvelle serie*. 1936. 32. P. 85–115
33. Shirokogorof S. M. *Process of physical growth among the Chinese. Vol. 1. The Chinese of Chekiang and Kiangsu: measured by Dr. V. Appleton*. Shanghai: The Commercial Press, 1925a. 137 p.
34. Shirokogorof S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
35. Shirokogorof S. M. *Review of Method der Volkerkunde by W. Muhlmann. Deutsche Literaturzeitung*. 1939. No. 19. P. 678–682.
36. Shirokogorof S. M. *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups)*. Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
37. Shirokogorof S. M. *Versuch einer Erforschung der Grundalen des Schamanentus bei den Tungusen, autorisierte Ubersetzung von W. A. Unkrig aus dem Russischen. Baessler-Archiv XV111/2*. 193a P. 41–96.
38. Skalnik P. *Union sovietique – Afrique du Sud: les theories de l'ethnos (The Soviet Etnos 'Theory' and Its South African Parallel)*. *Cahiers d'Études Africaines*. Vol. 28, Cahier № 110. Vol. XXVIII. 1988. P. 157–176.
39. 希羅科戈羅夫對中國人類學發展的影響. 中南人文社會科學 大學學報.
Liu Xiaoyong. *Shirokogorov's Influence on the Development of Anthropology in China. Journal of South-Central University for Humanities and Social Sciences*. 2007. Issue 24. P. 73–79 (In Chin.)

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2025

Одобрена после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 25.07.2025

Approved 11.02.2026

Accepted 26.02.2026

Научная статья
УДК 94(571.54+571.55)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/67-77>

"Строили с листа": особенности проектирования и застройки новых городов Забайкалья в 1950-е – 1980-е гг.

Николай Сергеевич Байкалов
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, baikalov@bsu.ru
Жамьян Жаргалович Цырендашиев
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия, tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проектирования и застройки новых городов Забайкалья во второй половине XX в. На основе архивных документов описаны основные этапы и особенности проектирования и планирования разных типов городов, выявлены причины и последствия запаздывания в подготовке проектных документов. В заключении сделаны выводы, что на протяжении рассматриваемого периода генеральные планы не стали в новых поселениях Забайкалья проектной основой для фактической застройки. Разрыв между градостроительной теорией и практикой имел накопительный эффект и отрицательно сказался на развитии населённых пунктов региона, как в советский период, так и на современном этапе.

Ключевые слова: *Забайкалье, новые города, проектирование городов, генеральный план, ведомственность, поздний социализм*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>

Для цитирования: Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж. "Строили с листа": особенности проектирования и застройки новых городов Забайкалья в 1950-е – 1980-е гг. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 67–77.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/67-77>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/67-77>

"Built from scratch": designing and developing new cities in Transbaikalia in the 1950s–1980s

Nikolai S. Baikalov
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, baikalov@bsu.ru
Zhamyan Zh. Tsyrendashiev
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Abstract. The article examines the design features of new towns in Transbaikalia in the second half of the 20th century. Based on archives, the article describes the main stages and features of the developing design and planning process for different types of towns and identifies the causes and consequences of delays in the preparation of master plans and detailed planning projects. In conclusion, the authors claim that urban master plans did not become the design basis for actual construction in new settlements in Transbaikalia during the review period. The gap between urban planning theory and practice had a cumulative effect and negatively influenced on the development of regional settlements during the Soviet period and at the present stage.

Key words: *Transbaikalia, new cities and towns, urban planning, master plan, departmentalism, late socialism*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. № 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>

For citation: Baikalov N. S., Tsyrendashiev Zh. Zh. "Built from scratch": designing and developing new cities in Transbaikalia in the 1950s–1980s. *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 67–77.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/67-77>

Во второй половине XX в. Сибирь и Дальний Восток вступают в стадию интенсивного промышленного освоения. Проводниками в реализации крупных индустриальных проектов стали новые города, резкий рост которых пришёлся на послевоенный период. Сегодня обращение к историческому опыту их формирования приобретает актуальность в контексте реализации программ социально-экономического развития сибирского и дальневосточного регионов, модернизации транспортной инфраструктуры и обсуждения инициатив создания новых поселений.

Понятие "новый город" применительно к новейшему периоду отечественной истории обладает несколькими смысловыми уровнями, которые

связаны с разными критериями новизны – новое место, новый быт, новые технологии и новые возможности и др. На рубеже XIX–XX вв., благодаря трудам английского социолога Э. Говарда и его последователей, получает распространение концепция города-сада [14]. В России её подхватывает один из основоположников научного градостроительства А. К. Енш, который полагал, что города-сады (или города-деревни) могут быть способом решения аграрного и рабочего вопросов, а также способствовать снижению нехватки жилья для трудящихся [16, с. 48–49].

После установления советской власти идея "нового города" оказалась созвучна как взглядам представителей раннесоветского авангарда, так и поискам теоретиков социалистического образа жизни. По выражению Н. Ю. Костюриной она отражала "весь спектр ожиданий, связанных с революцией: в нём зафиксированы представления об обновлённой социальной организации жизни и соответствующих ей градостроительных решениях" [18, с. 3]. Понимание нового поселения как возникшего на новом, ранее неосвоенном месте дополняется представлением о новом, как сформированном на новых социалистических принципах.

Ускоренная индустриализация стала основным градообразующим фактором 1930-х гг. В отличие от городов, возникших естественным путем, плановые города строились на свободном, ранее неосвоенном месте, преимущественно, рядом с промышленными предприятиями. Многочисленные города, появившиеся в это время, часто возникали без серьёзной проектно-исследовательской подготовки, не имели генпланов и прочих документов.

Концепция нового города как "города социалистического" конструировалась на противопоставлении его "городу капиталистическому". В качестве нового город воспринимался благодаря советским идеологемам, соответствовавшим представлениям людей о лучшей жизни и городе будущего. На практике же, как отмечают исследователи, новые советские города вобрали в себя много "элементов капиталистического города", получали типовые проекты, разрабатываемые столичными архитекторами часто без посещения мест строительства и учёта локальных особенностей [31, с. 275–288]. В результате города имели схожий облик, безликую архитектуру общественного центра и значительные объёмы трущобной застройки.

Во второй половине XX в. новые города рассматривались в двух аспектах: как "новое населённое место в общей системе расселения" и как "непрерывно новое качество планировки и застройки, отражающее достижения градостроительства на каждом новом этапе его развития" [25, с. 5–6]. В этот период наблюдаются попытки расширения границ дефиниции "новый город". Советские географы Л. Л. Трубе и Б. С. Хорев предложили относить к новым городам не только те, что возникли на незаселённом месте, но и те, что выросли из сложившихся поселений [35, с. 32–33]. Некоторые авторы также причисляли к ним сложившиеся в дореволюционное время посёлки, которые за годы Советской власти в несколько раз увеличились, были заново отстроены или перенесены из зон затопления крупных водохранилищ [19, с. 44–45].

Несмотря на всё многообразие определений в настоящем работе новыми мы будем считать все города, возникшие на свободной территории или переведённые из посёлков сельского и городского типов в разряд городов в советское время. К данной категории в регионе можно отнести три новых города Республики Бурятия и шесть населённых пунктов Забайкальского края, которые авторы статьи сгруппировали на основе функционально-генетической типологии, учитывающей профиль хозяйственной специализации и исторические особенности возникновения и развития.

По функциональной принадлежности [26, с. 245–246] изучаемые населённые пункты подразделяются на транспортные города, обеспечивающие функционирование Забайкальской и Байкало-Амурской железных дорог (Хилок, Шилка, Борзя, Могоча и Северобайкальск); промышленные горнодобывающие города (Закаменск, Балей, Краснокаменск); промышленные города с доминированием энергетической отрасли (Гусиноозерск). По генетическому признаку авторы выделяют раннеиндустриальные (Закаменск, Гусиноозерск, Балей и др.) и позднеиндустриальные (молодые) города (Краснокаменск, Северобайкальск).

Цель работы состоит в изучении основных этапов и особенностей проектирования и застройки новых городских поселений Забайкалья в 1950-е – 1980-е гг. на основе архивных документов проектных институтов, материалов делопроизводства областных и районных органов исполнительной власти, хранящихся в региональных и местных архивах, а также устноисторических сведений.

В отечественной историографии проблемы проектирования и строительства новых городов Забайкалья до сих пор не получили широкого освещения. В работах историков социалистические города региона рассматривались, прежде всего, в рамках изучения советской индустриализации территорий Сибири и Дальнего Востока, где им отводилась роль базовых площадок для осуществления крупных индустриальных и инфраструктурных проектов. В последние десятилетия стали появляться работы по урбанизации и формированию систем расселения, демографической и социальной истории [10; 11; 12; 13; 33; 37; 38]. Отдельные вопросы рассматривались в работах, посвящённых истории БАМа [1; 2; 3; 8; 28], историко-правовым аспектам подготовки градостроительной документации [29; 30], историко-культурному наследию [5; 6; 32] и др.

Формирование городской поселенческой сети Забайкалья было тесно связано с государственной политикой освоения восточных регионов страны, первоначально ориентированной на добычу пушнины (XVI–XVII вв.), затем – на анклавное развитие горно-металлургической промышленности (XVIII–XIX вв.), после – на аграрное освоение территорий, сопровождавшееся массовым переселением крестьян в малообжитые районы (сер. XIX – нач. XX вв.) [27, с. 34]. С началом строительства в 1891 г. Транссибирской магистрали складывается широтная полоса расселения в центральной части Забайкалья. География старой поселенческой сети подвергалась "сжатию", уступив место новым населённым пунктам, расположенным на магистральной линии. Вдоль Забайкальской железной дороги (ЗЖД) складывается ряд железнодорожных станций – Хилок (1896), Шилка (1897), Борзя (1899), Мысовая (1900), Петровский Завод (1900), Могоча (1910) и др.

В региональной структуре поселенческой сети железнодорожные посёлки становятся промежуточными звеньями между селом и городом с функциями административного, торгово-распределительного и транспортного центров на прилегающей территории. По мнению Г. М. Лаппо пристанционные посёлки являлись "эмбрионами" урбанизации будучи резервными точками роста тех или иных производств [20, с. 302].

Самым крупным населённым пунктом между Верхнеудинском и Читой был Хилок, в котором размещались центр VI строительного участка ЗЖД, торговые и ремесленные заведения, паровозное депо и железнодорожные мастерские. Станция Шилка расположилась на месте казачьей станицы Митрофановской, откуда проходила гужевая дорога до Нерчинска и осуществлялось снабжение строившейся ЗЖД по речным путям. От станции Борзя протянулась железнодорожная ветка на Маньчжурию, что стимулировало развитие в посёлке ремесла и торговли. Последней на ЗЖД возникла станция Могоча, первоначально входившая в состав Амурской железной дороги (1907–1916), ставшая логистическим центром золотодобычи в Восточном Забайкалье.

При застройке этих поселений учитывались три условия: близость железнодорожных путей для транспортировки грузов; возможность легко получить воду для промышленных целей; стоимость земельных участков [4, с. 50]. Для сооружения и эксплуатации дороги требовались новые производственные и общественные объекты, включая здания вокзалов, путевые дворы, локомотивные депо и пр.

Архитектурной доминантой пос. Хилок служил вокзал, вокруг которого формировалась привокзальная площадь с учреждениями соцкультбыта и зоной рекреации, выполнявшими функцию общественного центра. Населённый пункт состоял из ряда микрорайонов с неофициальными названиями "Порт-Артур", "Остров", "Заречье", "Чёртов угол", которые в случае притока мигрантов должны были интегрироваться в город (АО ХР. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 121. Л. 26–28)¹. В 1935 г. был организован Хилокский вагонный участок,

¹ АО КР – Архивный отдел Краснокаменского района Забайкальского края.

что привело к возведению жилого массива для железнодорожников ("Соцгорода").

Похожая планировка была характерна и для других транспортных населённых пунктов. Старожилческие поселения нередко срастались с пристанционными посёлками, например, ст. Борзя и пос. Суворовский, ст. Шилка и пос. Шилкинский, ст. Могоча и пос. Могочинский [9, с. 13]. При этом "железнодорожная" часть населённого пункта выполняла функции градообразующего ядра, выступая проводником городского образа жизни [16, с. 4].

В 1930-е гг. новый социалистический город все чаще понимается как совокупность рабочих посёлков, сконцентрированных вокруг базового предприятия [21, с. 332–333]. Размещение производительных сил на востоке страны предполагало создание новых центров при развитии крупных производств вместо реконструкции старых поселений [4, с. 93–95]. В Забайкалье начинается интенсивная разработка месторождений угля, вольфрама и золота, что приводит к оформлению группы посёлков горнодобывающей специализации.

Для возведения Джидинского вольфрамо-молибденового комбината в Бурят-Монгольской АССР был образован рабочий посёлок треста Джидастрой Наркомтяжпрома СССР, преобразованный в 1944 г. в город Городок (с 1959 г. – Закаменск) [7, с. 156]. В целях освоения Балейского золоторудного месторождения Читинской области был создан пос. Балей, в 1938 г. получивший статус города районного подчинения [22]. В ходе разработки Гусиноозёрского месторождения каменного угля в Бурятии был организован пос. Шахты, ставший в 1953 г. городом Гусиноозёрском (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 14–1а. Л. 71)². С появлением в 1960-е гг. градообразующего сектора Минэнерго (Гусиноозёрская ГРЭС) ведомственная монополия Минуглепрома СССР в функционировании города была нарушена.

Промышленные предприятия быстро обрастали рабочими посёлками без проведения предварительных планировочных работ и учёта градостроительных норм [39, с. 356–357]. В результате в Городке, Шахтах и Балее селитьба примыкала к промзоне, формируя скорее образ "деревни при заводе", чем контуры городской ойкумены. Если для транспортных центров, возникших вдоль ЗЖД, было характерно постепенное "вживание" в осваиваемые пространства, то индустриальные города вырастали из рабочих посёлков при предприятиях в очень сжатые сроки.

В послевоенный период происходит упорядочение сети поселений, сложившейся в предшествующие десятилетия. В 1945–1985 гг. в градостроительной мысли получила распространение "прагматичная" концепция, согласно которой отдельные городские районы теперь рассматривались как "продукт новых технологических решений и профессиональных практик" [17, с. 135]. Проектирование городов стало осуществляться на базе генеральных планов [24, с. 4], в основе которых лежали такие принципы, как чёткое функциональное зонирование, эффективная логистика коммуникаций между селитьбой и промзоной, сбалансированное распределение объектов социальной инфраструктуры и пр. [34, с. 3–4].

Разработке генпланов предшествовало тщательное геодезическое, топографическое и технико-экономическое изучение местности. В Закаменске эти работы были завершены к 1948 г., однако генплан и ПДП³ города были утверждены только через семь лет из-за затянувшегося включения в городскую черту посёлков Баянгол и Холтосон с предприятиями Джидинского комбината (ГАРФ. Ф. 150. Оп. 2. Д. 483. Л. 1–4)⁴.

Геодезические и топографические изыскания в пос. Шахты (Гусиноозёрске) были проведены Востсибшахтпроектом, в результате чего генплан (1951) был ограничен посёлком Минуглепрома без учёта перспектив развития территории. Два года спустя документ потерял значение вследствие присвоения поселению городского статуса (ГАРФ. Ф. 150. Оп. 2. Д. 483. Л. 2). Новый генплан получил утверждение лишь в 1968 г. (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 5400. Л. 16).

² ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия.

³ ПДП – План детальной планировки

⁴ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Ведомственная застройка опережала разработку градостроительных документов и в других забайкальских городах, что приводило к некомпактному размещению жителей и росту расходов на содержание коммунальных сетей (ГАРФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1262. Л. 12). Например, ПДП центрального района и схему размещения первой очереди строительства г. Балей, предложенные Ленгипрогором, были окончательно утверждены в 1967 г.

Ко времени централизованной разработки генпланов транспортных городов Забайкалья результаты ранее проведённых топографо-геодезических работ потеряли свою актуальность. Больше всего несоответствий градостроительным нормативам было выявлено в топографических картах городов Хилок и Могоча. Составлением новой карты Хилка занимался Гипрокоммунстрой. В Могоче подготовка градостроительных документов задерживалась из-за проходившей в городе геологоразведки (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 3827. Л. 2–8). Нередко при разработке городских планов проектные институты использовали военные топографические карты (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 1997. Л. 20). Всё это приводило к длительным задержкам в проектировании, как следствие, генпланы всех четырёх транспортных городов при ЗЖД утверждались Читинским облисполкомом в течение 1966–1975 гг. (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 4368. Л. 19–20; Д. 5849. Л. 20–26).

Последними в Забайкалье возникли молодые города Краснокаменск и Северобайкальск. Атомград Краснокаменск был образован на севере Читинской области в 1969 г. как базовый центр Приаргунского горно-химического комбината по переработке урана [15, с. 18–20].

В предельно сжатые сроки развернулось строительство жилья и объектов социальной инфраструктуры. До появления генплана строители должны были руководствоваться временными правилами застройки, составленными главным архитектором Краснокаменска и Отделом по делам строительства и архитектуры Читинского облисполкома (АО КР. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–16, 34).

Однако комбинат нередко пренебрегал этими правилами и ориентировался на внутренние проектно-градостроительные требования, исходящие от заказчика (Минсредмаша СССР). Генеральным проектировщиком города был назначен подведомственный министерству институт ПромНИИпроект. Госстрой РСФСР предложил в качестве образца использовать генплан г. Березники Пермской области (АО КР. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 72. Л. 62). Проектировщики должны были учитывать фактически сложившуюся структуру поселения [29, с. 29]. Поскольку прогнозы экономического и демографического роста поселения изменялись несколько раз, генплан города был окончательно утверждён Читинским облисполкомом лишь в 1989 г. (АО КР. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 72. Л. 124–126).

В 1974 г. в связи с началом сооружения БАМа на карте Забайкалья появляется ряд временных посёлков транспортных строителей, одним из которых является Новогодний. После официальной регистрации населённого пункта Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР 29 сентября 1975 г. ему было присвоено название Северобайкальск [36, с. 86].

Генплан, разработанный в 1975 г. Ленгипрогором, был рассчитан на проектную численность населения 25 тыс. человек с последующим ростом до 40–50 тыс. жителей. Документ учитывал уникальный природный ландшафт северного побережья Байкала, горный рельеф и прибрежную лесную полосу. При этом проектируемый город оказался отрезан от берега Байкала железнодорожной станцией. По заявлению Главгосэкспертизы Госстроя СССР и института Сибгипротранс перенос станции был невозможен из-за отсутствия других пригодных для её размещения площадок (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 5400. Л. 24).

В подготовленной Ленгипрогором документации было выявлено много недостатков. Экспертизы Госгражданстроя и Управления по делам строительства и архитектуры Бурятской АССР показали, что "место расположения города в установленном порядке не выбиралось", "площадка в геологическом отношении была не изучена", "задание на разработку генплана Ленгипрогору не выдавалось и было наспех составлено задним числом" (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 5400. Л. 43).

В 1975–1976 гг. Восточно-Сибирский трест инженерно-строительных изысканий выявил в зоне проектирования значительные слои вечномёрзлых грунтов и высокую сейсмичность. В связи с этим было принято решение отказаться от города и ограничиться разработкой плана посёлка железнодорожников на 14 тыс. человек (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 5584. Л. 18). Госгражданстрой и Госстрой РСФСР приняли решение определить другую площадку для нового города "в пределах планировки Северо-Бурятского промышленного района" (ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 10. Д. 28. Л. 21–21об).

Однако Северобайкальск продолжал расти, главным образом, из-за сосредоточения в этом районе большого количества строительных организаций, специализировавшихся на возведении Мысовых и Байкальского тоннелей, объектов производственной, транспортной и жилищно-гражданской инфраструктуры. Важную роль играло удобное географическое положение будущего города, позволявшее использовать байкальскую навигацию, железный и автомобильный транспорт и авиасообщение. В результате 5 ноября 1980 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Северобайкальск был преобразован в город республиканского подчинения [23, с. 3] вразрез утверждённому в 1977 г. генплану и продолжил стихийно застраиваться без опоры на главный градостроительный документ.

Аналогичное положение складывалось и в других городских поселениях БАМа в Забайкалье. Например, при возведении пос. Муякан была выявлена деградация вечномёрзлых грунтов под вертикальной планировкой, вследствие чего проект узловой станции второго класса был перенесен в пос. Таксимо, ныне центр Муйского района Бурятии (ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 16. Д. 8. Л. 14–15). Как позднее вспоминал один из партийных руководителей стройки генплан нового поселения также отсутствовал: "И вот тогда с листа, с проектного листа, строили же как тогда: проектанты здесь практически жили новосибирские и томские, и с листа выдавали проектные задания... Укладка то шла, сроки уже никто не переносил. Поэтому оно так и получилось, он (Таксимо – Н.Б.) без генплана был построен, в силу необходимости, просто нужно было его строить" (ПМА 2002 г.: республика Бурятия, пос. Таксимо, Анатолий, 1951 г. р.)⁵.

Таким образом, как и в предыдущих случаях, производственные интересы министерств и ведомств доминировали над территориальными. Потребности строительства БАМа привели к росту стихийной застройки преимущественно временным жильём и объектами соцкультбыта без чёткого функционального зонирования и комплексного подхода.

Для обобщения сведений о разработке генпланов новых городов Забайкальского региона обратимся к данным *таблицы 1*.

Почти во всех случаях наблюдается временной разрыв между появлением нового города и разработкой генплана. В транспортных городах он составил в среднем 15 лет. Возникшая в догородской период их развития железнодорожная планировочная структура была инкорпорирована в генпланы новых городов. Отсутствие в данной группе поселений иных градообразующих объектов позволило избежать частых корректировок основных проектных документов и завершить их составление раньше, чем в индустриальных городах.

В горнодобывающих городах (Балей, Закаменск) период отставания в разработке проектных документов составил 29–30 лет, что было вызвано противоречиями между ведомственными проектировщиками и застройщиками и территориальными органами управления, регулярными пересмотрами генпланов в связи с изменениями прогнозов экономического и демографического развития поселений.

Несколько быстрее разработка генеральных планов проходила в молодых поселениях. В Краснокаменске, ввиду стратегической важности градообразующего предприятия, работы были произведены в 20-летний срок. Гусиноозёрск, формально не относящийся к молодым городам, пережил "второе рождение" с возведением ГРЭС, объявленной комсомольской стройкой. В результате на подготовку генплана вместе с прохождением процедуры утверждения там ушло 17 лет.

⁵ ПМА – Полевые материалы автора.

Табл. 1. Разработка генеральных планов новых городов Забайкалья
Table 1. Development of master plans for new towns in Transbaikalia

Город	Год получения городского статуса	Год составления генплана	Год утверждения генплана
Балей	1938	1967	1967–1968
Борзя	1950	1963 1975 (дубликат)	1971
Гусиноозёрск	1953	1968	1970
Закаменск	1944	1955 1974 (переработка)	1955–1974
Краснокаменск	1969	1989	1989
Могоча	1950	1967	1967
Северобайкальск	1980	1977 1987 (переработка)	1977
Хилок	1951	1968	1968
Шилка	1951	1966	1966

Источник: составлено авторами на основе: (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 4368. Л. 19–20; Ф. А533. Д. 5849. Л. 20–26).

Source: compiled by the authors based on: (State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A 533. Series 1. File 4368. P. 19–20; File 5849. P. 20–26).

Единственным городом, получившим генеральный план с опережением формального присвоения городского статуса, являлся Северобайкальск. Это было связано со значимостью БАМа как Всесоюзной ударной комсомольской стройки, широким использованием шефской помощи ленинградских строителей. Вместе с тем генплан Северобайкальска предусматривал возведение небольшого посёлка железнодорожников. В застройке города документ не использовался вплоть до корректировки 1987 г., когда он был переработан под фактическую застройку. Если рассматривать 1987 г. как дату получения актуального генплана для города, то можно также констатировать 7-летнюю задержку в разработке документа.

Среди причин затягивания подготовки градостроительной документации, прежде всего, следует выделить ведомственную принадлежность большинства новых городов региона. Проектирование и застройка нередко осуществлялись под давлением производственно-отраслевых интересов промышленных предприятий, строительных трестов и других хозяйствующих субъектов.

Важным фактором была нехватка квалифицированных кадров проектировщиков и малая мощность низовых проектных организаций. Нередко в архивных документах фиксировались случаи отказа генпроектировщиков от разработки ПДП и их передачи местным проектным организациям, сотрудники которых часто не имели профильного архитектурного образования (ГАРФ. Ф. А-533. Оп. 1. Д. 5055. Л. 18–19; Ф. А-533. Оп. 1. Д. 5849. Л. 5).

Организация и контроль над осуществлением планировочных работ сталкивались с удалённостью новых городов и посёлков от областных центров и развитых производственных баз. Власти стремились закрепить должности главных архитекторов и инспекторов по архитектурному контролю непосредственно в районах строительства новых поселений, чему также препятствовал недостаток специалистов на местном уровне (ГАРФ. Ф. А533. Оп. 1. Д. 4722. Л. 7–8).

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода генеральные планы так и не стали в новых городах Забайкалья основными проектными

документами. В раннеиндустриальный период новые поселения стихийно формировались вокруг градообразующих предприятий преимущественно по "трущобному" типу застройки.

Работы по составлению генеральных планов осуществлялись в большинстве случаев во второй половине XX в., когда эти поселения уже получили статус города. Высокая доля ветхого и аварийного жилого фонда препятствовала проектированию новых микрорайонов, которые переносились на свободные территории и возводились на основе современных норм и правил градостроения. Таким образом, новая застройка не заменяла трущобную, а дополняла её, что приводило к непропорциональному разрастанию селитьбы.

Подготовленные проектные документы не соответствовали фактически застроенным микрорайонам, часто воспринимались градообразующими предприятиями как препятствие для осуществления производственных задач и достижения требуемых плановых показателей. Как следствие, наблюдались длительные согласования, пересмотры и корректировки планов, что увеличивало отставание проектных работ от темпов строительства и превращало генпланы в формальные документы.

Такой разрыв между градостроительной теорией и практикой имел тяжёлые последствия для новых городов в постсоветский период, когда существовавшие ранее экономические связи распались, градообразующие предприятия не смогли поддерживать в прежнем объёме жизнедеятельность поселений, возросла доля ветхого и аварийного жилого фонда, а также степень износа коммунальных сетей и инженерных сооружений, ухудшились экологическая обстановка и санитарное состояние территорий. Таким образом, результаты проектной деятельности советского периода приобретают сегодня новое актуальное значение, поскольку их изучение и внедрение позволит ограничить вышеназванные негативные тенденции в территориальном развитии городских поселений региона.

Литература / References

1. Антипин К., Кисельникова Д. Проектирование системы расселения БАМа в 1970-е годы. *Проект Байкал*. 2025. Т. 22, № 84. С. 112–118. <https://doi.org/10.51461/ISSN.2309-3072/84.2558>
Antipin K., Kiselnikova D. Designing the BAM settlement system in the 1970s. *Project Baikal*. 2025. Vol. 22, № 84. P. 112–118. <https://doi.org/10.51461/ISSN.2309-3072/84.2558> (In Russ.)
2. Байкалов Н. С. Недостроенные города БАМа. Советская ведомственность в формировании населенных пунктов притрассовой зоны // Советская ведомственность: коллективная монография / под редакцией И. Н. Стася. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 355–408.
Baikalov N. S. Unfinished cities of the BAM. Soviet departmentalism in the formation of settlements in the mainline zone // Soviet departmentalism: collective monograph / edited by I. N. Stas. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2025. P. 355–408 (In Russ.)
3. Байкалов Н. С. Проектирование населённых пунктов в зоне строительства магистрали // Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее: очерки истории, географии, культуры / ред. Ю. А. Зуляр. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. С. 234–249.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367>
Baikalov N. S. Planning of settlements in the BAM construction zone // Western section of BAM: The Past, the Present and the Future: Essays on history, geography, culture / ed. Yu. A. Zulyar. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State University, 2023. P. 234–249.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367> (In Russ.)
4. Баканова С. А., Никитина Л. В. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI вв. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. 374 с.
Bakanova S. A., Nikitina L. V. City in the mirror of master plan: Panorama of urban development projects in the Russian provinces of the 18th – early 21st centuries. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University publishing house, 2008. 374 p. (In Russ.)
5. Балдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2011. 179 с.
Baldandorzhiyev Zh. B. Small towns: typology and classification in the context of cultural heritage (on the example of small towns of Eastern Transbaikalia): dissertation ... candidate of cultural studies: 24.00.01. Chita, 2011. 179 p. (In Russ.)
6. Балдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья). *Гуманитарный вектор*. 2011. № 3 (27). С. 112–119.

- Baldandorzhev Zh. B. Small Towns: Typology and Classification in the Context of Cultural Heritage (on the Example of the Towns of Eastern Transbaikalia). *Humanitarian Vector*. 2011. No. 3 (27). P. 112–119. (In Russ.)
7. Батуева М. С. Наш городок. Закаменск: Знамя труда, 2004. 258 с.
Batueva M. S. Our town. Zakamensk: Znamya truda, 2004. 258 p. (In Russ.)
 8. Белаш Т. А., Кузнецов А. В., Мартиров В. Б. Вклад архитекторов и инженеров-строителей Петербургского университета путей сообщения в формирование транспортной и городской инфраструктуры БАМа. *Известия Петербургского университета путей сообщения*. 2024. Вып. 2. С. 311–323. <https://doi.org/10.20295/1815-588X-2024-02-311-323>
Belash T. A., Kuznetsov A. V., Martirov V. B. The contribution of architects and civil engineers of the Petersburg University of Railways to the formation of the transport and urban infrastructure of BAM. *Proceedings of Petersburg Transport University*. 2024. Issue 2. P. 311–323. <https://doi.org/10.20295/1815-588X-2024-02-311-323> (In Russ.)
 9. Борзя – город в Забайкалье / Г. Беломестнов, В. Ильин, Л. Вельц [и др.]. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 57 с.
Vorzya – a town in Transbaikalia / G. Belomestnov, V. Ilyin, L. Velts [et al.]. Chita: Express publishing house, 2013. 57 p. (In Russ.)
 10. Бреславский А. С. Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019). *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 6. С. 44–53. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-6-44-53>
Breslavsky A. S. Dynamics of urbanization processes in Zabaikalsky Krai (1989–2019). *Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15, No. 6. P. 44–53. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-6-44-53> (In Russ.)
 11. Бреславский А. С. Итоги советской урбанизации Читинской области: структура, численность и функциональное значение городских поселений. *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 157–167. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.5.34014>
Breslavsky A. S. The results of soviet urbanization of Chita oblast: structure, count and functional significance of urban settlements. *History magazine – Researches*. 2020. No. 5. P. 157–167. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.5.34014> (In Russ.)
 12. Бреславский А. С. От разрастания к рационализации: городское и пригородное расселение на востоке России в конце 1980-х – начале 2020-х гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 416 с.
Breslavsky A. S. From expansion to rationalization: urban and suburban settlement system in the East of Russia in the late 1980s – early 2020s. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2025. 416 p. (In Russ.)
 13. Будко В. В. Особенности процесса урбанизации на территории Читинской области: дис. ... канд. геогр. наук. Улан-Удэ, 2005. 166 с.
Budko V. V. Features of the urbanization process in the Chita region: dissertation ... candidate of geographical sciences. Ulan-Ude. 2005. 166 p. (In Russ.)
 14. Говард Э. Города будущего / пер. А. Ю. Блох. СПб, 1911. 177 с.
Howard E. Cities of the Future / trans. A. Yu. Bloch. St. Petersburg, 1911. 177 p. (In Russ.)
 15. Город с горячим сердцем. Живая история / Б. Аслезов, Ю. Васин, В. Зенченко [и др.]. Краснокаменск: Администрация городского поселения "Город Краснокаменск", 2019. 304 с.
City with a warm heart. Living history / B. Aslezov, Yu. Vasin, V. Zenchenko et al. Krasnokamensk: Administration of the urban settlement "City of Krasnokamensk", 2019. 304 p. (In Russ.)
 16. Енш А. К. Города-сады: (Города будущего). СПб: типография Санкт-Петербургского градоначальства, 1910. 49 с.
Ensh A. K. Garden cities: (Cities of the Future). St. Petersburg: Printing House of the St. Petersburg City Administration, 1910. 49 p. (In Russ.)
 17. Жеблиенок Н. Н., Малинина С. В. Некоторые аспекты развития концепции "нового города" в теории отечественного градостроительства. *Academia. Архитектура и строительство*. 2022. № 3. С. 132–141. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2022-3-132-141>
Zheblienok N. N., Malinina S. V. Some aspects of the concept "New City" development in the theory of Russian urban planning. *Academia. Architecture and construction*. 2022. No. 3. P. 132–141. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2022-3-132-141>. (In Russ.)
 18. Костюрина Н. Ю. Новый город как модель советской культуры: дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. СПб, 2006. 375 с.
Kostyurina N. Yu. The New City as a Model of Soviet Culture: dissertation ... doctor of cultural studies: 24.00.01. St. Petersburg, 2006. 375 p. (In Russ.)
 19. Куцев Г. Ф. Новые города: социологический очерк по материалам Сибири. М.: Мысль, 1982. 269 с.
Kutsev G. F. New cities: a sociological essay based on materials from Siberia. Moscow: Mysl, 1982. 269 p. (In Russ.)
 20. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 503 с.
Lappo G. M. Cities of Russia. A geographer's view. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 503 p. (In Russ.)
 21. Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 346 с.

- Meerovich M. G. Urban development policy in the USSR, 1917–1929: from a garden city to a departmental workers' settlement. Moscow: Noye Literaturnoe Obozrenie, 2017. 346 p. (In Russ.)
22. О преобразовании рабочего посёлка Балеи Балеysкого района Читинской области в город: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (дата обращения: 27.09.2024).
On the transformation of the workers' settlement of Baley, Baleyky District, Chita Region, into a city: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1938 // Electronic library of historical documents. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (accessed 27.09.2024). (In Russ.)
 23. О преобразовании рабочего посёлка Северобайкальска Северо-Байкальского района Бурятской АССР в город республиканского подчинения: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1980 г. *Правда Бурятии*. 1980. 8 ноября. С. 3.
On the transformation of the workers' settlement of Severobaikalsk, Severobaikalsky District, Buryat ASSR, into a city of republican subordination: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of November 5, 1980. *Pravda Buryatii*. 1980. November 8. P. 3. (In Russ.)
 24. Пенцев Е. А. Генеральный план города. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. 60 с.
Pencev E. A. City master plan. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2016. 62 p. (In Russ.)
 25. Первая очередь строительства нового города: сборник научных трудов / под ред. И. М. Смолыра. М.: ЦНИИПградоостроительства, 1978. 83 с.
The first stage of construction of a new city: a collection of scientific papers / edited by I. M. Smolyar. Moscow: TsNII Pgradostroitelstva, 1978. 83 p. (In Russ.)
 26. Перцик Е. Н. Города мира: география мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. 384 с.
Pertsik E. N. Cities of the world: geography of world urbanization. Moscow: International relations, 1999. 384 p. (In Russ.)
 27. Побережников И. В. Фронтальная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Том 1. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 30–38.
Poberezhnikov I. V. Frontline modernization in the current Russian historiography // Industrial Urals. Bakunin readings: Proceedings of the XIV All-Russian scientific conference. Vol. 1. Ekaterinburg: Publishing house of the UMC UPI, 2020. P. 30–38. (In Russ.)
 28. Поровознюк О. А., Крылов И. В. (ред.) Жизнь БАМа. Вена: Институт культурной и социальной антропологии Венского университета, 2020. 76 с.
Porovoznyuk O. A., Krylov I. V. (ed.) Life of BAM. Vienna: Institute of Cultural and Social Anthropology, University of Vienna, 2020. 76 p. (In Russ.)
 29. Рой Р. О. Генеральные планы новых городов 1960–1980-х гг. *Сибирский юридический вестник*. 2024. № 1. С. 25–32. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.1.25>
Roy R. O. General plans of new cities 1960s–1980s. *Siberian law herald*. 2024. No. 1. P. 25–32. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.1.25> (In Russ.)
 30. Рой Р. О. Юридическая природа генерального плана города. *Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки*. 2024. № 1 (53). С. 89–100. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.53.1.09>
Roy R. O. Legal nature of general plans of cities. *MCU Journal of Legal Sciences*. 2024. No. 1 (53). P. 89–100. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.53.1.09> (In Russ.)
 31. Савенкова В. Н. К вопросу о понятии "социалистический город" // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: материалы XII международной научно-практической конференции. Ч. 2. Уфа: Изд-во НИЦ Вестник науки, 2023. С. 275–288.
Savenkova V. N. On the concept of "socialist city" // Innovation in the current world: experience, problems and development prospects: Proceedings of the XII international scientific and practical conference. Part 2. Ufa: Publishing house of the Scientific Research Center Vestnik of Science, 2023. P. 275–288. (In Russ.)
 32. Салахова Л. М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в сер. 50-х – 80-е гг.: опыт Братско-Усть-Илимского ТПК. Братск: ГОУ ВПО "БрГУ", 2005. 222 с.
Salakhova L. M. Culture of young industrial cities of Eastern Siberia in the middle 50s–80s: experience of the Bratsk-Ust-Ilimsk TPC. Bratsk: Bratsk State University, 2005. 222 p. (In Russ.)
 33. Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган: Курганский дом печати, 2018. 167 с.
Stas I. N. Becoming a city dweller: urbanization and population in the oil region (1960s – early 1990s). Kurgan: Kurgan printing house, 2018. 167 p. (In Russ.)
 34. Строительство новых городов в СССР / сост. О. Смирнова, М. Хауке, В. Шквариков. М.: Стройиздат, 1964. 35 с.
Construction of new cities in the USSR / comp. O. Smirnova, M. Hauke, V. Shkvarikov. Moscow: Stroyizdat, 1964. 35 p. (In Russ.)
 35. Трубе Л. Л., Хорев Б. С. Новые города на карте Родины. М.: Знание, 1970. 48 с.

- Trube L. L., Khorev B. S. New cities on the map of the Motherland. Moscow: Znanie, 1970. 48 p. (In Russ.)
36. Хаптаев Р. Е. К истории города Северобайкальска // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 86–91. Khaptaev R. E. On the history of the city of Severobaikalsk // Problems of history and cultural-national construction in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1998. P. 86–91. (In Russ.)
37. Цыкунов Г. А. Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (Исторический аспект). Иркутск, 1991. 250 с. Tsykunov G. A. Angara-Yenisei TPC: problems and experience (Historical aspect). Irkutsk: Irkutsk State University, 1991. 174 p. (In Russ.)
38. Чернова Ю. В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 256 с. Chernova Yu. V. New cities of the Irkutsk region (1950–1980). Historical research: dissertation... candidate of historical sciences: 07.00.02. Irkutsk, 2002. 256 p. (In Russ.)
39. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. 752 с. The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations: collection of scientific papers / ed. L. N. Mazur. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2017. 752 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Николай Сергеевич Байкалов, д-р ист. наук, заведующий лабораторией региональной истории Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: baikalov@bsu.ru

Жамьян Жаргалович Цырендашиев, научный сотрудник лаборатории региональной истории Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Information about the authors

Nikolai S. Baikalov, Doctor of Historical Sciences, Head of Laboratory for Regional History, Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: baikalov@bsu.ru

Zhamyan Zh. Tsyrendashiev, Researcher, Laboratory for Regional History, Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Поступила в редакцию 24.10.2024

Одобрена после рецензирования 09.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 24.10.2024

Approved 09.02.2026

Accepted 26.02.2026

Круглый стол
УДК 504/574
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/78-88>

Историческая траектория концепций экологической безопасности

Роман Сергеевич Федюк
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, roman44@yandex.ru
Елена Владимировна Левкина
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, levkina.ev@dvfu.ru

Аннотация. В условиях усиления антропогенного воздействия на окружающую среду экологическая безопасность приобретает особую актуальность как научная, политическая и правовая категория. Её растущее значение обусловлено необходимостью адекватного реагирования на глобальные экологические вызовы, а также эволюцией общественного сознания, развитием междисциплинарных экологических исследований и укреплением механизмов международного сотрудничества в сфере охраны природы. Цель исследования: выявить историческую траекторию концепций экологической безопасности, систематизировать и проанализировать закономерности их формирования, развития и трансформации в контексте обеспечения защиты окружающей среды и устойчивого взаимодействия общества и природы. Объект исследования: экологическая безопасность как междисциплинарный феномен в контексте исторического развития общества и природоохранной политики. Предмет исследования: историческая эволюция концепций экологической безопасности. Авторами предложена и обоснована новая концепция экологической безопасности: "экономически обоснованная экологическая безопасность", представляющая собой комплексный подход, интегрирующий экономические критерии в процессы разработки и реализации природоохранных мер. Концепция направлена на достижение оптимального баланса между экономическим развитием и сохранением природных ресурсов за счёт минимизации экологических рисков и экономических издержек для государства и бизнеса при обеспечении долгосрочной экологической устойчивости.

Ключевые слова: экологическая безопасность, концепция, экология, ноосфера, "зелёная" экономика, устойчивое развитие, угрозы, риски

Для цитирования: Федюк Р.С., Левкина Е.В. Историческая траектория концепций экологической безопасности. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 1. С. 78–88.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/78-88>

Round Table
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/78-88>

The evolution of environmental safety concepts

Roman S. Fediuk,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, roman44@yandex.ru
Elena V. Levkina
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, levkina.ev@dvfu.ru

Abstract. In the context of increased anthropogenic impact on the environment, environmental safety is becoming particularly relevant as a scientific, political and legal category. Its growing importance is due to the need for an adequate response to global environmental challenges, as well as the evolution of public consciousness, the development of interdisciplinary environmental research and the strengthening of mechanisms for international cooperation in the field of nature conservation. The purpose of the study is to identify the historical trajectory of environmental safety concepts, systematize and analyze the patterns of their formation, development and transformation in the context of ensuring environmental protection and sustainable interaction between society and nature. Object of research: environmental safety as an interdisciplinary phenomenon in the context of the historical development of society and environmental policy. The subject of the research is the historical evolution of environmental safety concepts. The authors propose and substantiate a new concept of environmental safety: "economically sound environmental safety, which is an integrated approach that integrates economic criteria into the processes of developing and implementing environmental protection measures. The concept aims to achieve an optimal balance between economic development and conservation of natural resources by minimizing environmental risks and economic costs for the state and business while ensuring long-term environmental sustainability.

Key words: environmental safety, concept, ecology, noosphere, "green" economy, sustainable development, threats, risks

For citation: Fediuk R.S., Levkina E.V. The evolution of environmental safety concepts. Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 78–88. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/78-88>

Актуальность исследования

В условиях усиливающегося антропогенного воздействия на окружающую среду всё большую актуальность приобретают вопросы рационального использования природных ресурсов, управление экологической безопасностью, применение ресурсосберегающих технологий, организация замкнутых производственных циклов и т. д. Изучение исторических корней экологиче-

ской безопасности представляет собой важный шаг в понимании современных подходов к управлению природными ресурсами и предотвращению экологических катастроф. Во-первых, понимание основных принципов и концепций экологической безопасности помогает разработать эффективные стратегии и меры по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Во-вторых, изучение теории экологической безопасности способствует формированию экологической культуры и ответственного отношения к природе у будущих специалистов в различных областях. В-третьих, осмысление ранних этапов развития данной концепции позволяет выявить фундаментальные принципы, критерии, механизмы и инструменты, которые легли в основу современных систем оценки и управления рисками.

Цель исследования: выявить историческую траекторию концепций экологической безопасности, систематизировать и проанализировать закономерности их формирования, развития и трансформации в контексте обеспечения защиты окружающей среды и устойчивого взаимодействия общества и природы.

Методы исследования

Алгоритм научного исследования:

- обзор предмета исследования, сбор и анализ информации;
- контент-анализ научных статей, актуальной информации в СМИ и изучение нормативной документации;
- группировка ключевых этапов развития категории "экологическая безопасность" и систематизация концепций экологической безопасности.

Исторический и сравнительный методы позволяют реконструировать генезис, эволюцию и трансформацию данной категории во времени, а также выявить как общие закономерности, так и национально-региональные особенности её понимания и практической реализации в различных социально-политических и исторических контекстах. Контент-анализ применяется для систематического изучения научных, нормативно-правовых и публицистических источников с целью выявления доминирующих дискурсов, семантических сдвигов в терминологии и изменения концептуальных рамок, в которых формировалась и развивалась идея экологической безопасности. Общенаучные логические методы (анализ, синтез и обобщение) обеспечивают теоретическую глубину исследования.

Гипотеза исследования: формирующаяся теория экологической безопасности приобретает междисциплинарный характер, поскольку её концептуальные основы и практические инструменты объективно опираются на синтез экологических, экономических, социальных и технологических знаний, что подтверждается ростом числа междисциплинарных исследований, интегрированных подходов в политике и управлении, а также трансформацией государственных и муниципальных программ в области устойчивого развития.

Результаты и обсуждение

Понимание исторических предпосылок формирования современных концепций экологической безопасности имеет важное значение.

На данный момент остаются нерешёнными вопросы, связанные с недостаточностью исследований в области теоретических аспектов и хронологического порядка их развития к изучению содержания и признаков "экологической безопасности" как самостоятельной научной категории. Для глубокого понимания феномена экологической безопасности необходимо провести детальный анализ эволюции концепций, связанных с этой проблематикой. Данный подход позволит выявить ключевые этапы формирования теоретической базы, определить тенденции и парадигмальные сдвиги, а также оценить вклад различных научных школ и исследовательских направлений в развитие данной области.

Эволюция взглядов на эту проблему отражает изменения в общественном сознании, научных подходах и политических приоритетах. Взаимодействие человека и природы на протяжении веков строилось на основе потребительского отношения. Анализ событий до 1950 г. демонстрирует эволюцию научных взглядов на взаимодействие человека с окружающей средой, а также роль технологического прогресса и общественного сознания в формировании

первых попыток регулирования экологических проблем. Особенно ярко это проявилось в эпоху развития капитализма, когда природные ресурсы стали восприниматься как источник прибыли. По мнению авторов, базисом формирующейся теории экологической безопасности является концепция биосферы В. И. Вернадского, согласно которой именно человек ответственен за сохранение Земли как единой живой системы.

После Второй мировой войны произошёл значительный сдвиг в понимании причин аварий и подходов к их предотвращению. Исследования показали, что акцент сместился с индивидуального поведения пострадавших на системные факторы – организацию труда, проектирование технологий и управленческие решения. Критика теории "склонности к авариям" стала ключевым этапом этого перехода. В частности, американские специалисты в области общественного здоровья, включая Уильяма Хаддона-младшего, обратили внимание на то, что, несмотря на выдающиеся достижения медицинской науки в борьбе с инфекционными и хроническими заболеваниями, аналогичного прогресса в снижении травматизма и аварийности не наблюдалось. Это стимулировало поиск новых подходов, ориентированных не на "лечение последствий", а на профилактику инцидентов на системном уровне. Хаддон предложил модель "эпидемиологического треугольника" и концепцию "опасность – барьер – цель", изначально разработанные для анализа несчастных случаев, но впоследствии оказавшие глубокое влияние на формирование современных методов оценки рисков [14, с. 566]. Эти модели заложили основу не только для развития промышленной и профессиональной безопасности, но и для системного подхода к экологической безопасности, где акцент делается на выявлении источников угроз, укреплении защитных барьеров и защите уязвимых компонентов окружающей среды.

Важным вкладом в развитие теории безопасности стало исследование голландского учёного Виллема Винсемиуса, который в 1951 г. разработал теорию "динамики задач". Она была основана на анализе более 1300 случаев аварий на сталелитейном заводе Hoogovens и объясняла человеческое поведение как реакцию на возмущения процессов, а не как первопричину инцидентов. Данное изменение подхода способствовало формированию более системного взгляда на проблемы экологической безопасности в промышленности. Также этот подход способствовал формированию системного взгляда на проблемы экологической безопасности, который получил дальнейшее развитие в 1950-х – 1970-х гг. Сложность военной техники и промышленных процессов, вызванная ускорением технологического прогресса во время войны, создала новые требования к когнитивным способностям операторов, что стало основой для развития методов оценки рисков, имеющих отношение к экологическим рискам [8, с. 362].

Ранние попытки регулирования экологических проблем осуществлялись через местные органы власти и федеральные структуры, такие как U.S. Public Health Service (PHS). PHS, созданная ещё в 1798 г., занималась вопросами качества воды и воздуха, устанавливая стандарты, которые легли в основу первых федеральных программ по контролю загрязнений в 1950-х – 1960-х гг.

Эти события оказали существенное влияние на последующее формирование Агентства по охране окружающей среды (EPA) и развитие системного подхода к управлению экологическими рисками. Также они заложили научную базу для будущих исследований, способствуя осознанию необходимости борьбы с межсредовым загрязнением и его влиянием на здоровье человека. Например, в 1950-х – 1960-х гг. химическая, нефтяная и автомобильная промышленность создавали видимые формы загрязнения, что побудило государство к действию. Программы, разработанные в рамках U. S. Public Health Service, хотя и были ориентированы на здравоохранение, заложили основу для будущих экологических стандартов [13, с. 140].

Параллельно с этим, 1960-е и 1970-е гг. стали временем формирования новых теоретических подходов к пониманию взаимодействия общества и природы. Значительный вклад в эту область внесли Уильям Кэттон и Райли Данлап, чьи работы способствовали развитию экологической социологии. Они предложили новую парадигму, известную как "новая экологическая парадигма" (NEP), которая отходила от антропоцентрического подхода и под-

чёркивала экологическую взаимозависимость человека с другими видами. НЕР также акцентировала внимание на ограниченности природных ресурсов Земли и необходимости их рационального использования. Эти концептуальные разработки легли в основу современных представлений об экологической безопасности и способствовали осмыслению экологических проблем как социальных вопросов [4, с. 365]. Кроме того, этот период ознаменовался важными изменениями в понимании причин аварий и их предотвращения, что имело непосредственное отношение к экологической безопасности.

Параллельно развитию научной траектории совершенствовалось и нормативно-правовое регулирование в области охраны окружающей среды. Нормативно-правовой подход является классическим и исторически сложившимся фундаментом в системах управления и охраны окружающей среды.

Важным этапом в развитии экологической безопасности стало принятие международных соглашений и создание соответствующих организаций. Например, в 1948 г. был создан Всемирный союз охраны природы (IUCN), который сыграл ключевую роль в формировании глобальной экологической повестки [12, с. 250]. В 1960-х гг. усилия по защите окружающей среды получили новый импульс благодаря принятию таких документов, как Договор о частичном запрещении ядерных испытаний (1963) и Закон о качестве воздуха в США (1963). Эти шаги отразили растущее понимание необходимости правового регулирования экологических проблем и стали основой для дальнейшего развития законодательства в области экологической безопасности [7, с. 565].

В современном мире экологическая безопасность стала одной из ключевых областей научных исследований и практической политики. Глобальные вызовы, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, утрата биоразнообразия и истощение природных ресурсов, стимулируют новые подходы к управлению экологическими рисками. Эти проблемы привели к активному развитию теоретических основ и технологических решений, направленных на обеспечение устойчивого будущего человечества [19, с. 214]. Одним из наиболее значительных событий последних десятилетий стало подписание Парижского соглашения в 2015 г. Основные цели соглашения включают значительное сокращение глобальных выбросов парниковых газов для удержания роста температуры ниже 2°C выше доиндустриального уровня, стремление ограничить рост до 1,5°C и обеспечение финансирования развивающихся стран для смягчения последствий изменения климата. Ключевым механизмом реализации соглашения являются национально определяемые взносы (NDC), которые страны представляют каждые пять лет. Первый "глобальный пересмотр" усилий стран был проведён в 2023 г. на COP28, где были приняты решения по ускорению перехода от ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии, таким как ветер и солнце. Это подчёркивает роль соглашения в координации международных усилий для достижения экологической безопасности [15, с. 394]. Таким образом, можно сделать вывод, что принципы экологической политики Европейского союза также оказали значительное влияние на развитие концепции экологической безопасности.

В Российской Федерации нормативно-правовая база в области экологической безопасности представлена такими ключевыми документами, как Лесной кодекс и Водный кодекс, Экологическая доктрина Российской Федерации, Федеральный закон "Об охране окружающей среды", прочие отраслевые федеральные законы и постановления. В *таблице 1* отражены основные вышеуказанные этапы развития формирующейся теории экологической безопасности с учётом воздействия экологических, социальных, экономических и технологических аспектов. Это подтверждает выдвинутую гипотезу исследования.

Представленная группировка концептуальных событий демонстрирует эволюцию подходов к обеспечению экологической безопасности от локальных инициатив к глобальным стратегиям. Они также показывают значимость международного сотрудничества и научных исследований для формирования современных концепций экологической безопасности.

В современной научной парадигме изучение экологической безопасности приобретает междисциплинарный характер, объединяя достижения биологии, геохимии, социологии и философии. Комплексный подход к ана-

Табл. 1. Ключевые этапы развития формирующейся теории экологической безопасности
 Table 1. Key stages in the development of the emerging theory of environmental safety

Год / Период	Ключевые этапы	Описание влияния на экологическую безопасность
1948	Создание Всемирного союза охраны природы (IUCN)	IUCN стал одной из первых международных организаций, направленных на сохранение природных ресурсов, что способствовало глобализации экологической повестки
1962	Публикация книги Рэйчел Карсон "Безмолвная весна"	Книга подчеркнула опасность химических загрязнителей для окружающей среды и здоровья человека, став катализатором современного экологического движения
1963	Закон о качестве воздуха в США	Государственное регулирование загрязнения воздуха
1970	Создание Агентства по охране окружающей среды США (EPA)	EPA стало первым федеральным органом, объединившим функции различных агентств для борьбы с межсредовым загрязнением
1972	Стокгольмская конференция ООН	Принцип 21 декларации закрепил ответственность государств за предотвращение трансграничного экологического ущерба, заложив основу для будущих соглашений
1987	Монреальский протокол	Международное сотрудничество для сокращения использования веществ, разрушающих озоновый слой, стало образцом успешного решения экологических проблем
1992	Конференция ООН в Рио-де-Жанейро	Были приняты ключевые документы, такие как Рамочная конвенция об изменении климата и Конвенция о биологическом разнообразии, заложившие основу для современной экологической политики [21, с. 249]
1997	Киотский протокол	Начало торговли квотами на выбросы
2002	Экологическая доктрина Российской Федерации, Федеральный закон "Об охране окружающей среды"	Сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны
2010	Концепция циклической экономики (ЕС, Китай)	Формирование "зелёной" экономики и устойчивого потребления [20]
2012–2020	Государственные и отраслевые программы по вопросам защиты окружающей среды в России	Снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу
2012	Конференции ООН Рио+20	Цели устойчивого развития (ЦУР)
2015	Парижское соглашение	Цель ограничить глобальное потепление до уровня ниже 2° С стала важным шагом в координации международных усилий по снижению выбросов парниковых газов
2015 – наст. время	Глобальные климатические саммиты (COP)	Рост "зелёных" облигаций и ESG-инвестиций. Технологический обмен и поддержка развивающихся стран
2017	Политический Форум ООН	Адаптация целей устойчивого развития к национальным и местным условиям
2020 – наст. время	Внедрение Единой государственной информационной системы учёта выбросов (ЕГИСУВ)	Цифровизация экологического контроля
	Запрет на одноразовый пластик	Развитие системы обращения с отходами и промышленной экологии
	Европейский "зелёный курс" (European Green Deal)	Рециклинг, круговая и замкнутая экономика

Год / Период	Ключевые этапы	Описание влияния на экологическую безопасность
2025 г.	Выход США из Парижского соглашения по климату	Ослабление экологических стандартов и сокращение инвестиций в возобновляемую энергетику

Источник: составлено авторами по данным [20; 21].

Source: compiled by the authors based [20; 21].

лизу экологических проблем позволяет не только выявить антропогенные воздействия на окружающую среду, но и определить траекторию устойчивого сосуществования человека с природой. На основе анализа трудов различных авторов был осуществлён обзор генезиса концепций экологической безопасности и эволюции их содержания. Детализированное представление каждой из рассмотренных концепций приведено в *таблице 2*.

Сведения *таблицы 2* показывают, что трансформация концепции экологической безопасности обусловлена рядом факторов, включая развитие научных знаний, увеличение численности мирового населения, изменение экономических условий и усиление глобальных экологических вызовов, а также интеграция экологических и экономических рисков. С 2022 г. геополитические изменения привели к трансформации международных отношений, в том числе в области обеспечения экологической безопасности и реализации парадигмы устойчивого развития [3, с. 39]. В результате выхода США из Парижского соглашения и других договоренностей РКИК ООН, с 2025 г. прогнозируется существенное изменение подходов к экологической безопасности на международной арене, и, как следствие, трансформация научной концепции "экологической безопасности" в пользу большей экономической целесообразности [6]. В свою очередь, действия одной страны могут привести к изменениям в законодательных и политических подходах других государств, а также к усилению роли частного сектора в реализации экологических проектов. Исследование экономических аспектов экологической безопасности характеризуется также наличием нескольких научных школ [3, с. 38] и многообразием методологических подходов. Отдельные тезисы экономической составляющей в управлении экологической безопасностью рассматриваются в научном сообществе и бизнес-среде. Например, научная деятельность В. И. Данилова-Данильяна сосредоточена на экономике природопользования, экономико-математическом моделировании и теории устойчивого развития [1, с. 265]. На региональном уровне заметный вклад внесла профессор Тюменской государственного университета Н. Л. Никулина. Её исследования сфокусированы на сопоставлении антропогенной нагрузки и эколого-технической ёмкости территории как основе для оценки экологической безопасности на региональном уровне. Авторский подход, рассматривающий экологическую безопасность как условие экономической стабильности, стал одним из важнейших в региональной экономике. Н. Л. Никулина предлагает методику, основанную на сопоставлении антропогенной нагрузки и эколого-технической ёмкости территории, что выражается через коэффициент устойчивости. Также Н. Л. Никулина активно занимается разработкой методологических подходов к оценке эколого-экономической безопасности промышленных предприятий, участвуя в работах М. М. Рединой и А. В. Затонского [10, с. 163].

Диссертационное исследование Ю. А. Никитиной посвящено проблемам экономического стимулирования охраны окружающей среды предприятиями топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и совершенствованию использования водных объектов. Ю. А. Никитина предлагает систему из 32 экономических показателей для нефтегазовых компаний, сгруппированных по трём направлениям: минимизация негатива, энергоэффективность и менеджмент [5, с. 65]. Ещё одним примером изучения методологических аспектов являются научные исследования Е. Г. Токмаковой, в которых рассчитываются такие показатели, как коэффициент экологичности производства, экологичности продукции и эффективности экологического менеджмента [8, с. 349].

Совокупность этих исследователей и их работ формирует целостную картину научного поля, где теоретические разработки, государственное ре-

Табл. 2. Концепции экологической безопасности и её трансформация в современный период
 Table 2. The genesis of environmental safety and its transformation in the modern period

Концепция	Год	Представители	Содержание экологической безопасности
Концепция биосферы	1943	В. И. Вернадский	Загрязнение океана, вырубка лесов, состав атмосферы, почвы, осадочных пород, биоценозы
Концепция природопользования	1960–1964	Ю. К. Ефремов, Д. П. Арманд, В. А. Анучин, З. Г. Мирзеханова и др.	Природные компоненты, истощаемость ресурсов, заменимость ресурсов, возобновляемость ресурсов
Концепция потребительского отношения к окружающей среде и её ресурсам	1970	В. И. Данилов-Данильян, А. А. Минц, Г. М. Мкртчян, Ю. Г. Саушкин, И. В. Комар, Г. А. Приваловская, Т. Г. Рунова, Н. П. Федоренко, Т. С. Хачатуров, К. Г. Гофман, М. Я. Лемешев, П. Г. Олдак, Д. Марш и др.	Повторность вовлечения ресурсов в производство, технологическая доступность ресурсов, географическая зональность [9]
Концепция невмешательства в природу	1971	А. П. Капица, Н. Ф. Реймерс, И. И. Дедю, Н. П. Ващекин, М. И. Дзлиев, А. Д. Урсул и др.	Рациональное использование ресурсов биомассы и биоразнообразия(растения/животные), атмосферного воздуха, водных ресурсов, земельных ресурсов, источников энергии
Концепция ограничения экономического развития, потребностей и народонаселения	1970–1975	Б. Б. Прохорова, М. А. Дубицкий, М. Н. Мишнина, Н. Ф. Реймерса, Дж. Форрестер, Д. Медоуз и др.	Программно-целевое планирование природоохранной деятельности, экологический ущерб, материальные компенсации государству, регионам, фирмам и лицам, пострадавшим от загрязнения окружающей среды, "предел роста" [18, с. 57]
Концепция ноосферы	1972–1974	Тейяр де Шарден	Объемы добычи полезных ископаемых, рассеивание энергии, объемы новых для природы веществ в массовом масштабе [17]
Концепция устойчивого развития	1987 – по наст. время	Т. В. Алферова, А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, Х. Н. Гизатуллин, В. К. Левашов, И. С. Майоров, В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова, М. Е. Кадомцева, В. А. Троицкий, В. В. Юшманов и др.	Качество местной окружающей среды; биоразнообразие и экосистемы; прирост или сокращение площадей земного пространства, не нарушенных хозяйственной деятельностью; отслеживание прироста или истощения природных ресурсов: обрабатываемых земель, пресной воды, минерального сырья, растений и животных; загрязнение природных сред и оценка риска для живых организмов, вызванного им; изменения в составе атмосферы и состоянии озонового слоя [16]
Концепция "зелёной" экономики	2008 – по наст. время	40-й Всемирный экономический форум (Давос), А. И. Татаркин, В. Н. Большаков, В. С. Бочко, В. П. Ануфриев, М. Б. Петров, О. А. Романова,	"Углеродный налог", или "углеродный сбор", альтернативная энергетика, экогорода, энергоэффективное строительство, инвестиционная привлекательность "зелёных" проектов,

Концепция	Год	Представители	Содержание экологической безопасности
		J. Yang, F. Zhang, X. Jiang & W. Sun, H. B. Dulal, R. Dulal & P. K. Yadav, M. I. Aceleanu, D. M. Pociovălișteanu, I. Novo-Corti, S. Duwe, A. C. Șerban & E. Grecu, S. Bracking, J. Mauritzen J. J. Andreas, C. Burns & J. Touza; J. Meckling & L. Hughes и др.	экологически чистый транспорт и транспортная инфраструктура; экономика с нулевым углеродным следом, энергоэффективность, биоинженерия, экономика замкнутого цикла [11, с. 84]
Уточнённые концепции экологизации экономики ("низкоуглеродная экономика", "циркулярная экономика", "биоэкономика")	2010 – по наст. время	К. Болдинг, Д. Лоув, Р. Кёртис Тёрнер, М. Браунгард, У. Макдонаф, Э. Макартур	

Источник: составлено авторами по данным [9–11; 16–18].

Source: compiled by the authors based on data [9–11; 16–18].

гулирование, методологические и методические аспекты, практическая реализация алгоритмов и механизмов управления постоянно взаимодействуют [4, с. 367]. Анализ этих подходов показывает, что область не имеет единого, унифицированного метода, а скорее представляет собой набор различных парадигм, ориентированных на решение конкретных задач на микро-, мезо- и макроуровнях [2, с. 114].

Таким образом, методология в области экономических аспектов экологической безопасности остается развивающимся полем. Отсутствие единого стандарта или концепции, постоянное усложнение экологических вызовов требуют от исследователей гибкости и готовности экспериментировать с новыми комбинациями методов, интегрируя количественные и качественные подходы для получения комплексной картины. Катализатором трансформации концепций является изменение законодательства с 2025 г., которое коренным образом меняет подходы к управлению отходами и использованию природных ресурсов, переходя от реактивной модели к проактивной и стратегической. Вместо простого контроля за захоронением отходов государство внедряет жесткие ограничения и обязательные требования, направленные на перевод экономики в целом на принципы замкнутого цикла. Эти меры имеют глубокие экономические последствия, заставляя бизнес переосмысливать свои производственные процессы, логистику и стратегию развития. Процедурные изменения также затрагивают самые различные аспекты деятельности природопользователей. Вводится новый порядок подтверждения исключения объектов размещения отходов (ОРО) из-под учёта в качестве источника негативного воздействия на окружающую среду (НВОС). Подтверждение теперь осуществляется на основе ежегодного отчёта с результатами мониторинга, который подаётся в Росприроднадзор. Если подтверждение не получено, то с владельца ОРО взыскивается плата за НВОС. Это создаёт постоянную экономическую ответственность за безопасность объектов, связанных с отходами.

В этой связи авторами предлагается формализация новой концепции экологической безопасности: "экономически обоснованная экологическая безопасность". Одна из главных трудностей в формализации и новой концепции заключается не столько в осмыслении возможных проектных результатов, сколько в трансформации традиционных представлений, заложенных в экологии и природопользовании. По мнению авторов, "экономически обоснованная экологическая безопасность" будет представлять комплексный подход, интегрирующий экономические аспекты в процесс разработки и реализации природоохранных мероприятий. Данный подход позволит установить оптимальное соотношение между экономическим ростом и сохранением природ-

Рис. 1. Критерии концепции "экономически обоснованная экологическая безопасность"

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Criteria of the concept of "economically justified environmental safety".

Source: compiled by the authors

ных ресурсов, минимизируя экологические риски и издержки для бизнеса и государства при обеспечении долгосрочной экологической устойчивости.

Концепция "экономически обоснованной экологической безопасности" акцентирует внимание на синергетическом взаимодействии экологических и экономических факторов и эффектов.

Заключение

В рамках данного исследования рассмотрены ключевые концепции и методические подходы, которые формировались и трансформировались в ответ на вызовы антропогенного воздействия на экосистемы. Понимание генезиса экологической безопасности позволяет разрабатывать более эффективные стратегии и политики в области охраны окружающей среды, учитывая накопленный опыт и уроки прошлого. Кроме того, анализ эволюции концепции способствует формированию основных аспектов формирующейся теории экологической безопасности. Историческая эволюция концепций экологической безопасности отражает постепенный переход от узко природоохранных и реактивных подходов к комплексным, проактивным и системно-ориентированным стратегиям. Этот процесс обусловлен растущим осознанием взаимозависимости экологических, экономических и социальных процессов, а также опытом глобальных и локальных экологических кризисов.

Предложенная концепция "экономически обоснованной экологической безопасности" представляет собой логическое развитие современных подходов к управлению экологическими рисками. Она акцентирует внимание на необходимости экономической целесообразности природоохранных мер, что способствует повышению их реализуемости, снижению издержек для бизнеса и государства и, в конечном счёте, достижению долгосрочной экологической устойчивости без ущерба для социально-экономического развития.

С 2025 г. мировая арена начинает путь кардинальных преобразований в экологическом законодательстве. Интеграция экономических критериев в экологическую политику не означает подчинения экологии интересам экономики, а, напротив, предполагает поиск рационального баланса, при котором защита окружающей среды становится частью стратегии устойчивого роста. Это соответствует современным трендам "зелёной экономики", "циркулярной экономики" и ESG-принципов. Экономический эффект этих изменений будет многогранным: от роста издержек и необходимости инвестиций для одних отраслей до создания новых рынков и возможностей для других. Долгосрочный успех будет зависеть от способности государства и бизнеса совместно преодолеть существующие вызовы, обеспечив качественное и устойчивое развитие новой экологической модели. Формализация и научное обоснование авторской концепции в рамках междисциплинарных исследований позволяет создать новые механизмы, алгоритмы и модели взаимодействия, которые будут учитывать специфику как научных сообществ, так и предпринимательского сектора экономики.

Литература / References

1. Данилов-Данильян В. И., Залиханов К. С., Лосев М. Ч. Экологическая безопасность: общие принципы и российский аспект: учебное пособие. 2-е издание, доработанное. Москва: МППА БИМПА, 2007. 288 с.
Danilov-Danilyan V. I., Zalikhonov K. S., Losev M. Ch. Environmental safety: general principles and the Russian aspect: a textbook.– 2nd edition, revised. Moscow: MPPA BIMPA, 2007. 288 p. (In Russ.)
2. Левкина Е. В., Гусев Е. Г., Шишкарёва Н. В. Управление экологической безопасностью: теоретико-методические аспекты. *Финансовый менеджмент*. 2024. № 10. С. 113–122
Levkina E. V., Gusev E. G., Shishkareva N. V. Environmental safety management: theoretical and methodological aspects. *Financial Management*. 2024. № 10. P. 113–122. (In Russ.)
3. Левкина Е. В., Гусев Е. Г., Локша А. В., Шумихин В. В. Проблемы утилизации отходов в целях обеспечения экологической безопасности: проектный подход. *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского*. 2025. № 1 (95). С. 37–47
Levkina E. V., Gusev E. G., Loksha A. V., Shumikhin V. V. Problems of waste disposal in order to ensure environmental safety: a design approach. *Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University*. 2025. No. 1 (95). P. 37–47. (In Russ.)
4. Литвин И. Я., Токмакова Е. Г. Методы оценки экологической безопасности хозяйствующего субъекта. Экономическая безопасность страны, региона, организаций различных видов деятельности : материалы Четвертого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности (г. Тюмень, 19–22 апреля 2023 г.) / ответственный редактор Д. Л. Скипин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 365–371.
Litvin I. Ya., Tokmakova E. G. Methods of assessing the environmental safety of an economic entity. Economic security of the country, region, organizations of various types of activities: proceedings of the Fourth All-Russian Forum in Tyumen on Economic Security (Tyumen, April 19–22, 2023) / executive editor D. L. Skipin ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Financial and Economic Institute. Tyumen : TSU-Press, 2023. P. 365–371. (In Russ.)
5. Никитина Ю. А., Давыдова М. В. Проблемы экономического стимулирования охраны окружающей среды предприятиями ТЭК. *Минеральные ресурсы России. Экономика и управление*. 2011. № 6. С. 60–64
Nikitina Yu. A., Davydova M. V. Problems of economic stimulation of environmental protection by fuel and energy complex enterprises. *Mineral Resources of Russia. Economics and management*. 2011. No. 6. P. 60–64. (In Russ.)
6. Орлов А. А. Взаимосвязь экологической и экономической безопасности на региональном уровне. *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 4. URL: <https://esj.today/PDF/09FAVN423.pdf> (дата обращения 12.02.2026)
Orlov A. A. The relationship between environmental and economic security at the regional level. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023. Vol. 15, No. 4. (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/09FAVN423.pdf>. (accessed 12.02.2026)
7. Токмакова Е. Г., Самопальникова Ю. Н., Литвин И. Я. Концепт комплексного подхода к оценке экологической составляющей экономической безопасности: практическое применение по данным ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «НК «Лукойл». *Экономическая безопасность*. 2024. Т. 7, № 2. С. 345–366. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.2.120610>
Tokmakova E. G., Samopalnikova Y. N., Litvin, I. Y. Integrated approach to assessing the environmental component of economic security: practical application in PJSC «Gazprom», PJSC «NK «Rosneft», and PJSC «NK «Lukoil». *Economic security*, 2024. 7(2), P. 345–366. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.2.120610>
8. Ahad Ja., Ahmad M., Farooq A. [et al.] Removal of iodine by dry adsorbents in filtered containment venting system after 10 years of Fukushima accident. *Environmental Science and Pollution Research*. 2023. Vol. 30, No. 30. P. 74628–74670. <https://doi.org/10.1007/s11356-023-27485-1>
9. Asyakina L. K., Serazetdinova Yu. R., Frolova A. S. [et al.] Antagonistic activity of extremophilic bacteria against phytopathogens in agricultural crops. *Food Processing: Techniques and Technology*. 2023. Vol. 53, No. 3. P. 565–575. <https://doi.org/10.21603/2074-9414-2023-3-2457>
10. Bagheri A., Emami N., Damalas Ch. A. Monitoring point source pollution by pesticide use: an analysis of farmers' environmental behavior in waste disposal. *Environment, Development and Sustainability*. 2023. Vol. 25, No. 7. P. 6711–6726. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02326-2>
11. Belik I. S., Dutsinin A. S., Nikulina N. L. The managerial aspect of accounting for ESG factors in assessing the value of a company. *Finance: Theory and Practice*. 2023. 27(6). P. 161–172. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-6-161-172>.
12. Frehtman V., Wohlfarth D., Müller M. [et al.] Stability and safety key factors of the oncolytic protoparvovirus H-1 from manufacturing to human application. *Applied Microbiology and Biotechnology*. 2023. Vol. 107, No. 15. P. 4777–4787. <https://doi.org/10.1007/s00253-023-12521-4>

13. Galstyan M.H., Larionov M.V., Sayadyan H. Ya., Sargsyan K. Sh. Assessment of Ecological and Toxicological State of Soils and Waters in the Neighborhood of Mining Industry Enterprises in the Armenian Highlands. *Life*. 2023. Vol. 13, No. 2. <https://doi.org/10.3390/life13020394>
14. Gul S., Afsar S., Raza N. [et al.] Efficient adsorptive removal of textile dye neutral red in environmental samples using white clover stem powder. *Biomass Conversion and Biorefinery*. 2023. Vol. 14. P. 31079–31092. <https://doi.org/10.1007/s13399-023-04770-0>
15. Rudenko, M.N. Environmental safety at the current stage of development. *Economic security*. 2023. 6(1), P. 347-366. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.1.117556>
16. Skorupa A. L. A., Bispo F. H. A., Assunção Sh. A. [et al.] Spatial distribution of Pb and Zn in soils under native vegetation in Southeast Brazil. *Environmental Geochemistry and Health*. 2024. Vol. 46, No. 3. <https://doi.org/10.1007/s10653-024-01859-x>
17. Suman Ja., Rakshit A., Patra A. [et al.] Enhanced Efficiency N Fertilizers: an Effective Strategy to Improve Use Efficiency and Ecological Sustainability. *Journal of Soil Science and Plant Nutrition*. 2023. Vol. 23, No. 2. P. 1472–1488. <https://doi.org/10.1007/s42729-023-01237-z>
18. Taha T.H., Abu-Saied M.A., Elnouby M. [et al.] Profitable exploitation of biodegradable polymer including chitosan blended potato peels' starch waste as an alternative source of petroleum plastics. *Biomass Conversion and Biorefinery*. 2024. Vol. 14, No. 1. P. 207-215. <https://doi.org/10.1007/s13399-021-02244-9>
19. Telichenko V.I. Rud N.S. Adaptive Neuro-Fuzzy System for Estimation of Biopositivity of Built Environment. *International Journal for Computational Civil and Structural Engineering*. 2025. Vol. 21, No. 2. P. 138-148. <https://doi.org/10.22337/2587-9618-2025-21-2-138-148>
20. Thakur N., Nigam M., Mann N.A. [et al.]. Host-mediated gene engineering and microbiome-based technology optimization for sustainable agriculture and environment. *Functional & Integrative Genomics*. 2023. Vol. 23, No. 1. <https://doi.org/10.1007/s10142-023-00982-9>
21. Yatsenko E.A., Smolij V.A., Golovko D.A., Yatsenko N.D. Synthesis of Effective Silicate Materials Based on Waste from the Energy Industry. *Glass and Ceramics*. 2024. Vol. 81, No. 5-6. P. 248-251. <https://doi.org/10.1007/s10717-024-00691-0>

Информация об авторах

Роман Сергеевич Федюк, д-р техн. наук, профессор Военного учебного центра Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: roman44@yandex.ru

Елена Владимировна Левкина, канд. экон. наук, начальник отдела по работе с диссертационными советами Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: levkina.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Roman S. Fediuk, Doctor of Technical Sciences, Professor, Military Training Center, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: roman44@yandex.ru

Elena V. Levkina, Candidate of Economics, Head of the Department for Work with Dissertation Councils, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: levkina.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

Одобрена после рецензирования 14.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 28.08.2025

Approved 14.02.2026

Accepted 26.02.2026

Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 1)

Сембрика Нимаевна Иванова

Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия, sambrika@binm.ru

Оюунханд Бямба

Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, oyunkhand.b@num.edu.mn

Аннотация. Представленный анализ проблем и вызовов, с которыми сталкиваются, современные кочевые скотоводы приводится на основе картографических и статистических методов, результатов социологических исследований, проведённых в Монголии методами опроса домохозяйств номадов и опроса экспертов. Рассмотрены природные (высота и площадь снежного покрова, низкие температуры) и антропогенные факторы влияния (изменения в структуре стада, перевыпас скота) на последствия дзуда. На основе полученных результатов авторами разработаны предложения по мерам государственной поддержки и адаптивным стратегиям сохранения и развития кочевого скотоводства. Для улучшения управления пастбищами сделан вывод о необходимости разработки политики устойчивой урожайности пастбищ, основанной на пропускной способности пастбищ..

Ключевые слова: дзуд, погодные бедствия, традиционное кочевое природопользование, социологический опрос, экспертная оценка, социальная устойчивость территорий

Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН

Для цитирования: Иванова С. Н., Бямба О. Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 1). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 89–99.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/89-99>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/89-99>

Problems of nomadic herders in the face of increasingly frequent weather conditions (Part 1)

Sembrika N. Ivanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude, Russia, sambrika@binm.ru

Oyunhand Byamba

Mongolian State University, Ulaanbaatar, Mongolia, oyunkhand.b@num.edu.mn

Abstract. The presented analysis of the problems and challenges faced by modern nomadic pastoralists is based on cartographic, statistical methods, the results of sociological research conducted in Mongolia by surveying nomadic households and interviewing experts. Natural (height and area of snow cover, low temperatures) and anthropogenic influence factors (changes in the structure of the herd, overgrazing of livestock) on the consequences of dzud are considered. Based on the results obtained, the authors developed proposals for government support measures and adaptive strategies for the conservation and development of nomadic cattle breeding. To improve pasture management, it was concluded that it is necessary to develop a sustainable pasture yield policy based on pasture carrying capacity.

Key words: economics and demography correlation, life quality, demographic processes, demographic dynamics, natural increase, migration increase, Russian regions, regional development

The research was carried out within the framework of the state assignment of the Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Ivanova S. N., Byamba O. Problems of nomadic herders in the face of increasingly frequent weather conditions (Part 1). *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 89–99.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/89-99>

Введение

В современном глобализирующемся мире номадное скотоводство как одна из древнейших форм ведения хозяйства и природопользования сохраняется в Монголии и других регионах Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока России, Арктических регионах и Африке [1]. Кочевое скотоводство в Монголии является неотъемлемой частью социокультурного наследия и продолжает играть важную роль в социально-экономическом развитии страны, несмотря на ряд вызовов настоящего времени.

Опасные погодные и климатические явления, связанные с засушливым летом, пыльными бурями, резкими перепадами температуры, зимней бескормицей (дзудом) [20] и другими явлениями, оказывают негативное влияние на социально-экономическое развитие страны, благосостояние кочевого населения [17; 30], ставя под угрозу сложившийся традиционный уклад жизни и

повышая риски эпизоотий [24]. Ни в одной другой стране нет такого частого и высокого уровня смертности животных, как в Монголии [25].

Дзуд – зимняя бескормица, вызванная сильным холодом, глубоким снегом, обледенением и другими условиями, которые делают корм недоступным для животных, что вызывает его гибель. В зависимости от причин идентифицируют разные его виды. Чёрный дзуд случается после экстремальных и неблагоприятных погодных летних условий, вызвавших недостаточность травостоя и плохую подготовленность скота к зимним условиям, повлёкшим гибель животных. Белый дзуд вызван чрезмерно обильным снегопадом, когда из-за глубоких сугробов животные не могут питаться подножным кормом, что также вызывает гибель скота из-за голода. Выделяются также "копытный дзуд, вызванный чрезмерным выпасом скота" и "дзуд засухи" [7]. Правительством Монголии объявляется чрезвычайная ситуация по дзуду, если в течение нескольких дней сохраняется температура воздуха ниже -40°C [12].

Скотоводам становится всё сложнее восстанавливаться после таких бедствий. Домохозяйства, имеющие небольшое количество скота, не могут быстро восстановиться после бедствия, попадая в "ловушку бедности", поскольку для обеспечения своей жизнедеятельности они вынужденно потребляют свой производственный актив (скот) [22]. Также дзуд негативно влияет на детское здоровье [18].

За последние 70 лет среднегодовая температура в Монголии выросла на $2,1^{\circ}\text{C}$ [15]. По сравнению с 2000 г., в два раза возросло число стихийных бедствий, связанных с климатом [23]. Участившиеся случаи погодных бедствий вызвали обоснованный научный интерес. Исследованы влияние климатических опасностей зимнего периода на здоровье и смертность скота в Монголии [16], дана оценка емкости пастбищ в осенне-зимний период [29] и эффективности подготовки к осенне-зимнему периоду [14], изучена динамика развития животноводства в условиях изменения экономики и климата в Монголии [30], роль гуманитарной помощи для смягчения последствий бедствий зимнего периода [19].

Одним из лимитирующих факторов кочевого скотоводства являются не только нехватка кормов для животных из-за потери надземной биомассы в результате нехватки влаги в почве во время засухи, но и сокращение количества и уровня обслуживания традиционной сети колодцев [26].

В Монголии за последние три десятка лет наблюдается стремительный рост поголовья коз – более чем в 5 раз, что связано с высоким спросом, ценами и модой на кашемировые изделия. Нарушается веками соблюдаемая экологически обоснованная традиционная структура стада, когда "в прежние времена в хозяйстве козы обычно составляли 10–15% стада" [2, с. 50–51], в настоящее время их удельный вес в общем поголовье в масштабах всей страны составляет почти половину и наблюдается тенденция к его дальнейшему росту. Академик Рэгдэл Д. и соавторы отмечают, что "именно козы являлись одной из главных причин процесса опустынивания" [10, с. 12]. В работе других учёных отмечается, что частота разрушительных дзудов возросла после распада сельскохозяйственных коллективов [28]. Система мер государственного регулирования претерпела большие изменения: были ликвидированы сельхозкооперативы, изменилась структура землепользования, увеличилась численность скота, что определило сверхнагрузку на пастбищные угодья, произошла смена традиционных частых кочевков номадов и переход на двухсезонные – зимние и летние. В феномене перевыпаса, по мнению А. Н. Ямскова, ведущей является социокультурная причина – "стремление скотоводов увеличивать поголовье сверх текущих потребностей так, как только при избыточном количестве скота они могут сохранять своё хозяйство и образ жизни после неизбежных периодических падежей части животных от бескормицы в тяжёлые по погодным условиям годы" [11, с. 293].

В очагах высокого уровня гибели скота ущерб вызван сочетанием нескольких факторов, в первую очередь дефицитом пастбищ из-за высокой нагрузки, вызванной чрезмерным ростом численности животных, процессами опустынивания и засухи, экстремальными температурами и др. [20], что позволяет сделать вывод о том, что дзуд может быть вызван как природно-климатическими, так и антропогенными факторами.

Большинство сельских жителей прямо или косвенно зависят от животноводства как источника средств к существованию. 35% населения сельской местности живёт за чертой бедности [9], что делает их уязвимыми к экстремальным погодным условиям, вынуждая часть nomадов мигрировать в города, пополняя армию безработных и малообеспеченных [3; 8]. Вынужденная сельская миграция приводит к образованию бедных юрточных окраин и росту масштабов городской маргинальности [4, с. 1896].

Увеличение частоты погодных бедствий и антропогенной нагрузки на пастбища создаёт риски для природных экосистем, экономического, социального, демографического развития, систем расселения и колоссальные проблемы для сохранения nomадного животноводства. Вместе с тем, анализ мнений и оценок кочевых скотоводов по трудностям преодоления последствий дзуда, практик ведения хозяйства, адаптационных стратегий и в целом их отношения к проблемам nomадного животноводства в современном мире изучен недостаточно. Восполнить этот недостаток призвана настоящая статья, основной целевой установкой которой является социальная оценка последствий дзуда и востребованность различных направлений мер поддержки со стороны общества и государства, для сохранения и развития традиционного кочевого скотоводства. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих основных задач: уточнить природные факторы влияния на дзуд; дать оценку социальной устойчивости аймаков; определить проблемы, с которыми сталкиваются современные nomады, оценить воздействия дзуда на кочевые хозяйства и выявить адаптационные стратегии nomадов. Полученные результаты будут иметь практическое значение не только для аймаков Монголии, но и регионов Сибири и Дальнего Востока, в частности, Республики Бурятия и Забайкальского края, где возрождается nomадное животноводство.

Материалы и методы

Анализ проблем кочевых скотоводов приводится на основе картографических, статистических методов и результатов социологических исследований, проведённых в Монголии методами опроса домохозяйств nomадов и опроса экспертов. Помимо данных социологических опросов, эмпирическую базу исследования составили статистические данные, представленные в открытом доступе на официальном сайте Национального статистического управления Монголии.

Была разработана и апробирована методика социологического исследования, основанная на применении метода анкетного опроса кочевых домохозяйств непосредственно после зимнего бедствия – дзуда и опроса экспертов.

Анкета для опроса домохозяйств nomадов включала вопросы, условно разделённые на блоки: повседневные практики кочевого скотоводства; оценка частоты негативных природных явлений; оценка вызовов и проблем зимнего периода 2023–2024 гг. и опыт их преодоления; ближайшие планы и перспективы, востребованность различных направлений мер поддержки со стороны общества и государства для сохранения и развития традиционного кочевого скотоводства, а также "паспортичка" (базовые социально-демографические характеристики респондентов).

В опросе домохозяйств nomадов респонденты отбирались по двум признакам: проживание на модельных территориях исследования и их добровольное согласие участия в исследовании. Для генеральной совокупности 66,9 тыс. домохозяйств скотоводов модельных территорий объем выборки составил 90 единиц анализа ($n=90$), с уровнем достоверности 90% и уровнем погрешности 9%. Распределение домохозяйств nomадов по аймакам: Архангай – 18,8%, Дорноговь – 21,1%, Хэнтий – 24,4%, Сухэ-Батор – 16,7%, Туве – 18,9%.

Для выявления сложных аспектов исследуемой проблемы, повышения надежности собранной информации и достоверности выводов, полученных методом анкетирования nomадов, был применен метод экспертных оценок. В данной работе был использован метод индивидуального опроса экспертов, в котором приняло участие 15 человек ($n=15$). Анкета экспертов включала вопросы, касающиеся определения проблем, в том числе социально-экономических, с которыми сталкиваются современные кочевые скотоводы; оценки частоты негативных (природных) явлений и их влияния на жизнь nomадов;

оценки последствий дзуда 2023–2024 гг. и необходимых мер для преодоления дзуда и сохранения и развития кочевого скотоводства.

Экспертами выступили высококвалифицированные специалисты, которые по роду своей деятельности тесно связаны с рассматриваемыми вопросами: сельского хозяйства (20,0%); науки (20,0%), государственного и муниципального управления (13,3%); промышленности (13,3%); образования (13,3%); предпринимательства (6,7%); общественных организаций (6,7%); ООПТ (6,7%). Эффективность и достоверность полученных выводов экспертной оценки обеспечивалась соблюдением правил отбора экспертов, например, таких как: высокая компетентность; способность экспертов анализировать и прогнозировать рассматриваемые процессы и желание участвовать в исследовании.

Инструментарий исследования изначально был составлен на русском языке, затем переведен специалистами-носителями языка на монгольский язык. Для удобства и оперативности получения результатов вопросы анкет были перенесены на платформу Яндекс. Экспертам и кочевым домохозяйствам были предложены различные варианты заполнения анкеты. Большинство экспертов заполнили анкеты на платформе Яндекс или заполнили электронный вариант анкеты и отправили по электронной почте, с несколькими экспертами удалось организовать встречи, на которых были получены важные мнения и комментарии. Большинство домохозяйств номадов предпочли заполнить рукописно печатную форму анкеты. Опрос домохозяйств скотоводов и экспертов проведен непосредственно после дзуда в мае 2024 г. В социологических опросах респонденты отобраны методом снежного кома.

Результаты исследования

Природные факторы влияния на последствия дзуда 2023–2024 гг. Монголия расположена в центральной части Восточной Азии. Климат – резко континентальный, с суровой зимой и сухим жарким летом. Площадь территории страны составляет 1564,1 тыс. км². Численность населения – 3457,5 тыс. человек (на 01.01.2024 г.). Согласно данным Национального центра дистанционного зондирования (National Remote Sensing Center (NRSC) [21], на 1 ноября 2023 г. высота снежного покрова достигала 25–30 см, большая часть территории страны была покрыта снегом. По данным на 1 января 2024 г., в 14 аймаках доля заснеженной площади превышала 75%. Сложная ситуация в Монголии сохранялась до марта 2024 г. В аймаке Хэнтий минимальные температуры ноября 2023 г. составляли – 38,3° С, декабря 2023 г.: – 42,8° С, января 2024 г.: – 39,7° С, февраля 2024 г.: – 40,2° С, марта 2024 г.: – 30,8° С.

Карты снежного покрова территории Монголии показывают сложную обстановку, с которой столкнулись кочевые скотоводы, в результате которой общие потери пастбищного скота от суровых зимних и весенних условий 2024 г. составили 7,4 млн голов [6]. Зимой 2023–2024 гг. от дзуда пострадали 15 из 21 аймака Монголии. За 4 месяца зимнего периода погибло 7,4 млн голов скота. Наибольший ущерб зафиксирован в пяти аймаках: Сухэ-Батор 1,7 млн голов (23,5%), Хэнтий 960,4 тыс. голов (13,0%), Архангай 821,8 тыс. голов (11,1%), Тов 632,2 тыс. голов (8,6%), в Дорноговь 566,5 тыс. голов (7,7%) [27]. На эти пять аймаков пришлось 63,9 % общих потерь скота страны, что и определило их в качестве модельных территорий для анализа проблем кочевых скотоводов в условиях климатических бедствий. В этих аймаках проживают 66,9 тыс. скотоводческих домохозяйств, что составляет 27% от числа всех скотоводческих домохозяйств Монголии.

Социальная устойчивость аймаков. Социальную устойчивость трактуем как состояние социума, при котором обеспечиваются приемлемое качество жизни, социальная справедливость, возможность ведения традиционного хозяйства и природопользования, а будущие поколения имеют не меньший доступ к социальным и другим ресурсам, чем нынешнее поколение, что, в конечном счете, обеспечивает дальнейшее существование и развитие социума. Проведена оценка социальной устойчивости аймаков Монголии по ранее разработанной и апробированной авторской методике, в основе которой лежит расчёт интегральных индексов социальной устойчивости [5]. Определены 8 ключевых показателей, характеризующих развитие социальной инфраструктуры, социальной безопасности территории и качество социальной среды (обеспеченность больничными койками; обеспеченность врачами; природо-

населения; ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ); уровень бедности и безработицы; поголовье скота; уровень преступности). В целях достижения сопоставимости показателей в исследовании применен метод нормирования в интервале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному значению соответствующего показателя.

$$N_{ij} = \frac{x_{ij} - \min(x_{ij})}{\max(x_{ij}) - \min(x_{ij})}$$
, где N_{ij} – нормированное значение j -го показателя, для i -го аймака, $\max(x_{ij})$ – максимальное значение (эталонное) j -го показателя среди аймаков, $\min(x_{ij})$ – минимальное значение j -го показателя среди аймаков i – номер аймака, j – номер показателя.

$$N_{ij} = \frac{x_{ij} - \max(x_{ij})}{\min(x_{ij}) - \max(x_{ij})}$$
, где $\max(x_{ij})$ – максимальное значение j -го показателя среди аймаков, $\min(x_{ij})$ – минимальное (эталонное)¹ значение j -го показателя среди аймаков i – номер аймака, j – номер показателя. Данная формула используется для показателя с отрицательной характеристикой, например, уровень безработицы.

Ранжирование аймаков Монголии по интегральному индексу социальной устойчивости показало, что модельные территории – аймаки Дорноговь, Туве, Архангай, Сухэ-Батор вошли в группу с высоким уровнем устойчивости, заняв 2, 4, 5, 7 места соответственно, а Хэнтий – на 12 месте в группе со средним уровнем устойчивости (табл. 1). Для наглядности результаты нормированных показателей были выделены цветом: тёмным – наихудшие и требующие действенных мер по их решению, серым – ситуация пограничная, требующая внимания; без выделения – оптимальная ситуация. При этом практически во всех аймаках есть как свои проблемные точки, так и позитивные факторы. Нет ни одного аймака, который бы занимал лидирующие позиции по всем учитываемым при ранжировании показателям. В то же время нет и аймаков, у которых все показатели находились бы на низком уровне.

Лидер по социальной устойчивости – аймак Дундговь – демонстрирует эталонное значение по поголовью скота, оптимальные показатели по продолжительности жизни и безработице, но в то же время показатели по обеспеченности врачами и уровню бедности требуют принятия действенных мер. Модельный аймак Дорноговь, занявший второе место, характеризуется эталонными показателями ресурсной обеспеченности системы здравоохранения (больничными койками и врачами), оптимальными показателями по уровню бедности, но по уровню преступности и приросту населения может вызывать тревогу у органов власти и научной общественности. У 3 аймаков – Дорнод, Сэлэнгэ, Дархан-Уул – аутсайдеров по интегральному уровню социальной устойчивости нет ни одного показателя в "светлом фоне" (оптимальная ситуация), имеются по 3 показателя с пограничной ситуацией и 5 – "тёмном фоне" (требуются действенные меры по их решению).

Были определены направления, по которым большинство аймаков Монголии показали наихудшие характеристики. Решение проблем бедности, безработицы, демографического развития и повышение ресурсной обеспеченности системы здравоохранения определены в качестве приоритетных направлений для повышения социальной устойчивости для всех аймаков Монголии, в том числе модельных.

Характеристики и повседневные практики домохозяйств кочевых скотоводов. Характерной особенностью домохозяйств Монголии является проживание в расширенных семьях [13]. Расширенная семья состоит из представителей нескольких поколений, которые живут и трудятся совместно ради общего блага членов семьи. Структура домохозяйств по количеству взрослых членов и детей представлена в таблице 2.

Большинство опрошенных номадов продают продукцию своего хозяйства или сдают её скупщикам / оптовикам (табл. 3). Номады из аймаков Туве

¹ Слово "эталонное" корректно использовать либо для \max , либо для \min в зависимости от направленности показателя. Сейчас оно употребляется асимметрично.

Табл. 1. Ранжирование аймаков Монголии по социальной устойчивости
Table 1. Ranking of Mongolia's aimags by social sustainability

		Обеспеченность большими кочками, на 10 тыс. населения	Обеспеченность врачами, на 10 тыс. населения	Прирост населения, на 10 тыс. населения	ОПЖ, лет	Уровень бедности, %	Уровень безработицы, %	Поголовье скота на душу населения, голов	Уровень преступности, на 100 тыс. населения	Интегральный индекс
1	Дундговь	0,670	0,548	0,709	0,996	0,534	0,871	1,000	0,654	5,983
2	Дорноговь	1,000	1,000	0,611	0,970	0,828	0,659	0,627	0,238	5,932
3	Завхан	0,748	0,473	0,631	0,966	0,562	1,000	0,543	0,757	5,678
4	Тuve	0,518	0,444	0,527	0,971	0,850	0,964	0,679	0,464	5,418
5	Архангай	0,540	0,398	0,709	0,976	0,502	0,818	0,661	0,812	5,416
6	Умнеговь	0,856	0,581	0,808	0,977	1,000	0,482	0,342	0,362	5,408
7	Сухэ-Батор	0,677	0,397	0,862	0,999	0,675	0,509	0,740	0,503	5,363
8	Баян-Улгий	0,732	0,458	1,000	1,000	0,719	0,129	0,221	1,000	5,259
9	Говь-Алтай	0,729	0,646	0,714	0,963	0,387	0,293	0,668	0,726	5,127
10	Уверхангай	0,765	0,499	0,675	0,967	0,453	0,403	0,520	0,775	5,057
11	Баянхонгор	0,658	0,439	0,724	0,959	0,459	0,450	0,581	0,780	5,050
12	Хэнтий	0,639	0,464	0,690	0,986	0,448	0,675	0,701	0,413	5,015
13	Увс	0,562	0,482	0,916	0,949	0,531	0,241	0,450	0,880	5,011
14	Хувсгел	0,621	0,357	0,660	0,927	0,631	0,303	0,521	0,796	4,816
15	Говь-Сумбэр	0,821	0,673	0,709	0,983	0,412	0,273	0,315	0,452	4,639
16	Орхон	0,716	0,699	0,601	0,976	0,692	0,403	0,020	0,506	4,613
17	Ховд	0,752	0,601	0,808	0,985	0,413	0,365	0,043	0,531	4,499
18	Булган	0,429	0,361	0,562	0,990	0,424	0,397	0,754	0,539	4,455
19	Дорнод	0,583	0,461	0,665	0,945	0,442	0,193	0,472	0,551	4,311
20	Сэлэнгэ	0,691	0,424	0,576	0,954	0,482	0,248	0,209	0,513	4,097
21	Дархан-Уул	0,648	0,550	0,606	0,913	0,614	0,214	0,030	0,534	4,109
	Низкий	0,429– 0,618	0,357– 0,570	0,527– 0,683	0,913– 0,941	0,387– 0,590	0,129– 0,419	0,020– 0,346	0,238– 0,492	
	Средний	0,619– 0,809	0,571– 0,785	0,684– 0,841	0,942– 0,971	0,591– 0,795	0,420– 0,709	0,347– 0,673	0,493– 0,745	
	Высокий	0,810– 1,000	0,786– 1,000	0,842– 1,000	0,972– 1,000	0,796– 1,000	0,710– 1,000	0,674– 1,000	0,746– 1,000	

Источник: рассчитано авторами по данным, представленным в открытом доступе на официальном сайте Национального статистического управления Монголии.

Source: calculated by the authors based on data presented in the public domain on the official website of the National Statistical Office of Mongolia.

(64,7%), Архангай (58,8%), Хэнтий (54,5%) предпочитают продавать свою продукцию на рынке, что, скорее всего, обусловлено территориальной близостью со столицей и основными рынками сбыта. Оптовики и скупщики чаще приезжают и забирают продукцию у nomадов аймаков Дорноговь, (68,4%), Сухэ-Батор (73,3%).

Большинство nomадов практикуют традиционный тип хозяйствования, когда скот находится на подножном корму, и более четверти из числа опрошенных скотоводов зимой подкармливают скот сеном и кормами (табл. 4).

Табл. 2. Распределение ответов (в %) на вопрос: "Укажите, пожалуйста, сколько человек в Вашей семье?"

Table 2. Distribution of answers (in %) to the question: "Please indicate how many people are in your family?"

Количество человек в семье	Взрослых	Детей дошкольного возраста 0–6 лет	Детей школьного возраста 7–17 лет
1	6,7	11,1	30,0
2	52,2	6,7	24,4
3	37,8	-	7,8
4	3,3	-	3,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results

Табл. 3. Распределение ответов (в %) на вопрос: "Что Вы обычно делаете с продукцией Вашего хозяйства?"

Table 3. Distribution of answers (in %) to the question: "What do you usually do with the products of your farm?"

Варианты ответов	В целом	Архангай	Дорноговь	Хэнтий	Сухэ-Батор	Тувэ
Используем для собственного потребления	13,3	17,6	15,8	13,6	13,3	11,8
Продаем молоко и молочную продукцию / мясо / шерсть / пух на рынке	42,2	58,8	15,8	54,5	13,3	64,7
Сдаем скупщикам / оптовикам	44,4	23,5	68,4	31,8	73,3	23,5

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

Табл. 4. Распределение ответов (в %) на вопрос: "Чем Вы обычно кормите Ваш скот?"

Table 4. Distribution of answers (in %) to the question: "What do you usually feed your livestock?"

Варианты ответов	В целом	Архангай	Дорноговь	Хэнтий	Сухэ-Батор	Тувэ
Скот всегда на подножном корму	73,3	88,2	63,2	63,6	80,0	76,5
Летом скот на подножном корму, зимой кормим сеном, кормами	26,7	11,8	36,8	36,4	20,0	23,5

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Source: compiled by the authors based on the research results

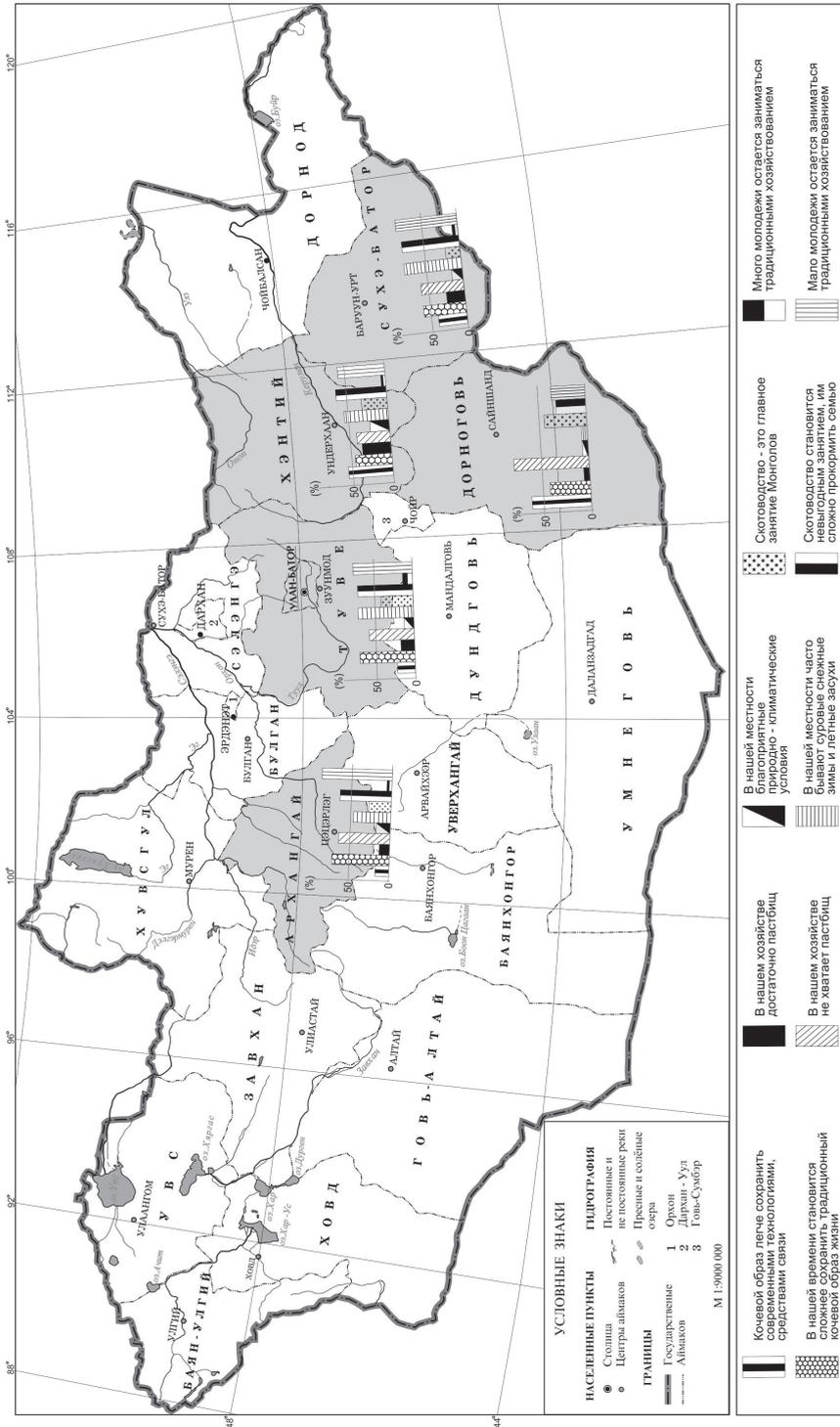

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: "Отметьте, пожалуйста, то, что из перечисленного ниже Вы считаете верным".

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Fig. 1. Distribution of answers to the question: Please check which of the following you consider to be true"

Source: compiled by the authors based on the research results.

Табл. 5. Распределение ответов на вопрос: "Отметьте, пожалуйста, то, что из перечисленного ниже Вы считаете верным"

Table 5. Distribution of answers to the question: Please check which of the following you consider to be true"

Варианты ответов	%
Кочевой образ жизни легче сохранять с современными технологиями, средствами связи и передвижения (сотовые телефоны, спутниковое телевидение, автомобили и проч.)	35,5
В наше время становится сложнее сохранять традиционный кочевой образ жизни	64,5
В нашем в нашем хозяйстве достаточно пастбищ	22,3
В нашем в нашем хозяйстве не хватает пастбищ	59,2
В нашей местности благоприятные природно-климатические условия	15,8
В нашей местности часто бывают суровые снежные зимы и летние засухи	69,7
Скотоводство – это главное занятие монголов	26,3
Скотоводство становится невыгодным занятием, им сложно прокормить семью	71,0
Много молодежи остается заниматься традиционным хозяйством	3,9
Мало молодежи остаётся заниматься традиционным хозяйством	80,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

Кочевым скотоводам было предложено выбрать суждения, наиболее соответствующие их представлениям о жизни и проблемах кочевых скотоводов (табл. 5, рис. 1).

На рисунке 1 показаны распределения ответов в разрезе модельных территорий. В аймаках Архангай, Туве (70,6%) и Сухэ-Батор (60,0%) считают, что "наше время становится сложнее сохранять традиционный кочевой образ жизни". Номады Хэнтий (54,5%), Дорноговь (63,2%) полагают, что с современными технологиями и средствами связи легче сохранять кочевой образ жизни. Суровость природно-климатических условий отмечают номады, проживающие в аймаках Хэнтий (54,5%), Туве (70,6%) и Сухэ-Батор (80,0%), что подтверждается многолетними наблюдениями [21]. Большинство респондентов разделяют мнение о том, что "скотоводство становится невыгодным занятием, им сложно прокормить семью" (Хэнтий – 63,6%, Архангай – 64,7%, Туве – 70,6%, Сухэ-Батор – 80,0%). В той же тональности номады Хэнтий (59,1%), Туве (76,5%), Сухэ-Батор (86,7%), Архангай (88,2%) придерживаются суждения о том, что "мало молодежи остаётся заниматься традиционным хозяйством". Полученные ответы демонстрируют в целом о наличии серьёзных проблем для сохранения и развития традиционного кочевничества.

(окончание следует)

Литература / References

1. География Сибири в начале XXI века: В 6 томах / И. А. Арзуманов, А. Р. Батуев, В. И. Блануца [и др.]. Ред. М. Плюснин, отв. ред. В. А. Снытко, Ю.А. Зуляр. Т. 1. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. 318 с.
Geography of Siberia at the Beginning of the 21st Century: In 6 Volumes / I. A. Arzumanov, A. R. Batuev, V. I. Blanutsa [et al.]. Ed. M. Plyusnin, responsible ed. V. A. Snytko, Yu. A. Zulyar. Vol. 1. Novosibirsk: Academic Publishing House «Geo», 2014. 318 p. (In Russ.).
2. Грайворонский В. В. Монголия: пастбищное-кочевое животноводство – рекордный рост скота и экологическая угроза. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9 (734). С. 49–55. <https://doi.org/10.31857/S032150750000691-2>

- Graivoronsky V. V. Mongolia: pastoral-nomadic livestock farming – record livestock growth and environmental threat. *Asia and Africa Today*. 2018. No. 9 (734). P. 49–55. <https://doi.org/10.31857/S032150750000691-2> (In Russ.).
3. Дарбаева С. Д. Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. О социальных противоречиях на сопредельных территориях России, Монголии, Китая, Казахстана в новых экономических условиях. *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 8-4 (85). С. 373–376.
Dagbaeva S. D. N., Khandazhapova L. M., Lubsanova N. B. On social contradictions in the adjacent territories of Russia, Mongolia, China, Kazakhstan in the new economic conditions. *Economy and entrepreneurship*. 2017. No. 8-4 (85). P. 373–376. (In Russ.).
 4. Ендон У. Сельские мигранты и производство маргинальности в городском пространстве Улан-Батора. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17, № 10. С. 1892–1898.
Yondon U. Rural Migrants and the Production of Marginality in the Urban Space of Ulaanbaatar. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities Series*. 2024. Vol. 17, No. 10. Pp. 1892–1898. (In Russ.).
 5. Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14, № 5. С. 318–336. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336>
Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. Social sustainability of the territories of Asian Russia. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Vol. 14, No. 5. Pp. 318–336. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336> (In Russ.).
 6. Карты снежного покрова территории Монголии. URL: <https://reliefweb.int/updates?list=Mongolia%20Maps%20and%20Infographics&view=maps&advanced-search=%28PC160%29> (дата обращения: 01.12.2024).
Snow cover maps of Mongolia. URL: <https://reliefweb.int/updates?list=Mongolia%20Maps%20and%20Infographics&view=maps&advanced-search=%28PC160%29> (accessed: 01.12.2024).
 7. Кушхов Б. Х. Динамика численности населения регионов Монголии: закономерности и ключевые факторы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 4 (22). С. 68–74. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-4-068-074>
Kushkhov B. Kh. Population dynamics of Mongolian regions: patterns and key factors. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4 (22). P. 68–74. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-4-068-074> (In Russ.).
 8. Миграционные процессы в современной Монголии / И. Г. Актатов, А. Ю. Ардальянова, Б. Батболд [и др.]. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2024. 130 с. <https://doi.org/10.24866/7444-5711-2>
Migration processes in modern Mongolia / I. G. Aktamov, A. Yu. Ardalyanova, B. Batbold [et al.]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2024. 130 p. <https://doi.org/10.24866/7444-5711-2> (In Russ.).
 9. Основные показатели бедности. URL: https://www.nso.mn/en/statistic/statcate/573066/table-view/DT_NSO_1900_007V12 (дата обращения: 06.12.2024).
Main poverty indicators. URL: https://www.nso.mn/en/statistic/statcate/573066/table-view/DT_NSO_1900_007V12 (accessed: 06.12.2024). (In Russ.).
 10. Рэгдэл Д., Дугаржав Ч., Гуни П. Д. Экологические требования к социально-экономическому развитию Монголии в условиях аридизации климата. *Аридные экосистемы*. 2012. Т. 18, № 1 (50). С. 5–17.
Regdel D., Dugarjav Ch., Gunin P. D. Environmental requirements for the socio-economic development of Mongolia in the context of climate aridization. *Arid ecosystems*. 2012. Vol. 18, No. 1 (50). P. 5–17. (In Russ.).
 11. Ямсков А. Н. Традиционное скотоводство и природная среда: Культурно-экологические аспекты взаимодействия. *Этническая экология: теория и практика* М., 1991. С. 287–303. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3275438>
Yamskov A. N. Traditional cattle breeding and the natural environment: Cultural and ecological aspects of interaction. *Ethnic ecology: theory and practice* Moscow, 1991. P. 287–303. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3275438> (In Russ.).
 12. Batima P. Climate change vulnerability and adaptation in the livestock sector of Mongolia. International START Secretariat: Washington DC. 2006. P. 204–209.
 13. Demographic trends and intergenerational relations in Asia and the Pacific. 2024. ESCAP/ CSD, (8) / 4. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/2400298R.pdf> (accessed: 06.12.2024).
 14. Chadraabal A., Shinoda M., Suzuki Y., Komiyama H. Mitigation of severe wintertime disasters in northern Mongolia through the early implementation of local action. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2020. Vol. 50. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101739>
 15. Dagvadorj D., Natsagdorj L., Dorjpurev J., Namkhainyam B. Mongolia: Assessment report on climate change. Ulaanbaatar: Ministry of Environment, Nature and Tourism, 2009. P. 228.

16. Erdenebadrakh M., Shinoda M., Nandintsetseg B. Effects of cold-season climate hazards on livestock health and mortality in Mongolia. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2023. Vol. 90. P. 103658 <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2023.103658>
17. Fluhrer S., Kraehnert K. Sitting in the same boat: Subjective well-being and social comparison after an extreme weather event. *Ecological Economics*. 2022. Vol. 195. P. 107388. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2022.107388>.
18. Groppo V., Kraehnert K. Extreme Weather Events and Child Height: Evidence from Mongolia World Development. *World Development*. 2016. Vol. 86. P. 59-78. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.05.005>.
19. Mogge L., McDonald M., Knoth C., Teickner H., Purevtseren M., Pebesma E., Kraehnert K. Allocation of humanitarian aid after a weather disaster. *World Development*. 2023. Vol. 166. P. 106204. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106204>.
20. Nandintsetseg B., Shinoda M., Du C., Munkhjarga E. Cold-season disasters on the Eurasian steppes: Climate-driven or man-made. *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8, P. 14769. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-33046-1>
21. National Remote Sensing Center of Mongolia. URL: <https://icc.mn/index.php?menuitem=5&datatype=msnow> (accessed: 05.02.2025).
22. Oniki S., Dagys K. Recovery from a winter disaster in Tov Province of Mongolia. *Journal of Arid Environments*. 2017. №139. P. 49-57 <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2016.12.010>
23. Report on the state of the environment of Mongolia Ulaanbaatar, Mongolia Ministry of Nature, Environment and Tourism (2008-2010). URL: <https://www.unep.org/resources/report/report-state-environment-mongolia-2008-2010>. (accessed: 06.12.2024).
24. Sattler D., Bishkhorloo B., Graham J. Climate change threatens nomadic herding in Mongolia: A model of climate change risk perception and behavioral adaptation. *Journal of Environmental Psychology*. 2011. Vol. 75. P.101620. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101620>
25. Skees J. R., Enkh-Amgalan A. Examining the feasibility of livestock insurance in Mongolia. World Bank Publications, 2002. P. 2886. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/2a1e0187-81eb-5870-9328-8f910287b7ff> (accessed: 06.12.2024).
26. Sugita M., Yoshizawa S., Byambakhuu I. Limiting factors for nomadic pastoralism in Mongolian steppe: A hydrologic perspective. *Journal of Hydrology*. 2015. Vol. 524. P. 455-467. <https://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2015.02.050>
27. The number of livestock loss reached 7.4 million heads at the national level // News release National Statistics Office. URL: <https://www.nso.mn/en/dissemination/73092651> (accessed: 17.10.2024).
28. Tomita, T. Dzud and the industrialization of pastoralism in socialist Mongolia. *Journal of Modern East Asian Studies*. 2022. Vol. 11(1). P. 64-85; <https://doi.org/10.1080/24761028.2021.2011554>
29. Yan N. , Zhu W., Wu B., Tuvdendorj B., Chang S., Mishigdorj O., Zhang X. Assessment of the grassland carrying capacity for winter-spring period in Mongolia. *Ecological Indicators*. 2023. Vol. 146. P. 109868, <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2023.109868>
30. Yecheng X., Yaoqi Z. Chen J., Ranjeet J. Livestock dynamics under changing economy and climate in Mongolia. *Land Use Policy*. 2019. Vol. 88. P. 104120. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104120>

Информация об авторах

Сембрика Нимаевна Иванова, д-р соц. наук, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: sambrika@binm.ru

Оюунханд Бямба, преподаватель кафедры географии Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия, e-mail: oyunkhand.b@num.edu.mn

Information about the authors

Sembrika N. Ivanova, Doctor of Sociology, Senior Researcher, Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: sambrika@binm.ru

Oyunhand Byamba, Lecturer, Department of Geography, Mongolian State University, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: oyunkhand.b@num.edu.mn

Поступила в редакцию 27.12.2024

Одобрена после рецензирования 18.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 27.12.2024

Approved 18.02.2026

Accepted 26.02.2026

Научная статья
УДК 316
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/100-112>

Медико-социальное сопровождение детей с РАС в российских регионах: вопросы взаимодействия

Евгения Викторовна Чикова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, chikova.evgenia@urfu.ru
Ольга Ивановна Бородкина
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.borodkina@spbu.ru

Аннотация. Развитие системы медико-социального сопровождения детей с расстройством аутистического спектра (РАС) является актуальной социальной проблемой. В стране наблюдается рост численности детей с РАС, что объясняется в том числе современными возможностями диагностики и развитием некоммерческого сектора. Цель исследования была связана с изучением вопросов межведомственного взаимодействия в системе комплексной помощи детям с РАС. Были проанализированы данные программ помощи детям с РАС в различных российских регионах, проведены экспертные интервью (N=16) с руководителями и сотрудниками НКО и фокус-группы с родителями детей с РАС. Полученные данные позволили выделить основные проблемы и действующие формы взаимодействия НКО с другими организациями в системе медико-социальной помощи детям с РАС.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра (РАС), медико-социальное сопровождение, НКО, дети, семья, экосистемный подход

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 24-18-00542 "Эко-социальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты", реализуемого в СПбГУ

Для цитирования: Чикова Е. В., Бородкина О. В. Медико-социальное сопровождение детей с РАС в российских регионах: вопросы взаимодействия. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 100–112. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/100-112>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/100-112>

Medical and social support for children with ASD in Russian regions: cooperation issues

Evgeniya V. Chikova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; St. Petersburg State University,
St Petersburg, Russia, chikova.evgenia@urfu.ru
Olga I. Borodkina
St. Petersburg State University, St Petersburg, Russia, o.borodkina@spbu.ru

Abstract. The development of a system of medical and social support for children with autism spectrum disorder (ASD) is a pressing social problem. The country is seeing an increase in the number of children with ASD, which is explained, among other things, by modern diagnostic capabilities and the development of the non-profit sector. The purpose of the study was to examine issues of interdepartmental interaction in the system of comprehensive assistance to children with ASD. Data from programs to help children with ASD in various Russian regions were analyzed, expert interviews (N=16) were conducted with managers and employees of NGOs and focus groups with parents of children with ASD were held. The data obtained made it possible to identify the main problems and current forms of interaction between NGOs and other organizations in the system of medical and social assistance to children with ASD.

Key words: autism spectrum disorder (ASD), medical and social support, NGO, children, family, ecosystem approach

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of project No. 24-18-00542 "Eco-social model of the welfare state in Russia: conceptual framework, discourses, institutions", which is being implemented at St. Petersburg State University.

For citation: Chikova E. V., Borodkina O. I. Medical and social support for children with ASD in Russian regions: cooperation issues. *Ojkuмена. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 100–112. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/100-112>

Введение

Проблема создания системы сопровождения детей с расстройством аутистического спектра (далее – РАС) равно как и их семей в последнее десятилетие активно обсуждается как в среде родительского и профессионально-общественного сообщества, так и на разных уровнях власти. Несмотря на то, что в России

отсутствует верифицированная база данных о количестве диагностированных случаев РАС, результаты исследований, проводимых в течение последних двух десятилетий, свидетельствуют о резком увеличении числа детей и взрослых с данным диагнозом. Так, согласно мониторингу психиатрической службы Российской Федерации за 2011–2021 гг., число детей с инвалидностью из-за РАС выросло с 24,3 до 44 тыс. [10], т. е. на 24% увеличилось число детей, получивших инвалидность по причине постановки им соответствующего диагноза [4]. Кроме того, в период с 2017 по 2022 гг. в три раза увеличилось количество обучающихся с расстройствами аутистического спектра [18].

Во многом интенсификация диагностирования расстройств аутистического спектра связана с улучшением диагностики и развитием инфраструктуры организаций, включенных в систему поддержки семей, воспитывающих детей с РАС [7]. Система сопровождения таких семей сложилась в 1990–2000 гг. при поддержке НКО [15], которые, как правило, сами вырастали из родительских групп самопомощи и изначально были ориентированы на развитие комплексного медико-социального сопровождения [16].

Общее развитие в течение двух десятилетий системы услуг для семей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра, тем не менее, не исключает образования региональных различий [3]. Более того, не во всех субъектах приняты соответствующие нормативно-правовые акты, регламентирующие маршрутизацию семей, в которых воспитываются дети с РАС. На практике это зачастую приводит как к слабости отдельных элементов системы сопровождения, например, института раннего вмешательства и инклюзивной образовательной среды, так и к отсутствию результативных механизмов взаимодействия между ними.

Несмотря на то, что вопросы межведомственного взаимодействия достаточно часто находятся в фокусе внимания социальных исследований, применительно к детям с РАС и их семьям их явно недостаточно. Задача данной статьи – частично восполнить этот дефицит, предоставив анализ ключевых аспектов медико-социального взаимодействия в системе социальной помощи детям с РАС в отдельных российских регионах.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической основы исследования был взят экосистемный подход, предложенный У. Бронфенбреннером [22] и переосмысленный применительно к построению структуры помощи семьям, воспитывающим детей с РАС [27]. Согласно теории Бронфенбреннера, развитие человека обуславливается в первую очередь влиянием различных сред, в которые он попеременно включается на разных этапах своей жизни, где подвергается влиянию субъектов, их образующих: семьи и её социального окружения, детского сада, школы, медицинских учреждений, социальных служб и, наконец, государства и общества как производителей норм, ценностей, ресурсов. Однако попадание семьи, воспитывающей ребенка, в трудную жизненную ситуацию усиливает роль социальных организаций и государства как институтов, обладающих ресурсами для того, чтобы повысить качество их жизни.

Каждая из сред вносит свой вклад в удовлетворение потребностей ребенка с РАС, коррекцию нарушений и облегчение адаптации к внешней среде. Семья как ядро системы обеспечивает ребенку первичную социализацию и одновременно формирует спрос на создание востребованных услуг, позволяющих улучшить качество жизни. Внешняя среда поддержки образуется за счёт двух компонентов. Первый из них – медицинские, образовательные учреждения, социальные службы, некоммерческие организации и коммерческие предприятия, т. е. инфраструктура и специалисты, обладающие совокупностью знаний и компетенций, необходимых для удовлетворения потребностей людей с расстройствами аутистического спектра. Второй – государство в лице представителей органов власти, которые осуществляют нормотворческую функцию, позволяющую профессиональному сообществу реализовывать необходимую деятельность в интересах детей с РАС, а также создают условия для функционирования всей системы профессиональной, экономической, юридической и общественной поддержки людей, имеющих инвалидность, и их семей. Очевидно, что существует прямая взаимосвязь между ранним установлением диагноза, началом терапии и реабилитационных мероприятий и

Табл. 1. Данные об информантах
Table 1. Data about informants

<i>Руководители и специалисты НКО</i>	
Э1	женщина, координатор проектов, благотворительный фонд, 2019, Екатеринбург
Э2	женщина, родитель ребенка с РАС, педагог группы дневного пребывания, АНО, 2024, Екатеринбург
Э3	женщина, куратор направления "группы дневного пребывания", АНО, 2024, Екатеринбург
Э4	женщина, директор ресурсного центра на базе АНО, 2021, Ростов-на-Дону
Э5	мужчина, руководитель программы, ресурсный центр на базе АНО, 2021, Ростов-на-Дону
Э6	женщина, руководитель, центр развития общественной организации инвалидов, 2021, Ростов-на-Дону
Э7	женщина, исполнительный директор, благотворительный фонд, 2021, Ростов-на-Дону
Э8	женщина, председатель правления, общественная организация родителей детей-инвалидов и инвалидов с детства, 2021, Пятигорск
Э9	женщина, директор, ассоциация, 2021, Кисловодск
Э10	женщина, руководитель, региональный ресурсный центр РАС ТНМР, женщина 2022, Хабаровск
Э11	женщина, директор, АНО развивающий центр социальной адаптации детей и подростков, 2022, Владивосток
Э12	женщина, психолог, ранее волонтер, АНО развивающий центр социальной адаптации детей и подростков, 2022, Владивосток
Э13	женщина, член правления ВОРДИ Приморского края, 2022, Владивосток
Э14	женщина, исполнительный директор, АНО помощи детям и взрослым с РАС, 2024, Уфа
<i>Волонтеры</i>	
В1	женщина, волонтер, студент-медик, 2024, Екатеринбург
В2	мужчина, волонтер, студент-медик, 2024, Екатеринбург
<i>Родители детей с РАС</i>	
Ф1	родители детей с РАС, посещающих ресурсный центр на базе АНО, 2021, Ростов-на-Дону
Ф2	родители детей с РАС, посещающих развивающий центр социальной адаптации детей и подростков, 2022, Владивосток

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

тяжестью симптомов и поведенческих нарушений аутистического спектра [1]. При этом, согласно исследовательским данным, специалисты медицинского профиля работают менее чем в половине ресурсных центров, осуществляющих поддержку людей с РАС; кроме того, наблюдается низкая представленность медицинских услуг в системе ранней помощи [2] и проблемы медико-социального сопровождения людей с РАС в системе реабилитации [11; 17].

В целом, обзор работ отечественных авторов позволяет заключить, что сотрудничество медицинских учреждений и социальных служб рассматривается как составляющая формирующихся региональных моделей сопровождения детей с РАС [5; 6; 7; 8; 13; 19]. Среди проблематики исследований зарубежных авторов следует отметить трансформацию стандартов межпрофессионального сотрудничества в лечении лиц с аутизмом [21; 23; 26], участие медицинских и социальных работников в адаптации детей с РАС к образовательному про-

Табл. 2. Состав региональных межведомственных рабочих групп по вопросам развития комплексной системы сопровождения лиц с РАС
 Table 2. Composition of regional interdepartmental working groups on the development of an integrated support system for people with ASD

Субъект РФ	Органы власти	Организации здравоохранения	Организации сферы образования	Социальные службы		Общее кол-во участников
				Госучреждения	Общественные организации	
Центральный федеральный округ						
Белгородская область	3	–	–	2	6	11
Владимирская область	10	1	19	1	1	32
Ивановская область	6	–	4	–	2	12
Тверская область	5	1	8	1	2	17
Тульская область	6	1	2	2	2	13
Приволжский федеральный округ						
Республика Татарстан	10	–	1	–	3	15
Чувашская Республика	9	1	2	–	2	14
Пермский край	35	2	2	3	34	76
Кировская область	10	1	1	2	6	20
Нижегородская область	13	3	8	–	4	28
Пензенская область	12	1	2	1	1	17
Самарская область	7	–	4	1	3	15
Южный федеральный округ						
Краснодарский край	7	–	–	–	5	12
Волгоградская область	6	1	–	3	–	10
Северо-Западный федеральный округ						
Республика Коми	7	–	8	2	1	18
Архангельская область	9	3	6	–	4	22
Калининградская область	7	1	3	1	3	15
Северо-Кавказский федеральный округ						
Кабардино-Балкарская Республика	5	2	2	–	–	9
Чеченская Республика	12	–	9	–	–	21
Уральский федеральный округ						
Свердловская область	8	–	2	2	1	14
Тюменская область	7	2	–	–	10	19

Субъект РФ	Органы власти	Организации здравоохранения	Организации сферы образования	Социальные службы		Общее кол-во участников
				Госучреждения	Общественные организации	
Сибирский федеральный округ						
Новосибирская область	5	1	1	1	2	10
Дальневосточный федеральный округ						
Еврейская автономная область	8	–	3	–	1	12

Источник: составлено авторами на основе: [9].

Source: compiled by the authors based on: [9].

цессу [24; 28; 29; 30] и развитию национальных систем сопровождения людей с расстройством аутистического спектра [20; 25].

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием смешанной методологии. На первом этапе был произведен сбор данных из открытых источников и анализ документов нормативно-правового характера, отражающих процесс медико-социального взаимодействия в практике социальной помощи детям с РАС. На данном этапе были отобраны 24 региона РФ (табл. 2), в которых, согласно официальным данным, сформированы и ведут деятельность межведомственные рабочие группы по реализации комплексного сопровождения детей с РАС.

Второе направление исследования было реализовано в рамках качественной методологии с использованием метода экспертных интервью и фокус-групп. При этом были отобраны организации в регионах, которые не попали в первую выборку (за исключением одного). Такой подход позволяет выявить проблемы и барьеры взаимодействия между медицинскими и социальными организациями в системе помощи детям с РАС. В итоге для анализа были отобраны 16 интервью, из которых 14 с руководителями и специалистами и 2 – с волонтерами НКО, оказывающих социальные услуги детям с РАС и их семьям, а также 2 фокус-группы с родителями детей с РАС. Данные об информантах приведены в таблице 1.

Интервью и фокус-группы были проведены в период с 2020 по 2024 гг. в пяти регионах: Хабаровском крае, Приморском крае, Свердловской и Ростовской областях, Ставропольском крае и Республике Башкортостан. Выбор организаций обуславливался их устойчивостью и активностью, а также наличием опыта партнерского взаимодействия с медицинскими организациями. Все участники исследования дали информированное согласие на аудиозапись и последующий анализ, который проводился по тематическим блокам, представленным в статье.

Результаты исследования

Основы медико-социального сопровождения детей с РАС. В течение последнего десятилетия были заложены нормативно-правовые основы, регулирующие систему комплексного сопровождения людей с РАС. В 2020 г. были утверждены Концепция развития ранней помощи в российской Федерации [14] и клинические рекомендации "Расстройства аутистического спектра у детей" [12]. Согласно данным Федерального ресурсного центра при МГППУ, в наибольшей степени охват программы комплексного сопровождения демонстрируют Центральный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа, где уже сложилась как сеть учреждений и организаций разнотипной ведом-

Табл. 3. Формы участия медицинских организаций в мероприятиях межведомственного и межсекторного взаимодействия
 Table 3. Forms of participation of medical organizations in interdepartmental and intersectoral cooperation events

Название региона	Наличие системы межведомственного учёта	Информационно-просветительская и образовательная деятельность	Участие в реализации мероприятий и социально-значимых проектов
Ивановская область	1. Участие в создании единого регионального информационного банка данных по детям группы риска с РАС и с РАС, и семьям их воспитывающим.	1. Проведение образовательных семинаров для педагогов дошкольных образовательных организаций по раннему выявлению детей с риском РАС.	1. Участие в деятельности служб медико-социальной экспертизы и психолого-медико-педагогической комиссии. 2. Консультации родителей по вопросам ухода, абилитации и реабилитации детей с РАС.
Республика Татарстан	1. Обмен данными в рамках информационного модуля "Социальный регистр".	1. Внедрение и реализация образовательных программ для подготовки врачей разных специальностей на базе ВУЗов. 2. Реализация программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов образовательных организаций, учреждения социального обслуживания населения, занятости, культуры спорта и т. д. 3. Разработка рекомендаций по взаимодействию с детьми и взрослыми с РАС для использования работниками в сфере транспорта, ЖКХ, правоохранительных органов, пожарных служб и т. д.	1. Участие в межведомственных консилиумах на базе кабинетов ранней помощи или ПМПК для разработки и пересмотре ИПРА. 2. Создание и функционирование ведомственного центра в сфере здравоохранения. 3. Участие в организации загородных оздоровительных лагерей / профильных смен для детей с РАС.
Астраханская область	1. Участие в создании информационного банка по детям с РАС и их семьям. 2. Участие в проведении регионального мониторинга оказания комплексной помощи детям с РАС и семьям, их воспитывающим.	–	1. Разработка и реализация ИПРА, предоставление информации об услугах ранней помощи.
Пермский край	–	1. Обучение специалистов, работающих с детьми с РАС диагностической методике ADOS-2. 2. Участие в создании видеороликов просветительского содержания для семей лиц с РАС. 3. Участие в информационно-просветительских мероприятиях НКО по вопросам особенностей поведения, коммуникации детей, лиц с РАС, находящихся на стационарном лечении или амбулаторно. 4. Размещение информации о проблеме аутизма в сети Интернет, печатных изданиях, на телевидении.	–

Источник: составлено авторами на основе: [9].
 Source: compiled by the authors based on: [9].

ственной и секторальной принадлежности, оказывающих услуги семьям, воспитывающим детей с РАС, так и нормативно-правовое поле, координирующее взаимодействие между всеми заинтересованными в становлении региональной системы сопровождения сторонами, включая органы власти [2].

Одним их наиболее распространенных механизмов межведомственного взаимодействия является создание межведомственных рабочих групп, состав которых отражён в *таблице 2*.

Выстраивание экосистемы сопровождения детей с РАС основывается на создании вертикали межведомственного взаимодействия и сотрудничества в рамках горизонтальных межсекторных связей между государственными учреждениями и некоммерческими организациями. В данном контексте происходит участие в создании системы межведомственного учёта выявленных случаев РАС, разработка нормативно-правового и программно-методического обеспечения региональной системы комплексной помощи детям с РАС, апробация моделей отдельных её элементов, таких как ранняя помощь, реабилитация, образование, организация совместных мероприятий и реализация проектов, в том числе в отношении взаимообучения специалистов, ведения информационно-просветительской деятельности и сотрудничества в части составления индивидуальных программ сопровождения.

В части регионов выделяется так называемый сетевой тип взаимодействия, при котором роль координирующей организации берёт на себя специально созданный ресурсный центр, штат которого включает специалистов сферы здравоохранения, образовательных организаций и сферы социального обслуживания, и который фактически концентрирует внутри себя ресурсы нескольких организаций, что позволяет преодолеть кадровые, финансовые, материально-технические дефициты.

В *таблице 3* приведены наиболее успешные примеры взаимодействия в рамках отдельных форм медицинских учреждений и других организаций в системе комплексного сопровождения людей с РАС.

Данные, представленные в *таблице 3*, показывают, что практически во всех регионах реализуются информационно-просветительские мероприятия. Помимо этого, в Республике Татарстан медицинские учреждения сотрудничают с вузами в части реализации программ для подготовки будущих медицинских работников: педиатров, неврологов, психиатров, реабилитологов и клинических психологов.

Осуществление совместных мероприятий в условиях реализации индивидуальных программ комплексного медико-социального и психолого-педагогического сопровождения также является наиболее распространенной формой межведомственного взаимодействия медицинских организаций. Организации здравоохранения оказываются особенно востребованы в условиях реализации мероприятий именно ранней помощи, во многом выполняя роль ведущего актора дальнейшей маршрутизации ребенка с РАС. Именно они после установления диагноза доводят до законных представителей ребенка информацию о возможности его включения в программу комплексного сопровождения и при получении согласия направляют информацию о выявленном ребенке в региональный ресурсный центр, где и осуществляется дальнейшая маршрутизация.

После оценки состояния здоровья ребенка с РАС и назначения медикаментозного лечения, процедур реабилитационного и абилитационного характера, медицинские работники осуществляют пролонгированное динамическое наблюдение за ребенком с расстройством аутистического спектра. Таким образом они выполняют поддерживающую роль по отношению к образовательным организациям и организациям социального обслуживания, реализующим психолого-педагогические услуги и оказывающим меры социальной поддержки.

Проблемы межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций и медицинских учреждений в российских регионах. Некоммерческие организации играют важнейшую роль в формировании экосистемы сопровождения детей с РАС и их семей. В этой связи большой интерес представляют формы и проблемы сотрудничества НКО с медицинскими организациями в российских регионах.

Практика развития форм межсекторного взаимодействия в регионах направлена на решение проблем с доступностью диагностики, медицинских и психолого-педагогических форм сопровождения вне городских агломераций.

"Понятно, что в Екатеринбургe много всяких специалистов. А что делать детям, которые, допустим, живут в Североуральске? Там нет развивающих центров, педагоги не знают, что такое аутизм, а врачи там ставят шизофрению" (Э1).

"Мы так и не смогли в Ростове, Ростовской области найти врача, который возьмёт на себя смелость поставить диагноз" (Э4).

"Не скажу, что всё хорошо у нас за пределами Уфы" (Э14).

"А проблема не только в Дагестане – это проблема в принципе всех маленьких городишек. Там везде проблемы. Везде есть эти люди и дети с РАС. И у нас мало организаций, которые этим занимаются" (Ф2).

Вторая проблема заключается в качестве оказываемых услуг, в особенности в части медицинского сопровождения детей с РАС. Речь идёт об отсутствии и / или низкой квалификации медицинских кадров, а также нехватке специалистов узкого профиля, что может привести к проблемам в постановке диагноза, некорректном назначении медикаментозного лечения и реабилитационных мероприятий.

"Видим проблему в отсутствии профессиональных специалистов. В июле планируем взять логопеда-дефектолога, эрготерапевта, а где этих специалистов брать? Чаще всего наши центры реабилитационные работают на выездных специалистах, которые к нам приезжают на небольшой короткий срок" (Э7).

"Бывает так, что психотропные [препараты] назначают уже в таком маленьком возрасте, до психолого-педагогических инструментов" (Э10).

"7 лет назад я переехала из Дагестана в Ростов специально для того, чтобы найти для своих детей какие-нибудь занятия, чтобы определить их в какую-нибудь школу, ведь у нас там очень напряжённо с этим – и с врачами, и со специалистами" (Ф1).

В ряде регионов, в том числе юга и Дальнего Востока, государственные учреждения не справляются с пропускной способностью медико-социальных услуг, и семьи с детьми с РАС вынуждены обращаться в коммерческие организации.

"Если брать наших местных специалистов, они работают в каком-нибудь реабилитационном центре, набрали себе целевую аудиторию, потом уходят в частную практику и уводят свою целевую аудиторию" (Э7).

"Здесь целая экономика на этих людях, именно на наших детях" (Э10).

"...хорошие специалисты идут в частные заведения, чтобы зарабатывать" (Ф2).

Наконец, ключевой проблемой, выделяемой информантами, является отсутствие самой системы маршрутизации, из-за чего после постановки ребенку диагноза РАС родители не знают о потенциальных возможностях в части реабилитации ребенка, его обучения и в перспективе жизнеустройства во взрослой жизни.

"Результат никогда не будет достигнут, если не будет настоящего комплексного медико-психолого-педагогического сопровождения" (Э9).

"Медицинские, социальные, образовательные учреждения – вся эта тройка основных учреждений, которые должны были оказывать поддержку. Они говорили: "Сидите дома, для вас ничего нет". А на самом деле они обязаны были что-то предоставить" (Э14).

"У нас... поставили диагноз, дальше родители остаются одни. Нет никаких указаний, в каком направлении двигаться. Нет у нас сопровождения мамы и ребенка" (Ф2).

"Маршрута нет вообще. Вот у тебя диагноз, ... и ты не знаешь к кому прибегнуть" (Ф2).

Таким образом, существует выраженный запрос на комплексное сопровождение людей с РАС, которое возможно при развитии межведомственного и межсекторного взаимодействия.

Формы взаимодействия НКО и медицинских организаций. Отсутствие в регионах системного сотрудничества между некоммерческими и медицинскими организациями способствует развитию неформальной комму-

никации. Кроме того, НКО становятся участниками объединений, выполняющих консультативно-совещательные функции при органах местного самоуправления и органах исполнительной власти субъектов, в которые входят и представители здравоохранения.

"Мы теперь знаем все друг друга, но у нас "позвоночная" система управления, это значит по звонку" (Э4)

"Мы входим в Общественный совет при мэре города, Общественный совет при инвалидах, при Министерстве соцзащиты, Координационный совет при Управлении по семейной политике материнству, отцовству и детству... Мы везде" (Э10)

"С другими НКО мы, конечно, постараемся дружить по мере возможности... Иной раз необходима какая-то информация, мы можем созвониться и побеседовать по тому или иному вопросу, потому что опыт у всех разный, и мы открыто делимся друг с другом" (Э11)

"По всем вопросам мы спокойно друг к другу звоним, пишем. И все открыты друг к другу... нет такого, что мы только действуем в рамках каких-то регламентов..." (Э14)

Взаимодействие, организуемое при посредничестве органов власти, дополняется мероприятиями образовательного формата, в рамках которых участники имеют возможность обсудить вопросы, связанные с разными аспектами оформления помощи детям с РАС. Для НКО одним из основных направлений деятельности являются услуги раннего вмешательства.

"Мы пытаемся наладить систему ранней помощи, в раннем возрасте психика более пластичная... малыши быстро набирают положительную динамику. Это позволяет быстрее включиться в те же школы" (Э5).

В качестве ещё одной из форм межсекторного взаимодействия может рассматриваться включение в штат некоммерческих организации специалистов сферы здравоохранения.

"Мы видим результативность докторов. Родители не всегда это могут просмотреть, какие новые компетенции он [ребенок] получил именно благодаря назначению [врача]" (Э9).

"Мы очень дружим с психиатрами. Они [врачи] следуют строго клиническим рекомендациям по РАС, где написано, что таблетки от аутизма нет, а основные методы – это психолого-педагогические. Но, ясно, что ко-му-то из детей препараты нужны" (Э14).

Распространённой практикой межсекторного взаимодействия, выделяемой информантами в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге и Владивостоке, является волонтерство студентов-медиков. Студенты вузов медицинского профиля в свою очередь описывают своё сотрудничество с некоммерческими организациями как инициативу последних в основном для проведения просветительских и профориентационных мероприятий для молодёжи.

"Пока волонтеры к нам приходят разово" (Э6).

"Будучи студенткой, у меня был волонтерский отряд, свой отряд волонтеров-психологов" (Э12).

"Нас приглашает сама организация, когда это необходимо. То есть у них планируется какое-то мероприятие, где мы можем быть полезны" (В1).

"В качестве волонтера я провожу лекции. И пару раз участвовал в мероприятиях по профориентации для школьников из коррекционных школ" (В2).

Среди практик межсекторного взаимодействия отметим и обращение в медицинские организации крупных городов, специалисты которых имеют значительный клинический опыт сопровождения случаев РАС и научно-исследовательский потенциал.

"Мы так всё время общаемся с московскими коллегами, там клинической практики больше" (Э4).

"Мы ведём научные разработки с кафедрой экспериментальной медицины Санкт-Петербургского института мозга" (Э9).

НКО также развивают отдельные новаторские проекты, связанные с включением в систему сопровождения детей с РАС. Так в Екатеринбурге рассматривается возможность запуска многофункциональной цифровой платформы-агрегатора информации для родителей детей с РАС, где также плани-

руется размещать образовательный контент, который облегчит повседневное детско-родительское общение.

"Запускаем службу "Тьютор" – это такая служба, платформа в интернете, которая помогает заниматься поиском специалистов. Родители могут друг с другом коммуницировать и со специалистом договариваться о консультациях. Мы хотим этой платформой объединить всех русскоязычных специалистов" (Э1).

В Уфе создан совместный проект Центра ментального здоровья, выполняющего на территории Башкортостана роль координирующего ресурсного центра и местного благотворительного фонда по созданию мобильной медицинской бригады.

"У них вот ментальное здоровье [центр], они, как выездная бригада, периодически выезжают в разные населенные пункты. А их ещё очень поддерживает фонд "Территория женского счастья". И вот этот фонд проводит свои мероприятия. Они выезжают, ну, скажем, в разные районы, и специалисты Центра ментального здоровья с ними" (Э14).

Результаты исследования показали, что в регионах развивается сотрудничество медицинских учреждений и НКО по вопросам сопровождения детей с РАС. Вместе с тем, по мнению экспертов, особую роль по-прежнему играют неформальные межличностные контакты между руководителями, которые позволяют вручную урегулировать возникающие проблемы.

Заключение

В настоящее время система медико-социального сопровождения детей с РАС и их семей активно развивается в большинстве российских регионов, однако этот процесс имеет множество барьеров. Формы участия медицинских организаций в межведомственном взаимодействии зачастую ограничены развитием информационного банка диагностированных случаев РАС, проведением мероприятий информационно-просветительского характера, участием в деятельности служб МСЭ и ПМПК, а также консультированием родителей детей с РАС. Межсекторное партнёрство, инициируемое силами некоммерческих организаций, демонстрирует наличие в регионах разветвленной сети нетворкинга как основной практики вовлечения в сопровождение установленных случаев с РАС представителей медицинской сферы.

Медицинский, психолого-педагогический сектор и сектор социальных услуг в системе оказания помощи людям с РАС на данный момент во многом развиваются параллельно друг другу. В то же время наличие в регионах нормативно-правовой базы и программных документов, задающих рамки и перспективные направления межведомственного взаимодействия, создаёт потенциал для дальнейшего конструирования партнерских связей межведомственного сотрудничества.

Литература / References

1. Альбицкая Ж. В. Ранний детский аутизм – проблемы и трудности первичной диагностики при междисциплинарном взаимодействии. *Медицинский альманах*. 2016. № 2 (42). С. 108–111. Albitskaya Zh. V. Early childhood autism - problems and difficulties of primary diagnostics in interdisciplinary interaction. *Medical almanac*. 2016. No. 2 (42). P. 108–111. (In Russ.)
2. Аналитическая справка о состоянии современных научных исследований расстройств аутистического спектра в России. ФРЦ РАС МГППУ. 2018. URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/2268/analiticheskaya_spravka_po_issledovaniyam_ras.pdf (дата обращения: 05.09.2024). Analytical report on the state of modern scientific research on autism spectrum disorders in Russia. FRC ASD MSUPE. 2018. URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/2268/analiticheskaya_spravka_po_issledovaniyam_ras.pdf (accessed 09.05.2024) (In Russ.)
3. Аналитическая справка о численности детей с расстройствами аутистического спектра в субъектах Российской Федерации в 2020 году. ФРЦ РАС МГППУ. 2021. URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/3646/analiticheskaya_spravka_monitoring_2020_na_blanke_frts_09_03_21.pdf (дата обращения: 05.09.2024). Analytical report on the number of children with autism spectrum disorders in the constituent entities of the Russian Federation in 2020. FRC ASD MSUPE. 2021. URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_

- assets/attachments/3646/analiticheskaya_spravka_monitoring_2020_na_blanke_frts_09_03_21.pdf (accessed 09.05.2024) (In Russ.)
4. Асанова А. С. 2018 года число детей с аутизмом в России практически удвоилось. Теперь их предлагают лечить устаревшими препаратами. *Если быть точным*. 02.04.2024. URL: <https://tochno.st/materials/s-2018-goda-cislo-detei-s-autizmom-v-rossii-prakticeski-udvoilos-v-novyx-rekomendaciiakh-minzdrav-predlagaet-licit-ix-ustarevsimi-preparatami> (дата обращения: 01.09.2024) Asanova A. S. The number of children with autism in Russia almost doubled in 2018. Now they are offered to treat them with outdated drugs. *TO BE PRECISE*. 02.04.2024. URL: <https://tochno.st/materials/s-2018-goda-cislo-detei-s-autizmom-v-rossii-prakticeski-udvoilos-v-novyx-rekomendaciiakh-minzdrav-predlagaet-licit-ix-ustarevsimi-preparatami> (accessed 09.01.2024) (In Russ.)
 5. Баландина О. В., Гвоздь У. Ю. Работа системы комплексной помощи детям с РАС в регионах Приволжского федерального округа. *Аутизм и нарушения развития*. 2022. Т. 20. № 1. С. 5–11. Balandina O. V., Gvozd U. Yu. The work of the comprehensive care system for children with ASD in the regions of the Volga Federal District. *Autism and Developmental Disorders*. 2022. Vol. 20, № 1. P. 5–11. (In Russ.)
 6. Богатая О. Ф., Капустина Н. Г., Рассказова Н. П. Роль регионального ресурсного центра в реализации Концепции комплексного сопровождения людей с расстройствами аутистического спектра и другими ментальными нарушениями. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019. № 1 (58). С. 58–65. Bogataya O. F., Kapustina N. G., Rasskazova N. P. The Role of the Regional Resource Center in the Implementation of the Concept of Comprehensive Support for People with Autism Spectrum Disorders and Other Mental Disorders. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2019. No. 1 (58). P. 58–65. (In Russ.)
 7. Долотказина А. Р., Винеvская А. В., Хаустов А. В., Дергачева Е. В., Черенева Е. А., Давыдова Е. Ю., Нигматуллина И. А., Медова Н. А., Мамохина У. А., Садретдинова Э. А. Система комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра: региональный опыт. *Образование и саморазвитие*. 2022. № 3. С. 296–316. <https://doi.org/10.26907/esd.17.3.21> Dolotkazina A. R., Vinevskaya A. V., Khaustov A. V., Dergacheva E. V., Chereueva E. A., Davydova E. Yu., Nigmatullina I. A., Medova N. A., Mamokhina U. A., Sadretidinova E. A. Comprehensive Support System for Children with Autism Spectrum Disorders: Regional Experience. *Education and Self-Development*. 2022. № 3. P. 296–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/esd.17.3.21>
 8. Иванов М. В., Симашкова Н. В., Козловская Г. В., Тяпкова Н. А. Клинико-психологические подходы к профилактике психических расстройств раннего детского возраста. *Психиатрия*. 2015. № 3 (67). С. 22–27. Ivanov M. V., Simashkova N. V., Kozlovskaya G. V., Tyapkova N. A. Clinical and psychological approaches to the prevention of mental disorders in early childhood. *Psychiatry*. 2015. № 3 (67). P. 22–27. (In Russ.)
 9. Карта регионов, сопровождаемых Федеральным ресурсным центром // Официальный сайт Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра МГППУ. URL: <https://autism-frc.ru/work/support-regions/366> (дата обращения: 05.09.2024) Map of the regions accompanied by the Federal Resource Center // Official website of the Federal Resource Center for the Organization of Comprehensive Support for Children with Autism Spectrum Disorders at MGPPU. URL: <https://autism-frc.ru/work/support-regions/366> (accessed 05.09.2024) (In Russ.)
 10. Макушкина О. А., Яздовская А. В. Психиатрическая служба Российской Федерации: вопросы организации и мониторинг показателей (2011–2021 гг.). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2022. № 4 (117). С. 72–82. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-72-82](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-72-82) Makushkina O. A., Yazdovskaya A. V. Psychiatric service of the Russian Federation: issues of organization and monitoring of indicators (2011–2021). *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2022. № 4 (117). P. 72–82. (In Russ.) [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-72-82](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-72-82)
 11. Малькова С. В., Владимирова О. Н., Шошмин А. В., Лорер В. В. Организация медико-социальной реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра в Российской Федерации. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 2021. Т. 24. № 1. С. 31–38. <https://doi.org/10.17816/MSER52812> Malkova S. V., Vladimirova O. N., Shoshmin A. V., Lorer V. V. Organization of medical and social rehabilitation of children with autism spectrum disorders in the Russian Federation. *Medical and social examination and rehabilitation*. 2021. Vol. 24. № 1. P. 31–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.17816/MSER52812>
 12. Минздрав обновил клинические рекомендации по терапии РАС. VADEMECUM. 26.08.2024. URL: <https://vademec.ru/news/2024/08/26/minzdrav-obnovil-klinicheskie-rekomendatsii-po-terapii-ras/> (дата обращения: 05.09.2024) The Ministry of Health has updated clinical guidelines for the treatment of ASD // VADEMECUM. 26.08.2024. URL: <https://vademec.ru/news/2024/08/26/minzdrav-obnovil-klinicheskie-rekomendatsii-po-terapii-ras/> (accessed 05.09.2024) (In Russ.)

13. Программы сопровождаемого трудоустройства для людей с РАС и / или интеллектуальными нарушениями: обзор российского и международного опыта. 2020 – 2021 // Фонд "Обнаженные сердца". URL: <https://api.nakedheart.online/storage/literature/19/pdf-fe6471cbf53e5c5d69eb1901ec30a825.pdf> (дата обращения: 01.09.2024)
Supported employment programs for people with ASD and / or intellectual disabilities: a review of Russian and international experience. 2020–2021 // Naked Heart Foundation. URL: <https://api.nakedheart.online/storage/literature/19/pdf-fe6471cbf53e5c5d69eb1901ec30a825.pdf> (accessed 09.01.2024) (In Russ.)
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.08.2016 № 1839-р "Концепция развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года" // Официальный портал "Кодекс". URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374012> (дата обращения: 01.09.2024)
Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.08.2016 № 1839-r "Concept for the development of early care in the Russian Federation for the period up to 2020" // Official portal "Codex". URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374012> (accessed 01.09.2024) (In Russ.)
15. Старшинова А. В., Чикова Е. В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра. *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 218–227.
Starshinova A. V., Chikova E. V. Possibilities of NPOs in helping children with autism spectrum disorders. *Bulletin of Tomsk State University*. 2022. № 484. P. 218–227. (In Russ.)
16. Старшинова А. В., Чикова Е. В., Бородкина О. И. Проблемы развития некоммерческого сектора социальных услуг детям с расстройствами аутистического спектра. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2022. № 4. С. 631–642.
Starshinova A. V., Chikova E. V., Borodkina O. I. Problems of development of the non-profit sector of social services for children with autism spectrum disorders. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2022. № 4. P. 631–642. (In Russ.)
17. Терлецкая Р. Н., Лашкова А. В., Черников В. В., Винярская И. В., Кузенкова Л. М. Проблемы медико-социальной помощи детям при расстройствах аутистического спектра. *Российский педиатрический журнал*. 2023. № 26 (3). С. 199–204. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2023-26-3-199-204>
Terletskaia R. N., Lashkova A. V., Chernikov V. V., Vinyarskaya I. V., Kuzenkova L. M. Problems of medical and social assistance to children with autism spectrum disorders. *Russian Pediatric Journal*. 2023. No. 26 (3). P. 199–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2023-26-3-199-204>
18. Хаустов А. В., Шумских М. А. Тенденции включения детей с РАС в систему общего образования: результаты Всероссийского мониторинга. *Аутизм и нарушения развития*. 2023. Т. 21. № 3. С. 5–17. <https://doi.org/10.17759/autdd.2023210301>
Khaustov A. V., Shumskikh M. A. Trends in the inclusion of children with ASD in the general education system: results of the All-Russian monitoring. *Autism and Developmental Disorders*. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 5–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/autdd.2023210301>
19. Черенева Е. А., Володенкова Е. А. Межведомственная модель организации системы помощи детям с РАС в Красноярском крае. *Аутизм и нарушения развития*. 2016. Т. 14. № 4. С. 19–26. <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140404>
Chereneva E. A., Volodenkova E. A. Interdepartmental model for organizing a system of assistance to children with ASD in Krasnoyarsk Krai. *Autism and Developmental Disorders*. 2016. Vol. 14. № 4. P. 19–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140404>
20. Bogdashina O. B. Models of the organisation of comprehensive care for children with ASD in the west. *Autism and Developmental Disorders*. 2016. Vol. 14. № 4. P. 27–34. <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140405>
21. Bowman K. S., Suarez V. D., Weiss M. J. Standards for interprofessional collaboration in the treatment of individuals with autism. *Behavior Analysis in Practice*. 2021. № 14 (4). P. 1191–1208. <https://doi.org/10.1007/s40617-021-00560-0>
22. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 352 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv26071r6>
23. Cox D. J. From interdisciplinary to integrated care of the child with autism: The essential role for a code of ethics. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2012. № 42 (12). P. 2729–2738.
24. Iannuzzi D., Kopecky K., Broder-Fingert S., Connors S. L. Addressing the needs of individuals with autism: role of hospital-based social workers in implementation of a patient-centered care plan. *Health & Social Work*. 2015. Vol. 40. Issue 3. P. 245–248. <https://doi.org/10.1093/hsw/hlv032>
25. Kozhageldiyeva L., Sabyrdylda Z., Akhtayeva N., Samambayeva A. Intersectoral care for children with autism spectrum disorder in Kazakhstan: Parents perspective. *The European Journal of Public Health*. Vol. 33 (2). <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckad160>. 1389
26. Newhouse-Oisten M. K., Peck K. M., Conway A. A., Frieder J. E. Ethical considerations for interdisciplinary collaboration with prescribing professionals. *Behavior Analysis in Practice*. 2017. № 10 (2). P. 145–153.
27. Predescu M., Al Ghazi L., Darjan I. An ecological approach of autism spectrum disorders. *Journal of educational sciences*. 2018. Vol. 38 (2). P. 31–43.
28. Ryan G., Watchorn V., Evans, S. M. Occupational therapy experiences of interprofessional collaboration in the support of autistic children. *Australian occupational therapy journal*. 2024. P. 1–13. <https://doi.org/10.1111/1440-1630.12982>

29. Vlcek S., Somerton M., Rayner C.S. Collaborative teams: teachers, parents, and allied health professionals supporting students with autism spectrum disorder in mainstream australian schools. *Australasian Journal of Special and Inclusive Education*. 2020. Vol. 44 (2). P. 102–115. <https://doi.org/10.1017/jsi.2020.11>
30. Whiting C. C., Muirhead K. Interprofessional collaborative practice between occupational therapists and behavior analysts for children with autism. *Journal of Occupational Therapy, Schools, & Early Intervention*. 2019. Vol. 12 (4). P. 466–475. <https://doi.org/10.1080/19411243.2019.1672603>

Информация об авторах

Евгения Викторовна Чикова, старший преподаватель кафедры социальной работы и управления персоналом Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; инженер-исследователь факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: chikova.evgenia@urfu.ru

Ольга Ивановна Бородкина, д-р соц. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, главный научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: o.borodkina@spbu.ru

Information about the authors

Evgeniya V. Chikova, Senior Lecturer, Department of Social Work and Personnel Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; Researcher, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: chikova.evgenia@urfu.ru

Olga I. Borodkina, Doctor of Sociology, Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, Principal Researcher, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: o.borodkina@spbu.ru

Поступила в редакцию 31.01.2025

Одобрена после рецензирования 19.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 31.01.2025

Approved 19.02.2026

Accepted 26.02.2026

Соединяя миры: дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России

Анна Юрьевна Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova.av@dvfu.ru
Елена Юрьевна Костина
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kostina.eyu@dvfu.ru

Аннотация. Миграция из стран Центральной Азии играет всё более заметную роль не только в демографической динамике, но и в трансформации городской повседневности на российском Дальнем Востоке. Руководствуясь этим тезисом, в данной статье мы попытались рассмотреть, каким образом дети мигрантов становятся агентами, "проводниками" между принимающим и мигрантским сообществом, как их повседневные практики отражают и одновременно переопределяют границы между "своими" и "чужими". В основу исследования положен количественно-качественный подход, ориентированный на использование методов вторичного социологического анализа, анализа статистических данных, неформализованного интервью. Было установлено, что дети мигрантов являются важными агентами интеграционных процессов, формируют гибридный языковой репертуар и выступают эффективными посредниками между мигрантским и принимающим региональным сообществом.
Ключевые слова: миграционные процессы, дети мигрантов, Центральная Азия, Дальний Восток, принимающее сообщество, культурное посредничество, повседневные практики

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования ДВФУ FZNS-2023-0032 "Социальное пространство благополучия детства: комплексный анализ"

Для цитирования: Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Костина Е. Ю. Соединяя миры: дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Connecting Worlds: Children of Migrants from Central Asia in the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova.av@dvfu.ru
Elena Yu. Kostina
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kostina.eyu@dvfu.ru

Abstract. Migration from Central Asian countries plays an increasingly significant role not only in demographic dynamics but also in the transformation of everyday urban life in the Russian Far East. Guided by this premise, the present article examines how migrant children become agents and "conduits" between the host and migrant communities, and how their everyday practices both reflect and reinterpret the boundaries between "us" and "them". The study is based on a mixed-methods approach that combines secondary sociological analysis, statistical data analysis, and non-formalized interviews. The findings show that migrant children act as key agents of integration processes, develop hybrid linguistic repertoires, and serve as effective intermediaries between migrant families and the host regional community.
Key words: migration processes, migrant children, Central Asia, Russian Far East, host community, cultural mediation, everyday practices

The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education for FEFU FZNS-2023-0032 "The Social Space of Childhood Well-Being: A Comprehensive Analysis".

For citation: Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kostina E. Yu. Connecting Worlds: Children of Migrants from Central Asia in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 113–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Введение

В настоящее время миграция выступает одной из ключевых характеристик развития современного российского общества. Она затрагивает экономику, демографию, систему социальных отношений, изменяет привычные институциональные структуры и повседневные практики, что проявляется как на общенациональном, так и на региональном уровне. И Дальний Восток (ДВ) в данном отношении представляет собой весьма показательный пример, поскольку здесь миграционные процессы являются не только ответом на демографические вызовы, но и важным ресурсом регионального развития.

Миграционная ситуация на Дальнем Востоке отличается ярко выраженной асимметрией. С одной стороны, если речь идет о межрегиональной миграции, то здесь имеет место устойчивый отток населения из субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) в другие российские регионы, прежде всего в субъекты Центрального и Северо-Западного федеральных округов (ЦФО и СЗФО). С другой стороны, в отношении международной миграции наблюдается противоположная тенденция: приток иностранных мигрантов частично сглаживает демографические потери и остаётся одним из основных источников восполнения численности постоянного населения. Подобная разнонаправленность неоднократно отмечалась в исследованиях дальневосточных авторов, включая и наши предыдущие работы [13; 14; 17; 7].

Иностранные мигранты, прибывающие в субъекты ДФО, в подавляющем большинстве – это граждане стран СНГ, в первую очередь государств Центральной Азии (ЦА) [см. подробнее: 11]. Среди них заметную долю составляют кыргыстанцы, таджикистанцы, узбекистанцы, ориентирующиеся на дальневосточные регионы как на пространство занятости и заработка. В основном мигранты из центральноазиатских государств сконцентрированы в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Приморье, а внутри этих регионов – в их столичных центрах: Якутске, Хабаровске, Владивостоке [8]. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что вместе со взрослыми мигрантами приезжают и их дети, а часть детей рождается уже на Дальнем Востоке, формируя новое поколение, одновременно выступающее носителем определённой этнической идентичности и включённое в локальную среду дальневосточных городов.

Научная литература, в которой рассматриваются миграционные процессы на Дальнем Востоке, в значительной степени фокусируется на макро- и мезоуровнях анализа. В исследованиях обсуждается, в какой мере въезд иностранной рабочей силы способен компенсировать демографический спад, как мигранты влияют на экономическое развитие и инфраструктуру, каковы возможные риски и угрозы для национальной и региональной безопасности, обусловленные воздействием внешней миграции [9; 18]. Широко представлены работы, связанные с изучением адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов: анализируются их отношения с местным населением, стратегии включения в рынок труда, механизмы выстраивания идентичности и взаимодействия с принимающим сообществом [10; 4].

Гораздо меньше внимания уделяется тому, как миграция переживается внутри семей, как меняются повседневные практики, родительно-детские отношения, религиозная и культурная жизнь мигрантских сообществ [5; 6; 3]. Единичными являются работы, посвящённые детям мигрантов [12; 2], хотя именно они (дети) оказываются в самой плотной зоне пересечения разных миров: школьной среды, дворовых и онлайн-сообществ, семейных ожиданий и нормативных требований принимающего социума. А между тем указанные повседневные практики – школьное и внеучебное общение, использование цифровых ресурсов, участие в религиозной жизни семьи, формирование дружеских отношений – играют ключевую роль в воспроизводстве и трансформации социальных связей как внутри мигрантских диаспор, так и между мигрантами и местным населением.

В условиях пространственной удалённости, культурного многообразия и демографической уязвимости Дальнего Востока разносторонний опыт включения детей мигрантов в новые социальные условия приобретает особое значение. Зачастую именно дети для взрослых мигрантов являются "проводниками" в принимающем сообществе. Они быстрее осваивают русский язык, помогают родителям ориентироваться в деятельности образовательных, медицинских, социальных учреждений, выступают посредниками в процессе взаимодействия с местным населением и государственными структурами. Поэтому в данной статье мы бы хотели сфокусировать своё внимание на роли детей в процессе адаптации и интеграции мигрантов из Центральной Азии в принимающем дальневосточном сообществе.

Теоретическая рамка исследования

Наш основной ключевой исследовательский вопрос заключается в том, каким образом дети мигрантов становятся агентами, связующим звеном меж-

ду принимающим и мигрантским сообществом, как их повседневные практики отражают и одновременно переопределяют границы между "своими" и "чужими". Следовательно, необходимо обратиться к теоретическим подходам, которые позволяют концептуализировать посредническую позицию детей-мигрантов. В данном отношении наиболее перспективными нам представляются аналитические конструкты культурного и языкового посредничества (cultural brokering, language brokering), которые получили широкое распространение как в зарубежных, так и в российских исследованиях миграции.

Термин "культурный посредник" первоначально использовался в антропологии для обозначения акторов, которые соединяют различные социальные миры, способствуя трансляции норм, ценностей, практик [26; 22]. В рамках миграционных исследований эта идея получила дальнейшее развитие: дети, находясь в более интенсивном контакте с окружающей социальной средой (школа, оффлайн- и цифровые коммуникации, формальные и неформальные сообщества), часто становятся посредниками между семьёй и социальными институтами принимающего сообщества [24; 23].

Близкая по смыслу, но более узкая по охвату концепция языкового посредничества опирается на анализ практик языкового перевода и сопровождения, где дети выступают "голосом" семьи в ситуациях взаимодействия с государственными и социальными институтами [27]. В дальнейшем исследователи обратили внимание на двойственность данной роли. С одной стороны, она способствует развитию навыков и укреплению агентности детей. С другой стороны, может приводить к снятию ответственности со взрослых и переносу её на детей, изменениям внутри семейной иерархии [25].

Российские авторы также обращаются к вопросам места и роли детей мигрантов в процессе адаптации и интеграции в принимающее сообщество через призму их включённости в образовательное (школьное) пространство, формирования межкультурной коммуникации, отношений "свой – чужой" [16; 21]. Отечественные исследователи также отмечают, что дети часто становятся проводниками новых норм и ценностей, посредниками между семьями мигрантов и образовательными организациями, цифровой инфраструктурой, службами социальной поддержки [1]. При этом дети сохраняют связь с этнической и религиозной традицией своей семьи и одновременно являются носителями гибридной идентичности, формируемой в условиях новой социальной среды принимающего сообщества.

Сочетание концептов культурного и языкового посредничества даёт нам возможность рассматривать детей-мигрантов как активных акторов, обладающих специфическим ресурсом и возможностями навигации между мигрантским и принимающим сообществом. Другими словами, посредничество понимается не только как перевод языковых кодов или трансляция культурных норм, но и как совокупность повседневных практик в институциональном пространстве (школа, медицина, государственные службы и т. п.); медиапространстве, в частности, интерпретация цифрового контента и коммуникаций; межличностном пространстве, когда дети становятся носителями социально значимых знаний и компетенций. Это позволит объяснить, каким образом повседневные практики младшего поколения способствуют включению мигрантов из Центральной Азии в принимающее дальневосточное сообщество.

Материалы и методы

В основу предпринятого нами эмпирического исследования положен количественно-качественный подход, ориентированный на использование методов вторичного социологического анализа, анализа статистических данных, неформализованного интервью. Мы попытались обобщить имеющиеся у нас полевые материалы, собранные в ходе наших научных изысканий в течение 2019–2024 гг.¹, и "свежие" данные, полученные в 2025 г. В общей

¹ См. подробнее:

2019–2021 гг. – проект РФФИ № 19-011-00768 "Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

2020–2023 гг. – проект РФФИ №20-511-44003 "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

2021 г. – проект РФФИ №21-011-31377 "Дальний Восток: уехать "куда" или "откуда". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

сложности для анализа нами был отобран массив, состоящий из 32 интервью (n=32), проведённых в крупных дальневосточных городах – Якутске, Хабаровске, Владивостоке. В качестве информантов выступили родители-мигранты (представители мигрантского сообщества, имеющие несовершеннолетних детей) и дети-мигранты в возрасте от 10 до 17 лет. Также была проведена серия экспертных интервью с лидерами национальных диаспор, руководителями религиозных и общественных объединений, сотрудниками региональных органов власти. Анализ материалов интервью проводился в логике "обоснованной теории" [20].

Основные результаты исследования

Предваряя изложение полученных результатов, считаем целесообразным остановиться на описании демографических и социально-статусных характеристик мигрантов из Центральной Азии, проживающих на Дальнем Востоке. Половозрастное распределение показывает, что среди представителей рассматриваемой нами категории доминируют мужчины – 87,5%. Численность женщин среди представителей мигрантского сообщества значительно меньше – 12,5%. Доля лиц молодого возраста² (18–44 лет) составляет 88,6%. Если говорить о семейном положении мигрантов из стран ближнего зарубежья, то тех, кто состоит в браке – 50,1%. Имеет место корреляция между наличием официального брачного статуса (женат/замужем) и наличием детей. При этом среди мигрантов, состоящих в браке и проживающих вместе с супругой/супругом на Дальнем Востоке, доля тех, кто имеет несовершеннолетних детей (находящихся вместе с родителями) составляет 60,0%³.

Далее охарактеризуем особенности повседневных практик детей мигрантов, которые становятся основой их культурного и языкового посредничества.

Дети-мигранты как культурные и языковые посредники в повседневной жизни. Полученные результаты демонстрируют, что языковые практики детей-мигрантов характеризуются значительным разнообразием и гибкостью. В семейном кругу они преимущественно коммуницируют на родном языке, сохраняя тем самым связь с этнокультурными традициями своих родителей. Однако вне дома наблюдается активное использование русского языка как основного средства общения. Как отмечают наши информанты, в тех семьях, где дети ещё в дошкольном возрасте приехали в Россию и посещали детские учреждения, русский язык закрепляется как основной.

"В основном дети на русском разговаривают, и они ... не наши дети, а вот дети знакомых только на русском языке и разговаривают. Иногда мы на своём (кыргызском – прим. авт.) говорим, а они не понимают. А наши дети на двух языках разговаривают и нормально" (жен., 42 года, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Мы общаемся на русском языке, и дети учатся на русском языке" (жен., 40 лет, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Дочка уже всю разговаривает. Всё впитывает и быстро усваивает русский язык" (жен., 29 лет, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

В образовательной среде дети мигрантов из Центральной Азии практически полностью переходят на русский язык, языковая среда становится многослойной, что способствует формированию у них особого "гибридного" языкового репертуара, позволяющего эффективно взаимодействовать с представителями разных социокультурных групп. Этот факт отмечают и эксперты.

"Мы проводим занятия для детей разных национальностей. Между собой дети говорят только на русском. Это и есть язык межнационального

2023–2024 гг. – грант РФ № 23-28-01113 "Иностранцы трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи". URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01113/> (дата обращения: 15.08.2025)

² Согласно классификации возрастов, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): молодой возраст – 18–44 лет; средний возраст – 45–59 лет; пожилой возраст – 60–74 лет; старческий возраст – 75–90 лет; долгожители – 90 лет и старше.

³ Более подробно демографические и социально-статусные характеристики мигрантов из Центральной Азии, проживающих на Дальнем Востоке, описаны нами ранее, см. подробнее: [8; 19].

общения" (муж., 40 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

Вышесказанное относится преимущественно к детям младшего возраста, однако дети-мигранты так называемого "полуторного" поколения [15] могут испытывать значительные трудности в социализации и языковой адаптации, что не только осложняет их посредническую функцию, но и ставит под вопрос их успешную интеграцию в принимающее сообщество. Дети "полуторного" поколения, которые прибыли в новую социальную среду в сознательном возрасте (чаще всего от 7 до 14 лет), оказываются в уникальной ситуации: они уже имеют определённые культурные привычки, языковые навыки и представления о нормах, свойственных стране происхождения, но вынуждены быстро адаптироваться к новым условиям. Для иллюстрации особенностей процесса адаптации детей-мигрантов в образовательной среде можно привести цитаты из интервью с экспертами.

"Я разговаривала лично со многими родителями-мигрантами в школах, в целом схема такая: сначала работают год-два, один родитель или оба, потом привозят детей, которые вообще не говорят по-русски, и начинается проблема адаптации. В школу не хотят брать, потом, естественно, берут, либо берут в классы младшие, либо говорят подучите язык ... Кто-то приезжает на среднее звено и вообще теряет знания, так как языка не знает, и 12–13-летку сажают во второй-третий класс, возникает много проблем" (жен., 52 года, представитель общественной организации, оказывающей социальную помощь и поддержку мигрантам).

"На сегодняшний день складывается достаточно тяжелая картина, и порой в школах мы получаем по 15–20% контингента детей, которые не знают русский язык. Мы за счёт грантовых проектов через национальные объединения пытаемся решить вопрос по созданию центров по изучению русского языка, куда родители приходят вместе с детьми с тем, чтобы изучать русский язык" (муж., 58 лет, представитель региональных органов власти).

В то же время экспертные оценки показывают, что даже в ситуациях, когда дети не владеют русским языком на достаточном уровне на начальном этапе, они всё равно берут на себя роль посредников для своих семей. Участие в "нулевых классах" или центрах изучения русского языка позволяет детям освоить базовые коммуникативные навыки, которые они затем транслируют в семью. Ограниченное знание русского языка не является препятствием для выполнения детьми своей посреднической функции. Напротив, это становится стартовой точкой для постепенной интеграции всей семьи в новую социальную реальность, где дети выступают не только учениками, но и учителями для своих родителей.

Для детей-мигрантов второго поколения, часто уже имеющих российское гражданство, актуализируется проблема сохранения родного языка. Сами дети-мигранты более старшего возраста отмечают, что, несмотря на многочисленные межнациональные дружеские контакты в России, они испытывают трудности общения на родине.

"На русском общаемся. Потому что, честно говоря, на своём родном языке я с акцентом разговариваю. И на самом деле это плохо, надо знать родной язык" (юноша, 17 лет, родители – выходцы из Узбекистана).

"Ещё есть проблема. Дети, которые родились здесь и здесь живут, они не знают родного языка. Организуем курсы ... Желательно, чтобы они знали традиции, потому что представители любой нации свои корни должны знать" (муж., 56 лет, лидер национальной диаспоры).

Можно сказать, что языковое поведение детей-мигрантов формируется на пересечении двух культурных пространств, что делает их важными посредниками для семьи и одновременно ставит перед ними задачу удержания этнической идентичности. Это процесс постоянного удержания баланса, где освоение русского языка открывает возможности интеграции, а связь с родной культурой поддерживает устойчивость семейного опыта.

Медиапространство как ресурс языковой и культурной адаптации. Особую роль в освоении русского языка и культурной адаптации играет медиапространство. Дети активно потребляют контент на русском языке через различные цифровые платформы: социальные сети, стриминговые сервисы, образовательные онлайн-ресурсы. Это не только расширяет их

лингвистические возможности, но и способствует более глубокому пониманию культурного контекста принимающего сообщества.

"Даже бывает так, что приходят дети, допустим, младших классов, ничего не знают. Фильмы смотрели-смотрели пару месяцев, и уже всё нормально. Ну, чисто, смотрят телевизор, и чётко разговаривают на русском языке" (муж., 48 лет, лидер национальной диаспоры).

Однако именно медиавовлечённость детей часто вызывает опасения их родителей.

"Они (дети – прим. авт.) на русском языке смотрят мультики, но ... иногда, ну, какие-то странные. Поэтому я советские мультики им пытаюсь показывать" (жен., 42 года, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Очень пагубно влияет на детей. Я смотрел, она (дочь – прим. авт.), например, рисовала в тетради, и у неё рисунки были какие-то ужастики. Я задумался: "Откуда?". А потом увидел историю YouTube ... Значит, у неё внутри ужастики уже в голове" (муж., 40 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

"Мы уткнулись в телефоны сейчас, все здесь и ребёнок, но он сам по себе. Или он тоже где-то с планшетом или с телефоном, таким образом, элементарного общения между родителями и детьми не происходит никакого" (муж., 29 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

Сами дети-мигранты также отмечают, что родители часто жёстко контролируют их общение и цифровые практики, устанавливают свои правила для пользования гаджетами, актуальные в большей степени для более младшего возраста: *"сейчас уже нет, сестру контролируют, она маленькая, ей пять"; "только мультики брату разрешают иногда, ну, наверное, чтобы не сломал и не испортил"; "я маме всё сама показываю"*.

"Родители не дают денег на игры в телефоне. Когда я просыпаюсь, или когда папа приходит на перерыв, тогда я успеваю немного поиграть в его телефон. Потом я должен ждать до вечера, когда папа с мамой придут домой. Но бывают дни, когда папа даёт мне телефон, а он с мамой уходит на работу" (смеётся – прим. авт.) (мальчик, 10 лет, родители – выходцы из Узбекистана).

В целом, языковые практики детей мигрантов представляют собой сложный механизм адаптации, который обеспечивает их успешную интеграцию в принимающее сообщество при сохранении связи с культурой происхождения. Через повседневное использование разных языковых кодов они выстраивают уникальные стратегии навигации между различными социальными мирами, выполняя функцию посредников не только для своих семей, но и для более широкого мигрантского сообщества.

В отличие от традиционной модели передачи ценностей от старшего поколения к младшему, здесь наблюдается обратная динамика: родители всё чаще признают компетентность даже маленьких детей в вопросах, связанных с навигацией в новой социальной реальности. При этом ресурс языковой и медиакомпетентности детей реализуется не абстрактно, а через вполне конкретные повседневные практики, которые постепенно встраиваются в жизнь мигрантских семей. Обобщение эмпирических материалов позволяет выделить несколько типовых ситуаций, демонстрирующих, каким образом этот ресурс "работает" на уровне семьи.

Так, в ряде семей дети второго поколения становятся основными посредниками во взаимодействии с цифровыми и институциональными сервисами принимающего сообщества. Они помогают родителям ориентироваться в электронных школьных платформах, медицинских и социальных сервисах, цифровых формах записи и уведомлений. Через эту практику в семью постепенно входят новые формы коммуникации с государственными и образовательными институтами, снижается уровень неопределённости и тревожности, связанный с официальными процедурами.

Далее, языковая компетентность детей также проявляется через их роль неформальных переводчиков и интерпретаторов повседневных ситуаций. Дети объясняют родителям содержание школьных требований, правил поведения в общественных пространствах, коммуникативные ожидания со стороны учителей, врачей или представителей местного сообщества.

Также через медиапотребление детей в мигрантские семьи проникают элементы локальной и общероссийской культурной повестки: образовательный контент, новостные сюжеты, представления о досуге и стилях жизни. Родители нередко оказываются включёнными в обсуждение увиденного и услышанного детьми, что расширяет их представления о принимающем сообществе.

Получается, что посредническая роль детей в цифровом пространстве носит двойственный характер. С одной стороны, она расширяет возможности семьи для включения в принимающее общество, облегчает доступ к информации и институциональным ресурсам. С другой стороны, она усиливает зависимость взрослых от детей и может приводить к смещению традиционных моделей авторитета внутри семьи. Таким образом, посредничество выступает не только ресурсом интеграции, но и трансформирует внутрисемейные отношения, меняет их иерархию.

Заключение

Предпринятое нами исследование показало, что дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке занимают особое место в структуре мигрантского сообщества. Они не только включены в транснациональное пространство, но и выступают активными посредниками между своим ближайшим окружением и принимающим социальным пространством. Языковые практики детей формируются на пересечении двух миров: в семье доминирует родной язык, обеспечивающий связь с этнокультурными традициями, тогда как в публичной сфере ключевым ресурсом становится русский язык. В результате у детей складывается гибридный языковой репертуар, позволяющий им эффективно действовать в роли "проводников" и интерпретаторов для взрослых членов семьи в различных коммуникационных процессах и повседневных ситуациях.

Полученные нами результаты наглядно демонстрируют различия в опыте детства у совсем маленьких детей, представителей "полуторного" и второго поколения. Если для первых русский язык и медиапространство нередко становятся естественной средой социализации, то дети "полуторного" поколения чаще являются носителями "промежуточного" статуса, который можно определить как "ни там и ни здесь", сталкиваются с трудностями в школе и внутренним конфликтом идентичности. Для второго поколения, в свою очередь, актуализируется проблема сохранения родного языка и поддержания связи со страной исхода. При этом во всех поколениях именно дети берут на себя значительную часть навигационной работы в новых социальных условиях – осваивают инфраструктуру города, цифровые сервисы, коммуницируют с институтами образования, общественными и административными структурами.

В целом, можно заключить, что дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке выступают не пассивными объектами адаптации, а важнейшими агентами интеграционных процессов. Это позволяет говорить о необходимости более целенаправленной политики, учитывающей роль детей в миграционных стратегиях семей, включающей развитие программ языковой поддержки, поддержку образовательных инициатив национальных диаспор и общественных организаций, направленных не только на адаптацию детей, но и на использование их агентности как ресурса устойчивого развития локальных сообществ.

Литература / References

1. Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования: коллективная монография / под ред. Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. Москва: Этносфера, 2022. 169 с.
Adaptation and Integration of Children from Migrant Families in the Russian Education System: A Collective Monograph / eds. E. A. Omelchenko, A. A. Shevtsova. Moscow: Etnosfera, 2022. 169 p. (In Russ.)
2. Ардальянова А. Ю. Цифровые аспекты социального благополучия детей из семей мигрантов: исследовательская практика на Востоке России. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2025. № 1. С. 3–10. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2025-1-3-10>

- Ardalyanova A. Yu. Digital Aspects of the Social Well-Being of Children from Migrant Families: Research Practice in the Russian Far East. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025. No. 1. P. 3–10. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2025-1-3-10> (In Russ.)
3. Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Яковлев А. И. Вкус дома, поиск любви и сила веры: повседневные практики мигрантов в дальневосточных городах. *Периферия. Журнал исследования не-столитных пространств*. 2025. № 4 (9). С. 19–30. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-9-19-30>
Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Yakovlev A. I. The Taste of Home, the Power of Faith, the Search for Love: Everyday Practices of Migrants in Far Eastern Cities. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2025. No. 4 (9). P. 19–30. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-9-19-30> (In Russ.)
 4. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Обретение "дома"? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России. *Мир России. Социология. Этнология*. 2023. Т. 32, № 4. С. 71–95. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95>
Bliakher L. E., Leontyeva E. O. Finding "Home": Differentiation Within Migration Flow as a Factor Determining Identity Formation in the Far East of Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 71–95. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95> (In Russ.)
 5. Варнавский П. К. Мусульманская община Улан-Удэ в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2016. Т. 18, С. 107–115.
Varnavskiy P. K. The Muslim Community of Ulan-Ude in the Context of Interaction between Migrants and Host Society. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2016. Vol. 18, P. 107–115. (In Russ.)
 6. Винокурова А. В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 4 (43). С. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/95-104>
Vinokurova A. V. The Life Strategies and Everyday Practices of Families of Uzbek Migrant Workers (on the Example of Primorye Territory). *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 4 (43). P. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/95-104> (In Russ.)
 7. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 4 (67). С. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22>
Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign Migration in the Russian Far East: Main Trends. *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 4. P. 23–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22> (In Russ.)
 8. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. "Третье место" в повседневности молодых мигрантов дальневосточных городов. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17, № 10. С. 1847–1862.
Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. "Third Place" in the Everyday Life of Young Migrants in Far Eastern Cities. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 17, No. 10. P. 1847–1862. (In Russ.)
 9. Гамерман Е. В. Миграция и безопасность в Северо-Восточной Азии: политические и экономические аспекты. *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 55–69. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.28836>
Gamerman E. V. Migration and security in North-East Asia: political and economic aspects. *International relations*. 2020. No. 2. P. 55–69. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.28836> (In Russ.)
 10. Григоричев К. В. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска. *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 14–31.
Grigorichev K. V. The "Tajik", "Non-Russians", "Gastarbeiters", and Others: Foreign Migrant Workers in the Suburbs of Irkutsk. *Ethnographic Review*. 2012. No. 4. P. 14–31. (In Russ.)
 11. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. Москва: Восточный центр государственного планирования. 48 с. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=m907bfwa15380585962 (дата обращения: 17.08.2025).
Demographic ProFile of the Far Eastern Federal District. Moscow: Eastern Center for State Planning. 48 p. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=m907bfwa15380585962 (accessed 17.08.2025) (In Russ.)
 12. Купряшкин И. В. Мигранты: жертвы или злодеи. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2021. № 1. С. 71–81. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-71-81>
Kupryashkin I. V. Migrants: Victims or Villains? *Bulletin of Buryat State University*. 2021. No. 1. P. 71–81. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-71-81> (In Russ.)
 13. Мишук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты. *Региональная экономика: теория и практика*. 2018. Т. 16, № 6. С. 1028–1040. <https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028>

- Mishchuk S. N. Implementation of modern migration policy in the Russian Far East: federal and regional aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2018, Vol. 16, No. 6. P. 1028–1040. <https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028> (In Russ.)
14. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.2>
Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 1. P. 27–40. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.2> (In Russ.)
15. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей-мигрантов – представителей "полуторного поколения". *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2013. № 2 (11). С. 192–209.
Mukomel V. I. Features of Adaptation and Integration of Migrants' Children, Representatives of "One-and-a-half Generation". *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2013. No. 2 (11). P. 192–199. (In Russ.)
16. Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 1 (44). С. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145>
Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. Integration of Second-Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Region: Educational Trajectories and Employment. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2019. No. 1 (44). P. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145> (In Russ.)
17. Сердюков К. Н. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (на примере Приморского края). *Вестник университета*. 2023. № 7. С. 233–240. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-233-240>
Serdyukov K. N. Demographic and Migration Processes in the Far East of Russia (on the example of Primorsky Krai). *Vestnik universiteta*. 2023. No. 7. P. 233–240. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-233-240> (In Russ.)
18. Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы. *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11, № 3. С. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>
Serdyukov K. N. Crime of Foreign Migrants in Russia: Facts and Speculation. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 3. P. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716> (In Russ.)
19. Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 3. С. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22>
Serdyukov K. N., Vinokurova A. V. Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case. *Oikumena. Regional Researches*. 2024. No. 3. P. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22> (In Russ.)
20. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
Strauss A., Korbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. (In Russ.)
21. Ушева Т. Ф., Мункоева Н. А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10, P. 47–57.
Usheva T. F., Munkoeva N. A. Social Adaptation of Migrant Children in General Education Schools. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10, P. 47–57. (In Russ.)
22. Marcus G. Myers F. The Traffic in Culture: Refiguring Art and Anthropology. California: Berkeley, 1995. 380 p. URL: <https://archive.org/details/trafficinculture0000unse> (accessed 10.12.2025)
23. Orellana M. F. Translating Childhoods: Immigrant Youth, Language, and Culture. Rutgers University Press, 2009. 224 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/marjorie-faultstich-orellana/pdf-translating-childhoods-immigrant-youth-language-and-culture-rutgers-series-in-childhood-studies-download/> (accessed 10.12.2025)
24. Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Lam W. S. E. Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*. 2001. Vol. 48, Issue 1. P. 572–591. URL: <https://academic.oup.com/socpro/article-abstract/48/4/572/1660773?redirectedFrom=fulltext> (accessed 10.12.2025). <https://doi.org/10.1525/sp.2001.48.4.572>
25. Roche K. M., Lambert S. F., Ghazarian S. R., Little T. D. Adolescent Language Brokering in Diverse Contexts: Associations with Parenting and Parent–Youth Relationships in a New Immigrant Destination Area. *Journal of Youth and Adolescence*. 2015. Vol. 44, P. 77–89. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10964-014-0154-3> (accessed 10.12.2025). <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0154-3>
26. Rosaldo R. Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. Boston: Beacon Press, 1989. 280 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/renato-rosaldo/pdf-epub-culture-and-truth-the-remaking-of-social-analysis-download/> (accessed 10.12.2025)
27. Tse L. Language Brokering in Linguistic Minority Communities: The Case of Chinese- and Vietnamese-American Students. *Bilingual Research Journal*. 1996. Vol. 20, Issue 3–4. P. 485–498. URL: <https://>

ncela.ed.gov/sites/default/files/legacy/files/rcd/BE022362/Language_Brokering.pdf
10.12.2025)

(accessed

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova.av@dvfu.ru

Елена Юрьевна Костина, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova.av@dvfu.ru

Elena Yu. Kostina, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Поступила в редакцию 15.12.2025

Одобрена после рецензирования 08.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 15.12.2025

Approved 08.02.2026

Accepted 26.02.2026

Научная статья
УДК 304.2
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Турист меморативного ландшафта: "новый паломник" или "уставший урбанист"?

Людмила Борисовна Зубанова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, milazubanova@gmail.com

Аннотация. В современной культуре особую роль играют меморативные ландшафты – места коллективной памяти и исторической связи времён. На материалах социологической диагностики (эмпирические исследования, осуществленные в ходе 5 полевых экспедиций) исследуется меморативный ландшафт Аркаима – археологического памятника и природно-культурного заповедника на территории Южного Урала. Обобщаются мотивы, виды активности, специфика материальной и символической объективации идентичности и типы современных туристов.

Ключевые слова: региональные меморативные ландшафты, память, Аркаим, турист, идентичность

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 23–18–20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект: "Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)".

Для цитирования: Зубанова Л. Б. Турист меморативного ландшафта: "новый паломник" или "уставший урбанист"? *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 123–131.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Tourist of the Memorial Landscape: "New Pilgrim" or "Weary Urbanite"?

Ludmila B. Zubanova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, milazubanova@gmail.com

Abstract. In contemporary culture, memorial landscapes – sites of collective memory and historical continuity – play a significant role. Based on sociological diagnostics (empirical research conducted through five field expeditions), this study examines the regional memorial landscape of Arkaim, an archaeological site and a natural-cultural reserve in the Southern Urals. It synthesizes the motivations, types of activities, the specifics of material and symbolic expressions of identity, and the profiles of modern tourists.

Key words: regional memorial landscapes, memory, Arkaim, tourist, identity

The research was conducted within the framework of the RSF grant No. 23-18-20098 (regional competition of the Chelyabinsk Oblast), project: "Materialized Identity: Constructing Memory in a Socio-Economic Perspective (Case Study of the Archaeological Site Arkaim)."

For citation: Zubanova L. B. Tourist of the Memorial Landscape: "New Pilgrim" or "Weary Urbanite"? *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 123–131. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Введение

Проблематика памяти и образы прошлого, несмотря на свою отдалённость (временную дистанцию), осуществляют постоянный процесс "пересборки" идентичности современного человека в режиме реального времени. Как отмечал М. Хальбвакс [26], прошлое следует рассматривать как социально конструируемый феномен, содержание которого детерминировано актуальным контекстом и запросами потребителя. Современный человек ищет надежный фундамент в неопределённости "текущей современности" [4] настоящего. Коллективная идентичность во многом конструируется через символическое маркирование мест, определяемых французским историком П. Нора "местами памяти" – значимыми для сообществ формами существования "коммеморативного сознания" [18, с. 26]. В концепции П. Нора "места памяти" несут предельно широкое толкование, не подразумевающее исключительно предметной или территориальной определённости объекта (архивы, воспоминания, памятные события и даты, фигуры исторических деятелей и другое). Однако территориальная фиксация "мест памяти" возможна при обращении к меморативным ландшафтам – проекциям историко-культурных ландшафтов, значимым основанием анализа которых, по мысли исследователей [5], выступает именно пространственная локализация.

Меморативные ландшафты (характерным примером которых выступают археологические памятники) рассматриваются в том числе как дестинации в системе культурно-познавательного туризма или "туризма впечатлений", реализуя запрос на аутентичность "экзистенциального путешествия" [23, с. 110–111]. Конкурентоспособность туристской дестинации в современной культуре оценивается по критерию креативности [7], а потому столь значим ресурс уникальности и подлинности, с которым ассоциируются культурно-исторические объекты.

В. Л. Каганский и Г. В. Лютикова анализируют феномен "глубинного туризма" как возможность "погружения в ландшафт" и "глубокое переживание места", обеспечивающее посетителю обретение духовных смыслов [14, с. 14]. Запрос на подобный духовный поиск нередко связывается с посещением особых "святых мест". Как подчеркивает А. Н. Кривошеин, во многих современных обществах массовый туризм служит замещением религиозности, в то время как в России он в большей мере ею подпитывается [16, с. 199–200]. Практики "паломнического туризма" [2] активно реализуются именно в освоении меморативных ландшафтов, за которыми спонтанно и произвольно закрепляются образы "сакрального центра", "святого места", "места силы" [30]. Меморативные ландшафты превращаются таким образом в "оспариваемую территорию" [10], в отношении которой ведется символическая борьба за присвоение смысла в трактовке места – его официальной концепции и складывающегося имиджа среди широкой аудитории. Посетители меморативных ландшафтов при этом остаются во многом "невидимой группой" [10, с. 49], чьи мотивы, запросы, ожидания и творческий потенциал освоения "места памяти" – не в полной мере осмыслены исследователями.

Цель настоящей статьи – осуществить социокультурное портретирование посетителей меморативного ландшафта (на примере археологического памятника "Аркаим") на основе фиксации их социально-демографических характеристик и артикулируемых мотивов обращения к "месту памяти".

Методология, материал и методы исследования

Методологические основания исследования формируются:

- дискурсом Memory Studies (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс) – конструированием образов прошлого, связью культурной памяти и идентичности сообществ;
- концептуализацией мемориальных ландшафтов как части Cultural Landscape Studies – культурного ландшафтоведения [5; 13], ареальной парадигмы пространственной идентичности [12];
- теоретическими и эмпирическими исследованиями меморативных ландшафтов и конкретно Аркаима как "оспариваемой территории" [10], "спонтанной иеротопии" [22] и конструируемого (в восприятии отдельных групп аудитории) "места силы" [30].

В качестве меморативного ландшафта (материал исследования) в данной статье рассматривается кейс Аркаима, позиционируемый в общественном сознании через многообразие смысловых интерпретаций в силу следующих объективных и субъективных факторов.

Прежде всего, речь в действительности идёт об уникальном историческом памятнике. Аркаим (открытый в 1987 г. во время археологических обследований на территории Челябинской области) был отнесён исследователями к поселению бронзового века (период XXI–XVIII вв. до н. э.) синташтинской культуры или "Страны городов". Эта историческая ценность меморативного ландшафта даёт посетителю возможность идентификации с историческим наследием прошлого. Во-вторых, характер обследованного учёными места свидетельствует о высоком развитии культуры раннегородского типа: продуманный план поселения с чёткой градостроительной идеей, архитектурой и фортификацией, процветающие ремесла и т. п. Признанием ценности этого "культурного бэкграунда" можно считать неоднократно воспроизводимую исследователями ассоциативную связь Аркаима с популярными памятниками мировой культуры, например – со Стоунхенджем [8; 29].

В-третьих, значимым фактором туристической привлекательности выступает разнообразие природного окружения меморативного ландшафта: холмисто-равнинный рельеф так называемой "Аркаимской долины", сочетание

лесостепной и степной зон, наличие реки Большая Караганка, придающей особую живописность месту.

В-четвертых, речь идёт о наличии музейной инфраструктуры с развитой системой экскурсионного и культурно-событийного предложения: музеефицированный раскоп, археологические памятники-поселения (точная копия родовой усыпальницы кочевников "Курган Темир", реконструкция сооружений энеолитического поселения "Жилища Каменного века", этнографический музей "Усадьба Оренбургского казака", Аркаимская ветряная мельница и другие), государственный Музей природы и человека (постоянная экспозиция артефактов материальной и духовной культуры племён и народов, населяющих территорию в разные исторические периоды); скульптурные группы, арт-объекты и художественные инсталляции; насыщенная программа культурно-событийных мероприятий (фестивали, конкурсы, выступления ролевиков-реконструкторов, фольклорных коллективов, артистов и т. д.). Виртуальная экскурсия музея Аркаим, позволяющая визуализировать пространство ландшафта, размещена по адресу: <https://arkaim-center.ru/sites/default/files/3D/index.html>).

Но, конечно, особую роль играет "мистический шлейф" места, сформированный как объективными обстоятельствами драматичной судьбы Аркаима (угроза уничтожения в результате принятого решения о затоплении, гражданская активность по спасению памятника), традиционным романтическим ореолом восприятия археологии (раскопки, открытия, захоронения), так и субъективными представлениями об "энергетике" и "духовной силе" данного места. Этот эзотерический образ "места силы" исследователь Е. К. Созина связывает с "баснословным прошлым топоса" и "мифом о первоителях – первопредах-ариях" [21, с. 83–84].

Превращению "места памяти" в "место силы", как воплощённого варианта "спонтанной иеротопии" – стихийной сакрализации мест, обладающих, по представлениям участников этой деятельности, сверхъестественными свойствами [22, с. 659] – способствовало посещение Аркаима астрологом и эзотериком Тамарой Глобой, а также мистическая трактовка его происхождения, продвигаемая в фильме "Аркаим. Стоящий у Солнца" (2008 г.) по сценарию известного писателя-сатирика М. Задорнова. Как отмечает В. А. Шнирельман: "С тех пор, как Аркаим был объявлен наследием солнцепоклонников-ариев, вокруг него создалась атмосфера таинственности, и он был признан местом скопления мистических сил. Там возник центр мощного религиозного культа и туда хлынул нескончаемый поток туристов, среди которых видное место заняли последователи учения Рерихов, "арийские астрологи", эзотерики, экстрасенсы, ясновидящие, колдуны, шаманы, народные целители, неоязычники, кришнаиты, шиваиты, огнепоклонники, последователи различных школ магии, а также уфологи, муллы и просто люди, жаждущие исцеления от изматывающих недугов. Сегодня многие из туристов стремятся на Аркаим вовсе не для осмотра места раскопок и посещения музея. Ими движут иные желания, связанные с участием в ритуальной деятельности, общением с Высшими силами, получением консультаций у народных целителей, магов и экстрасенсов, обучением у астрологов, приобщением к древней "египетской мудрости", оздоровительными процедурами путём медитаций и получения живительной энергии из Космоса и пр." [30, с. 27].

Тем не менее, эта вариативность и даже оппозиционность смысловых интерпретаций Аркаима (столкновение научных и эзотерических воззрений, специализированных и профанных версий его происхождения) выступает, скорее, основанием коммуникативной гибкости места как культурной гетеротопии (от "heterotopia" М. Фуко) – территории, открытой для реализации разнообразных запросов именно вследствие "совмещения несовместимого в едином пространственном локусе" [25, с. 199].

Социологическая диагностика (сбор и анализ этнографических данных на территории музея-заповедника Аркаим) осуществлялась автором в составе коллаборативной исследовательской группы в ходе 5 экспедиций в 2023–2024 гг. Информация о туристах была получена в результате применения опросных методов (стандартизированные интервью с элементами нарративной беседы) и прямого наблюдения за посетителями. Были опрошены 443 респондента, репрезентирующие портрет типичного посетителя Аркаима.

Отсутствие точных данных о генеральной совокупности (в музее-заповеднике не ведется учёт посетителей, размещение туристов также не носит централизованного характера) корректировалось включённым наблюдением за наиболее посещаемыми локациями мемориального пространства, что позволило составить социально-демографический профиль, моделирующий состав туристического потока. Итогом полевой работы стала сформированная база данных, содержащая ответы туристов по ключевым исследовательским вопросам.

Результаты исследования

Прежде всего, очертим социально-демографические характеристики туристов, посетивших в фиксируемый исследовательский период музей-заповедник Аркаим. Гендерное распределение указывает на доминирование посетителей-женщин (71%); наиболее заметный возрастной диапазон опрошенных: 25–44 года (39,6%) и 45–59 лет (35%). Подобный демографический профиль в целом соответствует типичной целевой аудитории российских туристов [28, с. 9]. Как отмечает Я. С. Иващенко, представившая на основе комплекса методов (интервью, анализ тематических социальных сетей и сайтов в период с 2016 по 2022 гг.) обобщённый социально-демографический портрет российского неоязычника [11, с. 220] – группы, которую можно оценивать в некотором процентном совпадении с посетителями меморативных ландшафтов, устойчивый диапазон от 25 до 45 лет (медиана 30+) является наиболее характерным для данного аудиторного сегмента.

География туристического потока подтверждает универсальный характер восприятия Аркаима как значимого общекультурного памятника, не сводимого лишь к региональной достопримечательности. Подтверждением этой позиции выступает распределение ответов опрошенных на вопрос о месте их проживания. Так, 35% посетителей – живут в Челябинской области, а 65% – в иных регионах России (Свердловская область, Оренбургская область, Пермский край, Краснодарский край, Башкортостан, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округ, жители Москвы и Московской области). Преимущественно, речь идёт именно о жителях городов (76% опрошенных).

В этой связи интересен распределение ответов на вопрос о каналах информирования посетителей, которые построены почти исключительно на неформальной коммуникации: "рассказали друзья, знакомые" (70%). Не столь существенное участие традиционных способов информационного продвижения памятника (СМИ – 7%; социальные сети – 11%; туристические агентства, экскурсоводы – 9%; сайт музея-заповедника Аркаим – 2%) косвенно может свидетельствовать как о недостаточной эффективности применяемых стратегий продвижения, так и о воспроизводимой самими туристами потребности вовлечения людей в знакомство с данным местом.

По мнению М. В. Загидуллиной, подробно проанализировавшей специфику освоения меморативного ландшафта как коммуникативной практики, объяснением здесь может выступать как нацеленность на поддержание "легендарного фона" места, так и следствие "спирали молчания" – стигматизации темы "мистического Аркаима" в официальных источниках и СМИ [9, с. 95]. В случае Аркаима эта неформальная самозамкнутость контактов может проявляться и как намеренно используемая селективная стратегия поиска условных "посвящённых" или "своих". Так, например, в устных контактах с посетителями меморативного ландшафта с заметной регулярностью артикулировались подобные представления: "Аркаим не пускает плохих людей", "Аркаим всегда выбирает своего человека" и т. п.

При выявлении мотивационных стимулов, определяющих ключевую установку присутствия человека в данном меморативном пространстве, самыми популярными ответами стали (допускалась возможность выбора нескольких вариантов): "почувствовать энергию места, его духовную силу" (58%), "Аркаим привлекает своей природой, степным ландшафтом" (39,7%), "это возможность окунуться в мир прошлого, ощутить связь с предками" (35,7%), "это возможность оказаться на месте археологических раскопок, посетить музейный комплекс" (34,5%). Устойчивость полученных результатов подтверждалась дублирующим вопросом о субъективной ценности меморативного ландшафта для человека (драматургия интервью допускала возможность конкретизации отдельных положений через смысловые рефрены). При ответе

на данный вопрос лидирующими оказывались аналогичные позиции: "напитаться целительной энергией, духом и силой места" (53,7%), "прикоснуться к истории человечества, понять свое прошлое" (52,4%), "здать себе вопросы о смысле жизни, понять себя" (36%), "побывать на природе, увидеть степь" (31,4%).

На основе полученных результатов, с достаточной долей условности (неизбежной при сведении субъективных личностных смыслов к усредненным и обобщенным значениям) можно говорить о стратегиях духовно-экзистенциального и эко-гуманистического поиска, образно фиксируемых в типах "нового паломника" и "уставшего урбаниста". Примечательно, что указанные типы, несмотря на содержательное разделение (религиозная практика и пресыщенность урбанистическим давлением), демонстрируют слияния по ряду мотивационных стимулов и стратегиям освоения ландшафта.

Паломничество как своего рода путь к сакральному, выход в пространство подлинного проживания и духовного опыта, как отмечают исследователи, рассматривающие самостоятельный вид паломничества к "местам силы", выражается сегодня в существенном расширении объектов поклонения, многообразии мотивации (где религиозный мотив не обязательно фигурирует в качестве ведущего), общей "доктринальной эклектике" религиозно-мировоззренческих позиций [6, с. 56–57].

Эта эклектичность духовно-религиозных исканий предстает как сплав представлений (то, что К. М. Королев обозначает "эмпбиент-религиозностью" [15, с. 131]) о подлинности бытия и собственном месте в нём. Современные исследователи постнеоязычества отмечают существенные трансформации направлений и воззрений представителей данных групп, пониженную ценность религиозного в его сущностном прочтении, акцентирование функционального значения веры [17, с. 244].

Специфика материальной объективации идентичности "нового паломника" воплощается в различных действенных формах: использовании камней для создания сооружений, имитирующих мегалитические конструкции в миниатюре, ритуалах завязывания лент ("Дерево желаний") и организации импровизированных "жертвенных алтарей" (оставленные предметы, монеты, зёрна), конструировании кругов-лабиринтов из камней на вершинах гор (и последующее групповое или индивидуальное хождение по спирали), участии в коллективных духовных практиках (хороводах, плясках под шаманский бубен или варган) и другое.

При переходе к нарративным сценариям интервью (финальная часть стандартизированного опросника, дающая респонденту возможность высказаться в свободном формате, рассказать о личных историях) была заметна потребность информантов в мифологизации персонального опыта присутствия на Аркаиме. Примерами этого становились рассказы об излечении от болезней и бесплодия, решении давно мучавшего вопроса, переходах в новое состояние жизни (от повышения профессиональных компетенций до своеобразных мировоззренческих инициаций), происшествиях, случившихся в данном пространстве, наделении объектов и предметов вторичными функциями ("приносит счастье", "защищает от сглаза"), приобретении особых личностных качеств в результате духовных практик ("научился", "открыл в себе", "впервые увидел и почувствовал" и другие). В целом для типа "нового паломника" характерны гибкость ритуального самовыражения (свободно комбинируемые или произвольно создаваемые ритуалы и практики), демонстрируемая толерантность в отношении различных групп посетителей, внешне олицетворяющих принадлежность к неканоническим религиозным верованиям и течениям (используемая атрибутика, одежда, украшения). Я. С. Иващенко подчеркивает приоритет ценности свободы от рамок социального в мотивации современных неоязычников: "Понятие "живое" в этой теме используется в значении "непосредственного" и в аспекте структуры и содержания ритуальной практики: это не опосредованная объектами и субъектами коммуникация со сверхъестественным миром, а личное обращение к нему с помощью слова и действия..." [11, с. 223–224].

Вопросы подлинного и неподлинного бытия решаются не только в плоскости экзистенциальных поисков, но проецируются через сопоставление урбанистической (неподлинной) и природной (естественной, подлинной) среды

существования современного человека. Усталость от урбанистического как доминирующий мотивационный стимул туриста меморативного ландшафта видится в артикулированной значимости и мифологизации окружающих природных объектов, потребности согласовывать собственные действия с естественными ритмами природы (встреча рассвета) как воплощённой практики возвращения к живому человеческому началу на фоне галопирующих темпов развития техногенной цивилизации. Так, при ответах на вопросы о предпочтительных видах активности, чаще всего фигурировали позиции: "совершить восхождение на горы, находящиеся на территории Аркаима" (70,9%), "возможность встретить восход солнца в степи" (48,5%). Разумеется, само нахождение в меморативном пространстве как месте памяти проявлялось в популярности ответа "посещение музейных комплексов" (49,9%). Однако, при этом практически невостребованной с точки зрения субъективной ценности, символического или материального освоения являются, например, художественные элементы (скульптурные группы, арт-объекты и инсталляции), возводимые на территории музея-заповедника (6,3%). Вполне возможно, что и вокруг них со временем возникнет то, что Э. Хобсбаум определял как "изобретённая традиция" [27], однако в настоящее время они, скорее, символизируют чуждый элемент городского стиля в природном ландшафте.

Запрос на гармонию с природным началом как стратегия контрурбанизации или "новой сельскости", по мысли К. М. Королева, воплощён в нарративе, сочетающем: "...идеи здорового образа жизни ("деревенское" равно "натуральное" равно "полезное"), национального самосознания ("корни") и близости к природе" [15, с. 125]. Здесь можно говорить о неоднократно фиксируемой исследователями отчуждённости и ограниченности "морального участия" как негативных последствий урбанистической культуры [1, с. 14], атомизации и "бытовом изоляционизме", затрудняющих эффективные горизонтальные коммуникации между горожанами, стремящимися к социальности (желание находиться в окружении других людей, не детерминированное объективной функциональной необходимостью) и субъектности (желание влиять на внешние обстоятельства, ощущать причастность событийному) [20, с. 97]. В стремлении "уставшего урбаниста" оказаться внутри меморативного ландшафта могут сходиться, казалось бы, противоположные ощущения исчерпанности символического ресурса "городского воображаемого" [24] и перенасыщенность городского текста устойчиво воспроизводимыми маркерами креативного, динамичного, инновационного, событийного, обобщённо фиксируемого исследователями в концепте "интересное": "К ключевым проблемам современных городов, чрезмерно насыщающихся интересным, можно отнести всё отчётливее проявляющуюся культурологическую и эстетическую невосприимчивость к интересному, которое подменяется компонентами массовой культуры. Под ее натиском у горожан отмирает способность восприятия и различения эстетически подлинного и значимого от искусственно надуманного, упрощенного и/или китчевого ряда для достижения "эффекта ради эффекта", приносящего огромные финансовые доходы" [3, с. 697]. Речь в данном случае не идёт лишь о мистических озарениях или иных проявлениях, лежащих в плоскости иррационального, но вполне может трактоваться как запрос на духовное или психологическое обновление в логике компенсаторного механизма возрождения антропологических начал в техногенном давлении цивилизации.

Заключение

Осуществленный анализ позволяет говорить о ценности меморативного ландшафта в реализации туристического запроса: несмотря на то, что памятник расположен в труднодоступном для посещения месте (добраться можно лишь на специальном транспорте, нет налаженной системы перевозок), отмечается стабильный интерес аудитории к его посещению (при широкой географии туристического потока). Посетители, отмечающие как разовый, так и многократный характер посещения Аркаима, демонстрируют целый спектр мотивов нахождения в пространстве меморативного ландшафта: преодоление рутинной повседневности урбанистического пейзажа, поиск мировоззренческой опоры в ситуациях неопределённости, компенсация и эмоциональный "выход" в давящей техногенной реальности, возможность обретения чувства духовной свободы, не вполне удовлетворяемого со стороны традиционных ин-

ституций. Эта "необычность присутствия" (то, что М. Элиаде определял как "иерофанья" – "вторжение священного", обнаруживающего себя через особые знаки [31, с. 25]), позволяющая преодолевать схематизм привычной жизни, подкрепляется пространственной удалённостью и труднодоступностью меморативного ландшафта (отсутствие налаженных транспортных маршрутов), его мифологическим ореолом и, одновременно, легитимной исторической ценностью (государственный музей-заповедник, природоохранная зона), возможностями уединения на фоне природы (обеспечиваемое протяжённостью ландшафта) при потенциальной доступности участия в коллективных ритуалах (практикуемые групповые медитации на вершинах гор) и событийных праздничных мероприятиях (как инициированных музеем-заповедником; так и стихийно объединяющих последователей, например – праздник Солнцестояния, собирающий несколько тысяч участников одновременно).

Таким образом, обозначенная в заглавии статьи двойственность ролевого самоопределения туриста меморативного ландшафта – "новый паломник" или "уставший урбанист" – не обязательно воплощается в однозначности выбора той или иной позиции, но репрезентирует "диффузную идентичность" [19, с. 177], переплетающую ценностные стандарты и идентификационные сценарии в ситуативности момента, отражающего непредсказуемый и изменчивый характер современной культуры.

Литература / Reference

1. Акалелова Т. А. Антропологические характеристики урбанистической культуры. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6–1 (44). С. 13–15.
Akalelova T. A. Anthropological Characteristics of Urban Culture. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 6–1 (44). P. 13–15. (In Russ.)
2. Артамонова Т. А. К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев). *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2018. № 1 (2). 77–80.
<https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>.
Artamonova T. A. On the Issue of Pilgrimage Tourism (A Case Study of Altai and the Himalayas). *Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations*. 2018. No. 1 (2). P. 77–80. (In Russ.)
<https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>.
3. Астафьева О. Н., Кузьмина Н. В. "Интересное" в эстетическом ландшафте города. *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15. № 6. С. 693–707.
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707>
Astafyeva O. N., Kuzmina N. V. The "Interesting" in the Aesthetic Landscape of the City. *Observatory of Culture*. 2018. Vol. 15, No. 6. P. 693–707. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707>.
4. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. С. А. Комарова. Санкт-Петербург: Питер. 2008. 238 с.
Bauman Z. *Liquid Modernity*. Translated from English by S. A. Komarov. Saint Petersburg: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.)
5. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения. *Социология власти*. 2022. Т. 34, № 1. С. 69–94.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>.
Vandyshv M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. Commemorative Landscape: Concept and Application Experience. *Sociology of Power*. 2022. Vol. 34, No. 1. P. 69–94. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>.
6. Ваторопин А. С., Костина Н. Б., Подергина Е. Е. Трансформация феномена паломничества в современном обществе. *Дискуссия*. 2017. № 7(81). С. 54–62.
Vatoropin A. S., Kostina N. B., Podergina E. E. Transformation of the Phenomenon of Pilgrimage in Contemporary Society. *Discussion*. 2017. No. 7 (81). P. 54–62. (In Russ.)
7. Волконский Э. Э., Морозов М. А. Классификация туристских направлений с точки зрения креативности. *Modern Economy Success*. 2024. № 6. С. 102–108.
Volkonsky E. E., Morozov M. A. Classification of Tourist Destinations from the Perspective of Creativity. *Modern Economy Success*. 2024. No. 6. P. 102–108. (In Russ.)
8. Загидуллина М. В. Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации. *Горизонты цивилизации*. 2017. № 8. С. 38–67.
Zagidullina M. V. How to Measure the Popularity of Arkaim? Voices of Embedded Metrics in the Context of the Theory of Panmediatization. *Horizons of Civilization*. 2017. No. 8. P. 38–67. (In Russ.)

9. Загидуллина М. В. Освоение меморативного ландшафта как коммуникативная практика (на примере историко-археологического музея "Аркаим"). *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2024. № 1(51). С. 88–96.
Zagidullina M. V. Development of the Commemorative Landscape as a Communicative Practice (A Case Study of the Historical and Archaeological Museum "Arkaim"). *Sign: Problem Field of Media Education*. 2024. No. 1 (51). P. 88–96. (In Russ.)
10. Загидуллина М. В. "Оспариваемые территории": о падении национальной прецедентной базы. *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 4. С. 48–56.
Zagidullina M. V. "Contested Territories": On the Decline of the National Precedent Base. *Philological Class*. 2024. Vol. 29. No. 4. P. 48–56. (In Russ.)
11. Иващенко Я. С. Социально-культурный портрет российского неоязычника: дискурсивно-семантический анализ. *Личность. Культура. Общество*. 2022. Т. 24. № 3–4. С. 217–228
https://doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_217_228
Ivashchenko Ya. S. Socio-Cultural Portrait of the Russian Neopagan: A Discursive-Semantic Analysis. *Personality. Culture. Society*. 2022. Vol. 24. No. 3–4. P. 217–228. (In Russ.)
https://doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_217_228
12. Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы. *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2014. № 5. С. 10–19.
Kagansky V. L. Areal Paradigm of Spatial Identity: Foundations, Limits, and Transcendence. *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2014. No. 5. P. 10–19. (In Russ.)
13. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии. *Обсерватория культуры: журнал-обозрение*. 2009. № 1. С. 62–70.
Kagansky V. L. Cultural Landscape: Main Concepts in Russian Geography. *Observatory of Culture: Review Journal*. 2009. No. 1. P. 62–70. (In Russ.)
14. Каганский В. Л., Лютикова Г. В. Глубинный туризм: понятие и явление. *География и туризм*. 2023. № 1 (11). С. 12–15.
Kagansky V. L., Lyutikova G. V. Deep Tourism: Concept and Phenomenon. *Geography and Tourism*. 2023. No. 1 (11). P. 12–15. (In Russ.)
15. Королев К. М. Репрезентации народного и религиозного в современной массовой культуре (на примере музыкального проекта "Нейромонах Феофан"). *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2024. № 4. С. 112–136.
<https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-4-112-136>
Korolev K. M. Representations of the Folk and the Religious in Contemporary Mass Culture (A Case Study of the Musical Project "Neuromonakh Feofan"). *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*. 2024. No. 4. P. 112–136. (In Russ.)
<https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-4-112-136>
16. Крылов А. Н. Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е издание, дополненное и переработанное. М.: ИКАР. 2014. 356 с.
Krylov A. N. Religious Identity: Individual and Collective Self-Consciousness in the Post-Industrial Space. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: IKAR, 2014. 356 p. (In Russ.)
17. Кутявин Н. А. Постнеоязычество: о двух направлениях мировоззренческой эволюции бывших неоязычников. *Вестник антропологии*. 2023. № 1. С. 234–245.
Kutyavin N. A. Post-Neopaganism: On Two Directions of the Worldview Evolution of Former Neopagans. *Bulletin of Anthropology*. 2023. No. 1. P. 234–245. (In Russ.)
18. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999. С. 17–50.
Nora P. The Problematic of Sites of Memory // *France-Memory*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
19. Силантьева М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности. *Вестник МГИМО*. 2012. № 2 (23). С. 173–179.
Silantieva M. V. Diffuse Identity as a Contemporary Version of Civic Identity. *MGIMO Review of International Relations*. 2012. No. 2 (23). P. 173–179. (In Russ.)
20. Синецкий С. Б. Перспективные векторы трансформации культуры мегаполисов: актуальные ориентиры культурной политики для крупных городов. *Вестник культуры и искусств*. 2024. № 3 (79). С. 95–103.
Sinetsky S. B. Prospective Vectors of Cultural Transformation in Megacities: Current Guidelines for Cultural Policy in Large Cities. *Bulletin of Culture and Arts*. 2024. No. 3 (79). P. 95–103. (In Russ.)
21. Созина Е. К. Феномен Аркаима в мифологическом поле современной культуры. *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2015. № 1. С. 80–90.
Sozina E. K. The Phenomenon of Arkaim in the Mythological Field of Contemporary Culture. *Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research*. 2015. No. 1. P. 80–90. (In Russ.)
22. Соковиков С. С., Каминская Е. А. Спонтанная иеротопия в современном мифотворчестве: случай Аркаима. *Обсерватория культуры*. 2023. Т. 20. № 6. С. 658–668.
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668>

- Sokovikov S. S., Kaminskaya E. A. Spontaneous Hierotopy in Contemporary Myth-Making: The Case of Arkaim. *Observatory of Culture*. 2023. Vol. 20. No. 6. P. 658–668. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668>
23. Сушинская М. Д. Развитие модели туризма впечатлений в культурном туризме. *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 2012. № 2 (74). С. 99–103.
 Sushchinskaya M. D. Development of the Experience Tourism Model in Cultural Tourism. *Proceedings of Saint Petersburg University of Economics and Finance*. 2012. No. 2 (74). P. 99–103. (In Russ.)
 24. Федотова Н. Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-121-139>
 Fedotova N. G. Urban Imaginary: Visual Markers of the Urban Imaginary. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2020. No. 1 (23). P. 121–139. (In Russ.)
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-121-139>
 25. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис. 2002. 384 с.
 Foucault M. Of Other Spaces // *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Translated from French by S. Ch. Ofertas; edited by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002. 384 p. (In Russ.)
 26. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. 2007. 348 с.
 Halbwachs M. On Collective Memory. Translated from French with an introductory article by S. N. Zenkin. Moscow: Nvoe Izdatelstvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
 27. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.
 Hobsbawm E. The Invention of Tradition. *Acta Eurasica (Vestnik Evrazii)*. 2000. No. 1. P. 47–62. (In Russ.)
 28. Шукулова Е. А. Туристический маркетинг территорий: вызовы нового времени и приоритеты развития. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2023. № 2 (74). С. 8–12.
 Shkulova E. A. Territorial Tourism Marketing: Challenges of the New Era and Development Priorities. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*. 2023. No. 2 (74). P. 8–12. (In Russ.)
 29. Шнирельман В. А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим. *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 19–40.
 Shnirelman V. A. Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future. *Ethnographic Review*. 2014. No. 5. P. 19–40. (In Russ.)
 30. Шнирельман В. А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии. *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 3–9.
 Shnirelman V. A. Places of Power: Constructing Sacred Space. Introduction to the Discussion. *Ethnographic Review*. 2014. No. 5. P. 3–9. (In Russ.)
 31. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н. К. Горбовского. М.: Изд-во МГУ. 1994. 144 с.
 Eliade M. *The Sacred and the Profane*. Translated from French by N. K. Gorbovsky. Moscow: Moscow State University Press, 1994. 144 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Людмила Борисовна Зубанова, д-р культурологии, профессор кафедры теории медиа Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: milazubanova@gmail.com

Information about the author

Ludmila B. Zubanova, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Media Theory, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: milazubanova@gmail.com

Поступила в редакцию 14.11.2024

Одобрена после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 14.11.2024

Approved 07.02.2026

Accepted 26.02.2026

Идеальный город и его социальные смыслы: Ф. Л. Райт – П. Солери – С. В. Непомнящий

Екатерина Александровна Григорьева
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, yreewda@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений об идеальном городе, предложенных Фрэнком Ллойдом Райтом, Паоло Солери и Сергеем Валентиновичем Непомнящим – представителями одной интеллектуальной традиции, берущей начало в концепции "органической архитектуры" и ориентированной главным образом на гармонизацию отношений между городом, человеком и природой. Целью работы является выявление и систематизация ключевых социальных идей каждого автора, а также демонстрация их актуальности в условиях современных глобальных вызовов, таких как экологические кризисы и социальное неравенство. Используя сравнительный анализ социальных аспектов этих представлений, исследование восполняет пробел в отечественных публикациях, раскрывающих специфику взглядов данных авторов. Исследование показывает, что, несмотря на общую ориентацию на преодоление дистанции между природой и городом, подходы к градостроительным решениям существенно различаются: от децентрализованной модели "Акрогорода" Ф. Л. Райта до высокоплотных структур "Аркосанти" П. Солери и "Гелиокластера" С. В. Непомнящего. Проведенный сравнительный анализ демонстрирует эволюцию заложенных в этих концепциях социальных идеалов и ценностей от утопизма к прагматизму. Научная новизна заключается в комплексном сравнительном анализе и контекстуализации отечественной концепции С. В. Непомнящего в широком русле данной архитектурной традиции. Практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости ренессанса отдельных положений классиков органической архитектуры для разработки устойчивых городских моделей, способных эффективно отвечать нуждам современного общества и служить ориентиром для улучшения современной городской практики в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: *идеальный город, представления об идеальном городе, органическая архитектура, аркология, гелиотектура, Акрогород, Аркосанти*

Для цитирования: Григорьева Е. А. Идеальный город и его социальные смыслы: Ф. Л. Райт – П. Солери – С. В. Непомнящий. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 132–140.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/132-140>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/132-140>

The Ideal Eco-City and Its Social Meanings: F. L. Wright – P. Soleri – S. V. Nepomnyashchiy

Ekaterina A. Grigoryeva
Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, yreewda@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of the concepts of the ideal city as proposed by Frank Lloyd Wright, Paolo Soleri, and Sergey Valentinovich Nepomnyashchy. These thinkers are representative of an intellectual tradition rooted in the notion of "organic architecture," which aims to harmonize the relationship between urban environments, humanity, and nature. The objective of this study is to identify and systematize the key social ideas of each author and to illustrate their relevance in light of contemporary global challenges, such as environmental crises and social inequality. Through a comparative analysis of the social dimensions of these concepts, this research addresses a gap in domestic literature concerning the specific viewpoints of these architects. The findings indicate that, while all three authors focus on minimizing the divide between nature and urban areas, their urban planning approaches differ considerably. For instance, Frank Lloyd Wright's "Acrotown" embodies a decentralized model, whereas Paolo Soleri's "Arkosanti" and Sergey Nepomnyashchy's "Heliocluster" advocate for high-density structures. The comparative analysis further reveals an evolution in the social ideals and values embedded within these architectural theories, transitioning from utopian visions to pragmatic solutions. The originality of this work lies in its thorough comparative analysis and contextualization of S. V. Nepomnyashchy's contributions within the broader framework of organic architecture. The practical implications of this research highlight the necessity of reviving certain principles established by the founders of organic architecture to devise sustainable urban models that effectively address the pressing needs of contemporary society. This work aims to provide guidance for enhancing current urban practices amid ongoing global challenges.

Key words: *Ideal city, organic architecture, arcology, Broadacre City, Arcosanti, heliotecture*

For citation: Grigoryeva E. A. The Ideal Eco-City and Its Social Meanings: F. L. Wright–P. Soleri–S. V. Nepomnyashchiy. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 132–140.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/132-140>

Введение

В то время как в англоязычной литературе продолжают обсуждаться представления об идеальном городе, сформулированные Ф. Л. Райтом [15; 18; 19] и его учеником П. Солери [10; 11; 13], в отечественных исследованиях идеям данных авторов уделяется значительно меньше внимания. Отдельных публикаций, раскрывающих специфику взглядов данных авторов, практически нет. Вместе с тем одна из современных отечественных концепций идеально-

го города, предложенная С. В. Непомнящим, вдохновлена идеями П. Солери и в общем смысле продолжает логику направления "органическая архитектура". Наибольший вклад в развитие данного направления внёс Ф. Л. Райт (1867–1959 гг.), выдающийся американский архитектор, который видел ключевую идею нового архитектурного направления в строительстве сооружений, органично дополняющих природный ландшафт. "Если усилия архитектора в этом направлении оказываются успешными, вы не сумеете представить себе этот дом где-либо в другом месте. <...> Он становится неотделимой частью своего окружения" [8, с. 33]. По этому принципу Ф. Л. Райт спроектировал революционные для того времени "дома прерий", благодаря которым получил широкую известность. Наиболее эталонным для органической архитектуры признан так называемый "Дом над водопадом" (Fallingwater), построенный, как следует из названия, над небольшим водопадом и получивший статус Национального исторического памятника США.

Среди последователей данной архитектурной традиции следует особо отметить итальянского архитектора Б. Дзеви, немецких архитекторов Г. Шаруна и Ф. Отто, венгерского архитектора И. Маковеца и др. Благодаря их усилиям была расширена критика "неорганической архитектуры" (в первую очередь конструктивизма), которая представлялась авторами как продукт рационального мышления, презирающего природу. Основанная на классической геометрии, неорганическая природа статична и стремится к системам и правилам. В этом отношении Б. Дзеви полагал, что подлинная архитектура должна отвергать статичность, чрезмерную правильность и геометризм и, вместо этого, стремиться стать продуктом интуитивных ощущений, исходить из природных особенностей, быть динамичной и применять нестандартные формы [21].

Помимо множества архитектурных шедевров, созданных в рамках данного направления, большое значение имеют предложенные авторами проекты идеальных городов, которые будут рассмотрены далее: "Акрогород" Ф. Л. Райта, "Архозанти" П. Солери, "Гелиокластер" С. В. Непомнящего.

"Акрогород" Ф. Л. Райта

В отечественной литературе широко освещены архитектурные проекты Ф. Л. Райта, однако заметно меньше внимания уделяется его градостроительной концепции "Акрогород", получившей отражение в работе "Исчезающий город" (1932 г.). В этой и последующих работах архитектор предложил расширить принцип строительства в гармонии с природой – выйти за рамки отдельных проектов и спроектировать целый город в соответствии с логикой органической архитектуры. Но идея "Акрогорода" Ф. Л. Райта не ограничивается предложениями по трансформации городской среды – за городским переустройством должна была последовать трансформация всего американского общества.

Архитектор создал свою концепцию нового городского уклада на фоне "апофеоза землевладения", которое он именовал "тиранией небоскреба" [8, с. 127]. Современные ему американские города переуплотнены благодаря процессам централизации, а "сам город стал формой исторической аренды: жизнь горожанина отдана внаем, и его вместе с семьей выселяют, как только он оказывается на мели" [9, с. 14]. Он обратил внимание на здоровье горожанина, которому "едва удается сохранить – искусственными методами! – собственные зубы, волосы, мускулы и телесные соки; его зрение угасает от работы при искусственном освещении" [8, с. 13]. Но пока горожанин продолжал мучиться в тесном городском пространстве, большой город с его "перегруженной вертикальностью" оказался несовременным, он устарел. Глядя на технические новшества своего времени, Ф. Л. Райт утверждал, что очень скоро полная пространственная свобода станет научным фактом. Он выстраивал идею "Акрогорода" на фоне своей убежденности в том, что при помощи изобретений в области электричества, механики и химии передача голоса и зрения на расстояние, а также перемещение во всех известных человеку формах станут все более беспрепятственными. Учитывая эту простоту и свободу передвижений в ближайшем будущем, Ф. Л. Райт видел спасение от недугов большого города в возвращении к жизни на природе. "Акрогород" предполагает выделение на каждую семью земельного участка площадью минимум один акр, откуда

и образовано название этой градостроительной концепции. "Я верю, писал Ф. Л. Райт, – машина будет способствовать тому, что всё человеческое в городе покинет его; будет способствовать тому, что человеческая жизнь будет прочно и благополучно основана на земле" [8, с. 142]. В свою очередь агентом государства по вопросам выделения земли или благоустройства должен выступить архитектор [20, р. 346].

Автор предложил следующие градостроительные решения. Во-первых, в соответствии с принципами органической архитектуры, все новые сооружения должны быть возведены не только в гармонии с конкретным земельным участком, но и в согласии с индивидуальным образом жизни конкретного человека. "Не будет нужды в двух одинаковых домах, двух одинаковых садах, двух одинаковых фабриках; ни одна из ферм площадью от трёх до десяти акров не будет похожа на другую. Никому не понадобятся особые "стили", но стиль при этом будет ощущаться повсюду. Лёгкие, прочные дома и пространства для работы будут строиться надёжно и с уважением к природному окружению – от земли к солнцу" [9, с. 92]. Архитектуру "Акрогорода", таким образом, должны определять природные особенности и характер территории, на которой этот город будет построен. Во-вторых, дороги должны соединять и разграничивать различные "модули" – фермы, фабрики, придорожные рынки, утопающие в зелени школы, жильё (каждый дом на своём, по-своему возделанном и обустроенном акре земли), места развлечений и отдыха. Каждый горожанин имеет свободный доступ ко всем "модулям", которые должны находиться на расстоянии не более 150 миль от жилых домов (расстояние легко преодолевается на личном автомобиле или аэроплане). В-третьих, фабрики должны располагаться на расстоянии пешей прогулки или короткой поездки от жилой зоны фабричных рабочих, и, благодаря новейшим технологиям, их можно будет описать как "прекрасные, бездымные и бесшумные". Ф. Л. Райт во многом хотел объединить преимущества города и деревни, ровно как и Э. Говард: "Фермер больше не будет завидовать техническим достижениям, которыми пользуется горожанин, а тот, в свою очередь, не будет завидовать его "вольным хлебам" [9, с. 92]. В-четвёртых, Ф. Л. Райт не отказался полностью от идеи многоквартирных домов, однако, ограничил их высоту 18 этажами и предложил организовать на каждом уровне украшенную цветущими и вьющимися растениями террасу: "Дом станет садом, а сад – домом" [9, с. 93]. Таким образом, объединив принципы органической архитектуры и веру в скорейшее усовершенствование транспортных средств, Ф. Л. Райт сформулировал своё видение нового города, который должен был охватить в конечном счёте всю страну.

Говоря о социальном значении концепции "Акрогород", необходимо отметить три её важнейших положения:

1. *Децентрализация.* "Акрогород" противостоит централизации и большим городам и в данном смысле концепция достаточно радикальна. Ф. Л. Райт выносит все функции центра в станции обслуживания вдоль шоссе, которые должны были стать местом встреч, снабжения населения товарами, рестораном и т. д. "В конце концов, ведь он сам [горожанин] и есть город, не так ли? Тогда город будет двигаться вместе с ним туда, куда он направится. А направится он туда, где сможет наслаждаться всеми плодами, которые городская централизация когда-либо дарила ему, добавив к ним безопасность, свободу и красоту земли, которая будет принадлежать ему самому" [9, с. 65]. Самым главным элементом в городе, настоящим и единственным центром городской жизни должен стать индивидуальный дом. Таким образом, строго говоря, "Акрогород" не вполне может называться городом. Скорее, это попытка представить городскую цивилизацию без города.

2. *Индивидуальность, свобода личности и демократия.* Ф. Л. Райт считал централизацию эталоном монархического режима. При централизации каждый элемент был обязан вращаться вокруг общего центра. В большом городе индивидуальность каждого человека подавлялась большинством. В то время как "Акрогород" призван стать настоящим воплощением демократии: "Множество элементов, каждый из которых сам по себе свободен, достигают высот индивидуального развития и взаимодействуют на свободных основаниях" [9, с. 68]. Ф. Л. Райт утверждал, что его проект станет новой демократической идеей человеческой свободы, которая прежде всего заботится о жизни, о

земле, о самом человечестве. Город будет выстроен на понимании достоинства и ценности личности. Автор культивировал образ антиколлективистской демократии, призывал к индивидуализму. Многие современники называли архитектуру Ф. Л. Райта архитектурой американской демократии [20, p. 344].

3. *Социальное равенство*. Сама идея выделения минимум одного акра земли для каждой американской семьи представляет собой путь к социальному равенству, о котором, однако, автор не упоминает на страницах своих книг. Тем не менее, реализация этого принципа предполагает избавление от бедности и нищеты, а также достижение равенства в возможности владения землей.

"Акророгород", таким образом, – попытка освободить американское общество от устаревших городских форм, которые сдерживают и стесняют человеческую свободу и индивидуальность. Это попытка продемонстрировать, что достижения техники и новое понимание архитектуры открывают возможности для свободной и независимой жизни вдали от шумного и перенаселенного центра. Казалось бы, больше нет причин оставаться в тесном городе. В первую очередь в "Акророгород" переедут люди, занимающиеся индивидуальным саморазвитием, а затем будет последовать массовое переселение из городов. Города в их прежнем виде непременно опустеют и исчезнут. Такова была идея автора.

"Аркозанти" П. Солери

Самобытное и, в то же время, продолжающее идеи своего учителя видение идеального города, предложил итальянский архитектор П. Солери (1919–2013 гг.). Будучи учеником Ф. Л. Райта, он предложил новое направление архитектурной мысли – "аркологию", – которое является синтезом архитектуры и экологии как дисциплины, совмещающей архитектуру биоклиматических зданий и окружающую среду [16]. Воплощением его идей стал проект идеального города Аркозанти (название образовано от термина "аркология" и названия образовательного фонда "Козанти", который основал П. Солери), который главным образом был призван продемонстрировать, как можно улучшить городские условия, минимизируя при этом разрушительное воздействие на планету Земля. Проект города был разработан архитектором в 1969 г., а уже через год началось строительство Аркозанти в высокогорной пустыне штата Аризона в США. Автор называл эту попытку воплощения идеального города на практике "городской лабораторией" и обозначил 63 идеи и темы, которые раскрываются в городском пространстве Аркозанти [17].

Автор полагал, что город (по крайней мере его идеальный город Аркозанти) должен быть не только местом производства и рынка сбыта, но также являться храмом, дворцом, а горожанин – священным носителем благополучия и будущей благодати. "Построить Аркозанти – значит построить церковь и дворец одновременно, и здесь я снова надеюсь, что физическая структура Аркозанти – это не только инструмент, но и музыка" [17, p. 67]. П. Солери вложил в свой проект множество социальных смыслов и описывал свой проект с большой любовью и надеждой на его реализацию. Однако строительство города уже давно приостановлено – на сегодняшний момент построено всего 13 крупных зданий, а население города никогда не превышало ста человек [14].

Проводя аналогию с биологическими организмами, П. Солери замечает, что город необходимо должен быть компактным и ограниченным в своих размерах: "В живой природе понятие неограниченного распространения, по-видимому, присуще организмам, находящимся на более низких уровнях эволюции. <...> Сложные виды (пчелы, осы, термиты, муравьи) выбрали "оптимальные" размеры, социальная среда, по-видимому, требует сдержанности и масштаба (оптимальной работы среды обитания)" [17, p. 12].

Автор намеренно выбирает для строительства своего идеального города территорию с непростыми климатическими особенностями и природными условиями, такими как неплодородная земля, высокогорное расположение, удаленность от других крупных городов и водоемов, жаркий и засушливый климат. Словом, П. Солери называл эту землю маргинальной и стремился продемонстрировать, что его идея не только жизнеспособна в таких тяжелых условиях, но и заслуживает реализации, поскольку такие сложные природные условия зачастую соседствуют с неповторимыми природными красотами, в которых жители могли бы черпать вдохновение [17, p. 15]. Плодородные же

земли и благоприятные климатические условия, по мнению автора, необходимо отвести для сельскохозяйственной деятельности, в то время как человек вполне может осваивать для жизни маргинальные территории. В таких условиях П. Солери предлагает эффективно использовать ресурсы и развивать бережливость. Автор предлагал перерабатывать "всё, что угодно – от мусора до воды" [17, р. 22] и планировал использовать одну и ту же воду в Аркозанти в три последовательных этапа: сначала в быту, затем на производстве и в сельском хозяйстве.

П. Солери, как и другие представители этапа, критически оценил автомобилизацию городов и в своем идеальном городе полностью отказывался от автомобиля. Основные критические положения П. Солери в этом отношении заключались не в традиционной проблеме сложного городского трафика и отсутствии безопасности пешехода на дорогах, а в огромном количестве времени, затрачиваемом на дорогу на протяжении человеческой жизни. Проект Аркозанти был призван восстановить роль пешехода в качестве неоспоримого и единственного действующего лица на дороге, а сам город в этой связи должен был быть компактным, позволяющим оперативно добираться до всех необходимых городских объектов [17, р. 30].

Множество социальных идей, которые автор заложил в свой проект, можно свести к следующим:

1. Борьба с голодом и социальной несправедливостью. Полагая, что пригороды – один из аспектов жадности и социального безразличия, лежащих в основе голода, более эффективное использование малопродуктивных земель для выращивания основных продуктов питания могло бы помочь в борьбе с голодом, создать больше рабочих мест и, в конечном счете, способствовать развитию продовольственной справедливости [17, р. 19].

2. Скученность. Проект предлагает среду обитания, в которой высокая плотность населения или, как её называет автор, скученность, рассматривается не как неизбежное зло, а как незаменимый актив. Земля, купленная для застройки Аркозанти, позволяла строить размеренно, однако автор намеренно выбрал скученную плотную застройку, чтобы способствовать взаимосвязанности людей. Во многом по той же причине в Аркозанти не предполагается использование автомобильного транспорта [17, р. 27].

3. Кварталы смешанного использования, разнообразие в городе. Вслед за Дж. Джекобс автор постулировал опасность заброшенных мест для городской среды. Они являются как экономическим бременем, так и потенциальными (или фактическими) местами беззакония, вандализма и социальных отклонений, в связи с чем необходимо вносить разнообразие в городское полотно [17, р. 31].

4. Укрепление семьи в третьем-четвёртом поколении. Организовав городское пространство Аркозанти компактно, П. Солери выражал надежду на восстановление семейных связей в третьем-четвёртом поколении, которые ослабли во многом в связи с увеличением расстояний между внуками и их бабушками и дедушками в разросшихся больших городах. Автор надеялся, что в Аркозанти плотная и компактная городская планировка позволит восстановить семейные встречи на основе коротких прогулок бабушек и дедушек и их внуков вместо долгой и изнуряющей поездки к ним через весь большой город. В этом смысле Аркозанти был призван положить конец возрастной сегрегации [17, р. 36].

5. Пространственная и продуктовая справедливость. Идея пространственной справедливости, в развитие которой особый вклад внесли такие урбанисты, как Д. Харви, Э. Сойя, П. Маркузе [2], находит своё отражение и в городе Аркозанти. По задумке автора все жители города должны иметь равный доступ как к социально значимым объектам, так и к городским ресурсам, в особенности продуктам.

6. Борьба с плохими человеческими качествами, пороками. Не будучи уверенным в том, что такой социальный смысл удастся претворить в жизнь, П. Солери, тем не менее, надеялся, что проект будет противостоять злобе, мелочности, мстительности, лицемерию, нетерпимости, жадности [17, р. 54].

7. Бережливость, экологическая ответственность граждан. Архитектор составил иерархию ключевых ресурсов и призывал к их эффективному использованию: социокультурная связь, разум, тело, животное-растительный

мир, пространство-время, земля, вода, полезные ископаемые, топливо, промышленные товары [17, p. 14].

8. Здоровые горожане. Структура Аркозанти была спроектирована таким образом, чтобы врач и пациент были в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Что ещё более важно, структура города должна была способствовать более тесному взаимодействию между жителями и создавать больше возможностей для обслуживания и ухода за больными и инвалидами [17, p. 62]. Кроме того, автор закладывал в своё видение идеального города широкие возможности для занятий спортом.

9. Город как центр искусств, источник вдохновения и удовольствия. Город, как искусственно созданная человеком среда обитания, должен служить для горожан источником вдохновения. Во многом это будет обеспечиваться красотой природных ландшафтов, и, разумеется, архитектурных решений [17, p. 64].

Сегодня Аркозанти является туристическим центром и по-прежнему собирает средства на продолжение строительства и завершение идеи П. Солери.

"Гелиокластер" С. В. Непомнящего

Среди немногих современных отечественных представлений об идеальном городе особого внимания заслуживает ряд работ архитектора С. В. Непомнящего (род. 1957 г.), посвящённых развитию идеи "Гелиотектуры". Он полагает, что центральная проблема современной цивилизации – это конфликт биосферы и человека, решение которой кроется в радикальном изменении подходов к симбиозу человека и природы на основе формирования сверхплотных градостроительных структур с повышенной обеспеченностью солнечным светом и видовыми панорамами, постоянно взаимодействующих со средой [5, с. 434]. "И Москва, и зависимые от неё частично автономные спутники вместе образуют гигантскую токсичную территорию, где жизнь становится просто опасной" [6], – рассуждает о столице С. В. Непомнящий. Архитектор называет свою концепцию прямым продолжением идей П. Солери, пересмотренных и дополненных в XXI в.

Основополагающий принцип гелиотектуры – создание на ограниченной территории единого объема – гелиокластера, принизанного световидовыми каналами, вмещающего в себя достаточно уровней для размещения необходимого количества комфортных пространств [5, с. 435]. Как поясняет автор, гелиокластер – это повышенная обеспеченность человека всеми элементами инфраструктуры со строгим разграничением пространств: транспортно-технических, обеспечивающих объект инженерией; рекреационно-деловых, объединяющих все галереи, пассажи, зимние сады, спортивные комплексы, коворкинги, кафе, офисы и прочие пространства, иерархически соподчиненные и предполагающие общение и активное взаимодействие людей; релаксационно-созерцательных, предназначенных для уединения на лоне природы, где можно услышать тишину, шелест ветра, пение птиц [5, с. 435].

Жильё в гелиокластере находится на стыке между релаксационным и рекреационным пространствами, имеет открытую террасу в релакс-зону, собственный внутриквартирный атриум и выход в иерархически соподчиненную систему пространств активности. Минимальная наружная поверхность гелиокластера обеспечивает теплопотери в несколько раз меньше, чем собственные тепловыделения, и таким образом превращает объект из потребителя энергии в генератор. Разрабатываются системы поглощения CO² и способы обогащения воздуха кислородом [5, с. 435].

По мнению С. В. Непомнящего, отказ от уже известных схем в градостроительных масштабах требует выверенной оценки комфорта создаваемой среды. Комфорт – это удобство использования чего-либо и соответствие потребностям человека, классически описываемым пирамидой А. Маслоу. Само понятие комфорта используется в повседневной речевой практике достаточно широко – как в качестве характеристики качества изделия, удобства его использования, так и для оценки погоды, климата или микроклимата, экономического климата, для определения психологического состояния человека или общества. В этой связи комфорт среды в авторском понимании включает в себя весь комплекс пространственных, климатических, культурных, социально-экономических, экологических и иных характеристик. Параметры комфор-

та, соответствующие потребностям, могут быть также структурированы релевантной пирамидой. Городское пространство как материальная оболочка всех социальных процессов, протекающих в этом пространстве, оказывает воздействие на эти процессы и в значительной мере определяет уровень комфорта.

Уровень комфорта городской среды, т. е. уровень соответствия всем потребностям человека, в том числе потребностям высшего уровня, автор предлагает рассматривать как "уровень креативности среды" [5, с. 435]. С. В. Непомнящий предлагает показатель для комплексной оценки уровня комфорта городской среды, который складывается как из количественных, так и из качественных показателей. Так, например, перенасыщенность людьми, теснота и дефицит пространства несовместимы с понятием комфорта.

В этой связи автор формулирует миссию гелиотектуры, которая заключается в экологической реурбанизации, т. е. свободном развитии города при одновременном расширении природных территорий, регенерации естественных ландшафтов и сохранении памятников истории и культуры. Таким образом, общий вектор гелиотектуры – создание бесконечного количества комфортных солнечных пространств на территории, стремящейся к нулю [6].

Помимо вышеуказанного, С. В. Непомнящий предложил организовать гелиокластерный город как город трёхмерный, представляющий собой сплошной многоэтажный объём или сплошной небоскреб [7]. Гелиотектура, таким образом, предлагает способ повышения интенсивности использования городских территорий за счёт создания дополнительных уровней для размещения сбалансированного комплекса всех видов городских пространств в трёхмерных градостроительных структурах [4, с. 30].

Заключение

Итак, представления об идеальном городе, оформившиеся в работах Ф. Л. Райта, П. Солери и С. В. Непомнящего, главным образом направлены на преодоление дистанции природы и города, а также на решение следующих городских проблем: чрезмерное увеличение размеров городских территорий; автомобилизация и транспортные проблемы; тяжёлая экологическая обстановка. Данные проблемы являются "классическими" городскими проблемами – наполнив городские стены после промышленной революции и усилившиеся на фоне бурного развития автомобильной промышленности, они до сих пор не преодолены. Будучи объединёнными принадлежностью к архитектурной традиции органической архитектуры, обсуждаемые в данной работе представления об идеальном городе, тем не менее, обладают своей спецификой.

Ключевые идеи	"Акрогород" Ф. Л. Райта	"Аркозанти" П. Солери	"Гелиокластер" С. В. Непомнящего
Способ обеспечения единения городского жителя с природой	Городские архитектурные формы должны гармонично дополнять природный ландшафт, отход от плотной застройки и, фактически, дезурбанизация – жизнь на природе	Строительство городов в живописных и слабо освоенных местах, адаптация архитектурных форм под ландшафт	Свободное развитие города при одновременном расширении природных территорий
Портрет горожанина	Здоровый, свободная личность с развитой индивидуальностью	Здоровый, экологически ответственный, свободный от дурных человеческих качеств	Реконструкция портрета горожанина затруднительна
Социальные идеалы и ценности	Демократия, равенство, свобода личности	Справедливость, крепкая семья, бережное отношение к природе	Комфорт, бережное отношение к природе

Итак, все три концепции стремятся к обретению гармонии между городом и природой, но подход различен. Ф. Л. Райт видит эту гармонию в рассредоточении и децентрализации городской жизни, создании условий для жизни городского жителя на природе (однако, в этой связи резонно возникает вопрос, остается ли такого рода форма жизни городской как таковой), в то время как П. Солери и С. В. Непомнящий, наоборот, предлагают обрести гармонию

с природой, обеспечив максимальную концентрацию городской жизни на минимальной территории, чтобы защитить окружающую природу от антропогенных эффектов. Ф.Л. Райт выступает за максимальное рассредоточение и низкую плотность населения, П. Солери и С.В. Непомнящий – за крайне компактные, высокоплотные структуры.

Отдельно стоит отметить следующую особенность идеального городского видения С.В. Непомнящего. Автор практически не обращается к фигуре горожанина при описании своего "Гелиокластера". Горожанин выступает как конечный потребитель всех благ комфортной городской среды, однако его портрет невозможно реконструировать по имеющимся текстам автора. Кто он, житель Гелиокластера? Какими качествами он обладает? Следуя фуколдианской традиции, на наш взгляд, важно помнить, что архитектурные и градостроительные формы оказывают серьёзное влияние на социальные процессы, заключённые в городских стенах [12, p. 239–243]. Не менее важно и влияние, оказываемое на самих участников городских процессов – городских жителей. Человек и среда – неразрывны [3].

Определённые опасения вызывает и тот факт, что заложенные в представлениях об идеальном городе социальные идеалы и ценности "эволюционировали" в данных концепциях от утопизма к прагматизму. Взяв курс на создание комфортной среды, С.В. Непомнящий существенным образом повысил потенциальную реализуемость своего идеального городского видения на практике, отказавшись, тем самым, от претензии на предложение альтернативного городского будущего. Не будучи простой задачей, создание комфортной среды, тем не менее, не предполагает существенных общественных трансформаций. Скорее оно является закономерным следствием сохранения уже существующих в ведущих городах мира градостроительных практик. В этом смысле "Гелиокластер" укладывается в общую тенденцию к угасанию интереса социальных мыслителей к построению утопических моделей, к переходу от утопизма к "утопическому реализму". Учитывая, однако, эвристический потенциал утопических построений, представляется значимым взять курс на ренессанс отдельных положений классиков органической архитектуры [1]. Как и любые иные утопические идеи, они должны служить ориентиром для улучшения современной городской практики и давать надежду на лучшее городское будущее.

Тем не менее, в условиях серьёзных техногенных и антропогенных вызовов, поиски возможных путей к обретению единения с природой представляются крайне перспективной задачей. В этом отношении важно учитывать наследие представителей органической архитектуры – направления, предлагавшего, порой, революционные ответы на вопрос, как можно гармонизировать отношения между человеком, городом и природой.

Литература / References

1. Григорьева Е.А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование. *Социологические исследования*. 2024. № 4. С. 139–147. <http://doi.org/10.31857/S0132162524040129>.
Grigoreva E.A. An apology for utopia: on the return of utopian constructions to the mainstream sociological theorizing. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2024. No. 4. P. 139–147. <http://doi.org/10.31857/S0132162524040129>.
2. Григорьева Е.А. Пространственная справедливость в социологической перспективе. *Социология*. 2020. № 5. С. 138–144. <http://doi.org/10.31249/espr/2023.03.01>
Grigoreva E.A. Spatial justice from a sociological perspective. *Sociology*. 2020. No. 5. P. 138–144. (In Russ.) <http://doi.org/10.31249/espr/2023.03.01>
3. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии. *Социологические исследования*. 2000. № 2. С. 20–28.
Dridze T.M. Eco-anthropocentric Model of Social Cognition as a Way to Overcome the Paradigm Crisis in Sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2000. No. 2. P. 20–28. (In Russ.)
4. Непомнящий С.В. Гелиотектура – кристаллизация будущего. *Архитектура и строительство России*. 2019. № 2. С. 30–37.
Nepomnyashchii S.V. Heliotektura – crystallization of the future. *Architecture and construction of Russia*. 2019. No. 2. P. 30–37. (In Russ.)

5. Непомнящий С. В. Гелиотектура = аркология + пирамида параметров комфорта // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 2020. Т. 2, М.: МАРХИ. С. 434–436.
Nepomnyashchii S. V. Heliotecture = arcology + pyramid of comfort parameters // Science, education and experimental design in MARCHI: Abstracts of the international scientific and practical conference of the teaching staff, young scientists and students. 2020. Vol. 2, M.: MARKHI. P. 434–436. (In Russ.)
6. Непомнящий С. В. Гелиотектура: резонанс разнополярных трендов. Поворот от асфиксии тотальной субурбанизации к зеленому дому-городу. // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/10809-geliotektura-rezonans-raznopolyarnykh-trendov-povorot-ot-asfiksii-totalnoj-suburbanizacii-k-zelenomu-domu-gorodu.html (дата обращения: 28.02.2024).
Nepomnyashchii S. V. Heliotecture: The Resonance of Oppositely Polarized Trends. A Turn from the Asphyxia of Total Suburbanization toward the Green Home-City. // Intelros. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/10809-geliotektura-rezonans-raznopolyarnykh-trendov-povorot-ot-asfiksii-totalnoj-suburbanizacii-k-zelenomu-domu-gorodu.html (accessed 28.02.2024). (In Russ.)
7. Непомнящий С. В. Я предлагаю город волшебных дверей // Евразийская премия. URL: <https://eurasian-prize.ru/sergey-nepomnyashy-interviuv/> (дата обращения: 28.02.2024).
Nepomnyashchii S. V. I propose the city of magic doors // EURASIAN AWARD. URL: <https://eurasian-prize.ru/sergey-nepomnyashy-interviuv/> (accessed 02.28. 2024). (In Russ.)
8. Райт Ф. Л. Будущее архитектуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1960. 248 с.
Wright F. L. The Future of architecture. Moscow: State Publishing House of Literature on Construction and Architecture, 1960. 248 p. (In Russ.)
9. Райт Ф. Л. Исчезающий город. М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
Wright F. L. Broadacre city. M.: Strelka Press, 2018. 180 p. (In Russ.)
10. Balsas C. J. L. Paolo Soleri and America's Third Utopia: the sustainable City-Region. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. 2020. Vol. 13, No. 4. P. 410–430. <http://doi.org/10.1080/17549175.2020.1726798>
11. Felici M. The ages of Arcosanti. *L'architettura delle città-The Journal of the Scientific Society Ludovico Quaroni*. 2016. Vol. 5, No. 8. P. 7380.
12. Foucault M. The Foucault Reader. New York, 1984. 400 p.
13. Grierson D. Unfinished Business at the Urban Laboratory-Paolo Soleri, Arcology, and Arcosanti. *Open house international*. 2016. Vol. 41, No. 4. P. 63–72. <http://doi.org/10.1108/OHI-04-2016-B0009>
14. History of Arcosanti // Arcosanti. URL: <https://www.arcosanti.org/history/> (дата обращения: 20.08.2023).
15. Maumi C. Broadacre City: Frank Lloyd Wright's vision of an organic capitalism // *Inequalities and the Progressive Era* / Ed. by Guillaume Vallet. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 172–190.
16. Soleri P. Arcology: The city in the image of man. MIT Press, 1973. 134 p.
17. Soleri P. Arcosanti: an urban laboratory? Santa Monica, CA: VTI Press, 1987. 80 p.
18. Stankiewicz E. Frank Lloyd Wright's Broadacre City as a manifestation of American values of freedom and democracy. *Crossroads. A Journal of English Studies*. 2015. Vol. 9, No. 02. P. 26–36.
19. Watson J. M. The Suburbanity of Frank Lloyd Wright's Broadacre City. *Journal of Urban History*. 2019. Vol. 45, No. 5. P. 1006–1029. <http://doi.org/10.1177/0096144218797923>
20. Wright F. L. Broadacre City: A new community plan. *Architectural Record*. 1935. Vol. 77, No 4. P. 344–349.
21. Zevi B. Verso un'architettura organica. Saggio sullo sviluppo del pensiero architettonico negli ultimi cinquant'anni. Einaudi, 1945. 152 p.

Информация об авторе

Екатерина Александровна Григорьева, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, e-mail: yreewda@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Grigoreva, Junior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: yreewda@gmail.com

Поступила в редакцию 20.11.2024

Одобрена после рецензирования 12.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 20.11.2024

Approved 12.02.2026

Accepted 26.02.2026

Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего

Антон Дмитриевич Уханов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, vin-chun.95@list.ru

Аннотация. Цифровая трансформация, влияние которой наблюдается в различных сферах общественной жизни, актуализировала рассуждения о будущем. Распространённым приёмом, применяемым исследователями и публицистами при попытке обозначить прогнозируемое цифровое будущее, является метафора, которая выступает ёмкой объяснительной моделью, служащей для наименования образа технологического будущего. Одним из образов будущего, который имеет отчетливо негативную коннотацию, выступает образ цифрового концлагеря как состояния тотального цифрового контроля над обществом. Цель статьи заключается в выявлении достоинств и недостатков, а также политико-правового значения метафоры цифрового концлагеря в контексте конструирования образа технологического будущего. В работе обосновывается, что в текущий момент метафора отличается конспирологичностью (цифровой концлагерь строится осознанно и целенаправленно) и теоретической неразличимостью (цифровой концлагерь не отличим от общества, в котором используются цифровые технологии). Вместе с тем, при должной концептуальной доработке, она обладает значительным эвристическим и политико-правовым потенциалом в качестве оценочной категории, позволяющей осмыслить процесс цифровой трансформации с позиции рисков установления тотального цифрового контроля. Полученные выводы вносят теоретический вклад в проблематику осмысления образа технологического будущего, а также могут иметь практическое значение в контексте правовой политики государства в сфере цифровой трансформации.
Ключевые слова: цифровая трансформация, конкуренция образов будущего, цифровой контроль, цифровой концлагерь, конструирование образа будущего, политические метафоры

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ЭИСИ и Минобрнауки РФ FZUG-2024-0005 "Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации"

Для цитирования: Уханов А.Д. Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 141–140.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

The digital concentration camp: on the issue of negative images of the technological future

Anton D. Ukhanov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, vin-chun.95@list.ru

Abstract. The digital transformation, the impact of which is observed in various spheres of public life, has actualized the discussion about the future. A common technique used by researchers and publicists when trying to identify the predicted digital future is a metaphor, which acts as a succinct explanatory model that serves to name the image of the technological future. One of the images of the future that has a distinctly negative connotation is the image of a digital concentration camp as a state of total digital control over society. The purpose of the article is to identify the advantages and disadvantages, as well as the political and legal significance of the digital concentration camp metaphor in the context of constructing an image of the technological future. The paper substantiates that at the moment the metaphor is characterized by conspiracy theory (a digital concentration camp is being built consciously and purposefully) and theoretical indistinguishability (a digital concentration camp is indistinguishable from a society in which digital technologies are used). At the same time, with proper conceptual refinement, it has significant heuristic and political-legal potential as an evaluation category that allows us to comprehend the process of digital transformation from the perspective of the risks of establishing total digital control. The conclusions obtained contribute theoretically to the problem of understanding the image of the technological future and may also have practical significance in the context of the state's legal policy in the field of digital transformation.

Key words: digital transformation, competition of images of the future, digital control, digital concentration camp, constructing an image of the future, political metaphors

This work was carried out with the financial support of the EISI grant and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZUG-2024-0005) "The Image of Russia's Technological Future: Civilizational Foundations for Design and Implementation."

For citation: Ukhanov A.D. The digital concentration camp: on the issue of negative images of the technological future. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 141–149.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

Введение

Проблема осмысления цифровой трансформации, её влияния на общественные процессы, межличностное взаимодействие, изменения политико-правовых и социально-экономических отношений является одной из

центральных в современном социо-гуманитарном дискурсе. Цифровизация, будучи весьма сложным феноменом, обычно воспринимаемым как расширение использования цифровых, информационно-коммуникационных систем, практика внедрения искусственного интеллекта, предполагает не только использование различных цифровых технологий в повседневной жизни, но и "своеобразный перенос различных социальных практик в виртуальное пространство: сетевые транзакции, онлайн-взаимодействие акторов, что обеспечивает принципиально *иные качественные характеристики современного общества* (курсив мой – А. У.)" [11].

Ранее в научной литературе уже высказывались различные точки зрения относительно конфигурации тех изменений, которые привнесёт цифровизация в развитие общества. Различные авторы настаивают на том, что неизбежно появление новых социальных субъектов [3], формирование новых способов отправления власти посредством цифрового нормирования поведения [26], а также создание цифровых капсул, которые будут структурировать людей по группам [1]. Кроме того, человечество может ожидать новые формы общественной дифференциации [20], социального неравенства [2] и складывание цифровой нефеодалльной формации, с характерными для неё парцелляциями суверенитета, квазисловной иерархией, географической поляризацией между центром и глубинкой, а также апокалиптическим воображением [9].

Однако цифровизация не только меняет социальный уклад общества, реакцией на что становятся различные теории, но и наполняет новым содержанием способы мышления о будущем. Более того, учитывая характер самой цифровизации, её семантическую соположенность с чем-то передовым, футуристическим и т. д., именно будущее становится тем, что органически, неразрывно связывают с цифровизацией (например, идея того, что будущее уже наступило, ассоциируется преимущественно с практикой использования цифровых технологий). Это приводит к формированию устойчивых образов этого будущего [10], описываемых посредством метафор, которые позволяют выразить "понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида" [15, с. 27]. Иными словами, с помощью них стремятся описать цифровое будущее наиболее ёмко и презентабельно.

В целом эти образы будущего можно обозначить как образы технологического будущего, при этом речь идёт не о технологиях как таковых, к числу которых относятся самые разные материальные предметы, необходимые для достижения людьми конкретных целей (лопаты, костюмы, дворцы, очки, плотины и т.д.) [7, с. 19–20], а о вполне конкретных технологиях, а именно цифровых технологиях. Наиболее распространёнными образами являются "цифровой Левиафан", "цифровой рай" и "цифровой концлагерь". Первый выступает в качестве "эвристической схемы, позволяющей помыслить процессы цифровизации" [17]. Второй основывается на технооптимизме, т. е. представлении о том, что технический прогресс играет важнейшее значение для развития общества [8]. И, наконец, третий образ технологического будущего используется для обозначения потенциальной системы контроля за обществом, основанной на использовании цифровых технологий.

Предметом настоящего исследования является негативный образ технологического будущего, т. е. образ (метафора) цифрового концлагеря, который будет рассмотрен с использованием герменевтического методологического инструментария. Объектами интерпретации являются тексты различных публицистов, мыслителей, ученых и экспертов, выражающие представления о возникновении в будущем системы тотального цифрового контроля. Вместе с тем, опираясь на методологию конструктивизма, образ будущего воспринимается одновременно инструментом и результатом конструирования реальности.

Таким образом, цель работы заключается в выявлении достоинств и недостатков, а также политико-правового значения метафоры цифрового концлагеря в контексте конструирования образа технологического будущего. Для достижения цели предварительно необходимо сделать важный методологический комментарий относительно конкуренции образов будущего, далее перейти к анализу версий и трактовок цифрового концлагеря (в т. ч. описать его предполагаемую инфраструктуру как неотъемлемую часть представлений об

обществе цифрового контроля), и, наконец, в итоговой части сделать критические замечания относительно теоретических проблем и политико-правового значения осмысляемого образа будущего.

Образ будущего как конструируемая реальность и полемическая категория

Различные вариации будущего, моделирующие и конструирующие реальность, не являются нейтральными и конкурируют между собой [23]. Это связано с тем, что "за будущее ведётся яростная борьба, поскольку оно теснейшим образом связано с конфликтующими друг с другом общественными интересами" [21, с. 12]. В этом смысле следует полагать, что образ будущего является полемической (политической) категорией, относительно которой немецкий мыслитель К. Шмитт отмечал, что "все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации", более того, они остаются непонятны "если неизвестно кто *in concreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут" [27].

Сказанное в полной мере справедливо для различных вариаций образа будущего, поскольку все они не только продвигаются определённым образом, но и каждый из них исключает все другие. В этот процесс также может быть включено государство, которое может продвигать собственный образ будущего: "в случае стихийного формирования негативных образов цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций и их дальнейшей репрезентации в общественном сознании населения страны возникают существенные угрозы общественному устройству. Из-за субъективных представлений о вреде цифровых технологий (потеря приватности, тотальный контроль, цифровая зависимость) *перед государством возникает неприглядная перспектива* возможной дестабилизации общественно-политической ситуации в виде движений цифровых неолуддитов (курсив мой – А. У.)" [5]. В контексте сказанного следует обратить внимание, что в данном случае авторы связывают риски и угрозы не с самим ростом технологий, которые потенциально могут принести вред обществу, сколько с субъективной реакцией общества, подлежащей для их минимизации корректировке государством.

Таким образом, следует заключить, что образ цифрового концлагеря, представляющий для нас основной интерес, существует наряду с иными образами будущего. Однако все эти образы не просто существуют сами по себе, но конкурируют между собой не только в теоретико-описательном измерении (описание и объяснение наступающего будущего через определенную метафору), но и в социально-политическом (конструирование и продвижение определенной модели). Подытоживая, подчеркнём, что конкуренция образов технологического будущего указывает, как минимум, на четыре обстоятельства:

- во-первых, будущее перестаёт мыслиться как нечто фатальное и единообразное, т. е. оно не является неизбежным и не является заранее определённым. В этом смысле из будущего изымается элемент объективности, поскольку оно становится не результатом объективно складывающихся процессов, но предполагает его сознательное конструирование;
- во-вторых, что логически вытекает из первого положения, будущее является проектом, т. е. результатом целенаправленной деятельности, а образ будущего – тем воображаемым результатом, к которому эта деятельность должна привести. Политическое (а иногда очевидно политико-конспирологическое, когда речь идёт о негативных образах будущего, к числу которых относится цифровой концлагерь [12; 24]) измерение данного положения указывает, что у того или иного образа будущего всегда есть заинтересованная сторона, направляющая движение истории к определённому результату;
- в-третьих, именно будущее становится главным критерием оценки и интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции современного социального уклада [16]. Настоящее становится интересным и полезным в той мере, в которой позволяет приблизиться к желаемому будущему;
- в-четвертых, можно сказать, что образ будущего становится той легитимирующей конструкцией, которая обосновывает и оправдывает те или иные действия социально-политических акторов. В данном случае вполне уместна

аналогия с товаром, брендом и т. д., поскольку образ будущего может продвигаться в обществе.

Цифровой концлагерь: версии и трактовки

Словосочетание "цифровой концлагерь" представляет собой современный неологизм, образованный посредством сочетания слов "цифровой" (от англ. "digital" от "digit", т. е. "цифра") и "концлагерь" (от "концентрационный лагерь", который чисто этимологически происходит от испан. "campos de concentración" – "поле для концентрации, сбора, объединения, складирования"). В широком историческом рассмотрении термин "концлагерь" связывается с практиками жестокого обращения с отдельными категориями населения в конце XIX – первой половине XX вв. Речь, как правило, идёт о Второй англо-бурской войне, Гражданской войне в России, Холокосте и проч. Именно эти события определили семантическое ядро термина (дискриминация, контроль, концентрация и проч.), его отрицательную коннотацию, которая в полной мере характерна и для цифрового концлагеря.

Следует отметить, что момент введения данной метафоры в оборот не установлен, однако рост её публичной видимости (широкое распространение в публицистике), вероятно, произошёл после серии репортажей западных журналистов в 2018–2019 гг. о жизни уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [13]. Кроме того, значительную роль в её распространении сыграла пандемия Covid-19 [19]. При этом весьма часто неологизм применяется к деятельности таких американских компаний как Google и Meta¹ [28]. В России он прочно закрепился, например, за деятельностью такой структуры как "Сбер" [24, с. 187–190].

Отличительная особенность цифрового концлагеря по сравнению с привычным концентрационным лагерем состоит в том, что он может вместить в себя всё общество (а потенциально человечество), не имеет чётких границ (т. е. нельзя "зайти" и "выйти"), не требует значительного штата надзирателей, т. к. решения принимаются автоматическими системами. Поскольку контроль осуществляется посредством бытовых инструментов в режиме текущего времени, проявление господства не сопровождается постоянными силовыми акциями (построения, принудительные работы, система наказания, дисциплина), характерными для существовавших ранее лагерей. Цифровой концлагерь не располагает материальными атрибутами ограничений (колючая проволока, казармы, вышки охраны, униформа).

Тем самым следует заключить, что цифровой концлагерь мимикрирует под нормальное состояние общества, осуществляя давление на микроуровне и формируя желаемую и предсказуемую модель поведения, отклонение от которой может вызвать меры физического (цифровые инструменты в данном случае используются для выявления "преступников") либо цифрового воздействия (блокировка транзакций, отказ в пользовании сервисами, непредоставление услуг, понижение рейтинга, изъятие цифровых активов и собственности и проч.).

Анализируя представление об инфраструктуре цифрового концлагеря как неотъемлемого элемента этого образа будущего, отметим, что к элементам цифрового контроля можно отнести: 1) информационные системы (цифровая валюта, различные реестры и базы данных); 2) конкретные сервисы, инструменты и приложения (социальные сети и мессенджеры, боты, мобильные приложения и проч.); 3) алгоритмы и технологии (искусственный интеллект, QR-коды, распознавание лиц, эмоций, голосов, автомобильных номеров, прогнозирование поведения, сбор данных, создание дипфейков и проч.) [22]. В своей совокупности они могут образовывать сложные цифровые системы, ориентированные на осуществление цифрового контроля. Именно этим и объясняется возможность объединения в ряду элементов цифрового контроля столь разных явлений, поскольку каждое из них может быть использовано для надзора за человеческим поведением и его корректировки.

Частными примерами, из которых вырастает представление о возможности возникновения в будущем цифрового концлагеря, инфраструктурой

¹ 28 марта 2022 г. решением Тверского районного суда Москвы корпорация Meta была признана экстремистской.

которого будут являться наиболее бытовые ("безобидные") цифровые технологии, выступает интернет вещей, который, как полагают авторы, "ставит под угрозу наш собственный контроль над вещами, которые мы покупаем" [18, с. 271]. Так, в качестве локального, но весьма показательного примера, описанного в литературе, можно привести случай, когда цветочный горшок, подключённый к интернету, вызвал полицию, распознав в ходе ссоры мужчины и женщины слова "...я вызову полицию" [6, с. 4]. Подобные вещи, находясь в контакте с человеком, могут иметь доступ к самым сокровенным мыслям и планам. Трансформированные в информацию, они становятся собственностью корпораций, которые на их основе формируют пользовательский портрет человека. В соответствии с ним предлагаются определённые услуги. Иными словами, действия человека могут незаметно "программироваться" и направляться.

Таким образом, можно заключить, что в рамках идеи цифрового концлагеря практически любая цифровая технология, позволяющая осуществлять контроль над поведением человека и общества, может быть вписана в анализируемый образ. Однако открытым остаётся вопрос об операторе этого концлагеря, т. е. акторе, управляющем системой цифрового надзора.

Для того, чтобы перейти к этому вопросу, следует ввести базовое различие, которое, на наш взгляд, имеет принципиальное значение при обращении к проблеме понимания цифрового концлагеря. Так, ранее в литературе, посвященной социально-политическим аспектам цифровизации, для описания подходов к осмыслению цифровой трансформации было предложено различие *цифрового этатизма* и *цифрового корпоративизма* [14]. В первом случае речь идёт об "отстаивании суверенности национально-культурных траекторий развития цифровых технологий, сервисов, виртуальных пространств и т. п., суверенной юрисдикции государства в цифровом пространстве и национальных режимах обеспечения кибербезопасности". Цифровой корпоративизм, напротив, "ориентирован на цифровой вариант глобализации, формирование единой сетевой киберреальности и альтернативной метавселенной".

Конечно, такое различие нельзя считать исчерпывающим, поскольку зачастую "корпоративное" и "государственное" переплетаются друг с другом в рамках реальных властных отношений, о чем на уровне практики свидетельствует социально-политическая история, а на уровне её осмысления – интеллектуальная история. Однако мы полагаем, такое различие весьма удачным, поскольку оно обладает значительным эвристическим потенциалом для рассмотрения версий цифрового концлагеря, сформировавшихся в научных трудах, публицистике и экспертном сообществе.

Исходя из предложенного критерия, можно выделить две версии цифрового концлагеря: *этатистскую* и *корпоративную*. Этатистская версия предполагает, что ключевым субъектом, заинтересованным в средствах цифрового контроля, является государство. Корпоративная указывает, что выгодоприобретателем от внедрения систем цифрового контроля выступают, как правило, крупные транснациональные корпорации, имеющие значительные ресурсы.

Корпоративную версию следует считать не только более разработанной в литературе, но и более популярной. Однако зачастую имеет место некоторое смещение. Так, в рамках исследования, посвящённого анализу экспертного опроса, было выявлено, что значительное число экспертов разделяет позицию о преобладании "асоциального образа цифрового будущего", содержанием которого является представление о том, что "цифровые технологии являются инструментами в руках капиталистов и используются в основном в асоциальных целях", при этом "основными драйверами цифровых трансформаций являются военные ведомства, силовые структуры, военно-промышленный комплекс и транснациональные корпорации, интересы которых не совпадают с интересами общества (курсив мой – А. У.)" [5]. Любопытно, что несмотря на восприятие "технологий как инструментов в руках капиталистов" среди структур, чьи интересы не совпадают с интересами общества, на равных перечислены как государственные, так и корпоративные институты.

Наряду с цифровым этатизмом и цифровым корпоративизмом пунктирно следует выделить ещё одну трактовку цифрового концлагеря с точки зрения субъекта (и выгодоприобретателя) цифрового надзора. Данная версия принципиально отлична от проанализированных ранее и представляет собой

наиболее негативный образ цифрового концлагеря, который в литературе пока обсуждается скорее "на правах" культурного мифа. Речь идёт о *цифровом футуризме*. Его суть сводится к принципиальной трансформации социального пространства под влиянием цифровых технологий, которые становятся не просто инструментом поддержания контроля, но наделяются субъектностью и рациональностью [4]. Данная версия по духу соответствует знаменитому сюжету "восстания машин", в рамках которого оператором цифрового концлагеря становится сам искусственный интеллект, который использует человечество в своих собственных интересах. И хотя данная трактовка широко представлена в массовой культуре, концептуально она осмыслена весьма слабо, тем более в качестве вариации цифрового концлагеря, поскольку основной акцент делается уже не на средствах контроля, а на утрате человечеством своего исключительного статуса [3].

Образ цифрового концлагеря как теоретическая проблема и его значение

Не претендуя на критическое рассмотрение материально-технологических возможностей создания цифрового концлагеря, обратимся к концептуальным аспектам данного образа будущего. Представляется, что образ цифрового концлагеря имеет ряд существенных теоретических изъянов, которые мы постараемся в *порядке полемики* обосновать далее. Остановимся двух проблемных аспектах.

Во-первых, идея цифрового концлагеря зачастую имеет отчётливо конспирологический характер. Речь идёт о совокупности тех подходов, в рамках которых социально-политическим акторам приписывается *сознательное, целенаправленное* стремление создать систему тотального цифрового контроля над обществом. Видится, что такой взгляд не столько раскрывает "тайные пружины" социальных процессов, сколько затуманивает взгляд. Зачастую цифровые технологии производятся и внедряются децентрализованным образом, они появляются в том числе как результат конкуренции между акторами, либо их внедрение вытекает из уже существующих государственных функций (в этом случае именно они должны подвергаться критике, а не цифровые технологии как средство их осуществления). Кроме того, такая оптика в целом способна дискредитировать попытки рассмотреть проблему расширяющегося цифрового контроля, поскольку в этом случае их очень легко маркировать как "абсурдные".

Во-вторых, поскольку цифровой концлагерь мимикрирует под нормальное состояние общества, то практически любую цифровизированную сферу жизни общества можно воспринимать в качестве его. Во многом это напоминает фуконианскую логику понимания власти как всепроникающего феномена. В рамках её невозможно различить общество контроля от свободного общества, поскольку всякое общество в силу расширительного толкования контроля есть общество контроля. То же самое справедливо для концепции цифрового концлагеря, в рамках которой любая цифровая технология есть способ надзора за деятельностью человека, её автоматизации и подчинения цифровым алгоритмам. Следовательно, цифровой концлагерь наступил уже очень давно, ровно в тот момент, когда первая цифровая технология была внедрена в человеческую жизнь, а значит о нём нет никакого смысла рассуждать.

Несмотря на представленные недостатки концепции цифрового концлагеря, мы полагаем, что она может иметь важное политико-правовое значение, будучи оценочной категорией, применяемой в процессе анализа внедрения конкретных цифровых систем в социальное взаимодействие.

Так, в теории конституционного права известна теория страха, разработанная конституционалистом А. Шайо. Её суть сводится к тому, что конституционные нормы "не предсказывают, *каким должно быть общество будущего*", но "говорят о *связанных с будущим строем и существовавших в нём страхах* (курсив мой – А. У.)" [25, с. 16]. Опасаясь повторения прошлых изъянов политико-правового порядка (концентрации власти в одних руках, незащищённость прав и свобод, идеологический монизм, корпоративизм и т. п.), разработчики конституций включают в их тексты положения, которые должны предотвратить возвращение к нему. Тем самым из страха рождается новый документ, регулирующий устройство государства и степень его влияния на общество. Образ и опыт "нежелаемого прошлого" становится филь-

тром для отсеечения конституционных проектов, способных воплотить в жизнь предмет страха.

Представляется, что сказанное методологически применимо к концепции цифрового концлагеря, который, как можно полагать, порождён, среди прочего, страхом перед вполне реальными концентрационными лагерями, с которыми человечество сталкивалось в своей истории. Исходя из этого, попытки экспертов, публицистов и учёных говорить о цифровом концлагере основаны на страхе перед ним, на стремлении в нём не оказаться. В этом контексте концепция цифрового концлагеря укоренена *не столько в будущем, сколько в прошлом*, отражая опасения относительно возможности возвращения к жестоким формам ограничения свободы, достижимым с помощью цифровых технологий. Таким образом, эта концепция может предложить важный политико-правовой инструментарий оценки внедрения цифровых технологий с позиции их применимости для установления тотального цифрового контроля.

Заключение

Подводя итог, подчеркнём, что в текущем виде идея цифрового концлагеря отличается конспирологичностью и теоретической неразличимостью. Вместе с тем она обладает значительным потенциалом в политико-правовом контексте. Так, расстановка акцентов может привести к тому, что цифровой концлагерь из образа будущего трансформируется во враждебный "образ антибудущего", т. е. воображаемого, аналитически моделируемого состояния общества, которое не должно воплотиться на практике. Из этого следует логический шаг в виде допущения отсева потенциально опасных цифровых технологий, определённых практикой использования искусственного интеллекта и проч., представляющих угрозу для человека и общества. Помня о разнообразностях цифрового концлагеря, важно отметить, что такой оценке могут подвергаться не только новации, внедряемые корпорациями, но и действия государства в сфере цифровизации.

Литература / References

1. Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
Artamonova Yu. D., Volodenkov S. V. Information capsules as a structural component of modern political Internet communication. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2020. No. 53. P. 188–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
2. Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндриссе, 2019. 320 с.
Berardi F. The soul at work. From alienation to autonomy. Moscow: Grundrisse, 2019. 320 p. (In Russ.)
3. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
Braidotti, R. Posthuman. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (In Russ.)
4. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. М.: Альпина-Нон-фикшн, 2017. 552 с.
Brockman J. What we think about machines that think: The world's leading scientists on artificial intelligence. Moscow: Alpina-Non-ficshin, 2017. 552 p. (In Russ.)
5. Володенков С. В., Зотов В. В., Консон Г. Р., Гуров О. Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка). *НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024. № 1. С. 39–51. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
Volodenkov S. V., Zotov V. V., Conson G. R., Gurov O. N. Prospects for the formation of a prosocial image of the digital future in Russia (expert assessment). *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right*. 2024. No. 1. P. 39–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
6. Гринбаум А. Машина-доносчица. Как избавиться от искусственного интеллекта от зла. СПб.: Транслит, 2017. 74 с.
Grinbaum A. The scammer machine. How to rid artificial intelligence of evil. St. Petersburg: Translit, 2017. 74 p. (In Russ.)
7. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
Dessauer F. A dispute about technology. Samara: Publishing House of the Samara Humanitarian Academy, 2017. 266 p. (In Russ.)

8. Джибилова Е.Г., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. Концепция "цифрового рая" и "цифрового ада" в современной научной литературе с позиции футурологии. *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 2. С. 54–59. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.2.6>
Dzhibilova E. G., Sultanova G. D., Fidrya E. S. The concept of "digital paradise" and "digital hell" in modern scientific literature from the perspective of futurology. *Theory and practice of social development*. 2023. No. 2. P. 54–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.2.6>
9. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм. *Логос*. 2019. № 6. С. 85–116.
Dean D. Communism or neo-feudalism. *Logos*. 2019. No. 6. P. 85–116. (In Russ.)
10. Желтикова И.В. Образ будущего как образ. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5. С. 75–80.
Zhelitikova I. V. The image of the future as an image. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2013. No. 5. P. 75–80. (In Russ.)
11. Жукоцкая А.В. Цифровизация и некоторые риски прозрачного общества / Цифровая гуманитаристика: человек в "прозрачном" обществе. М.: Книгодел, 2021. С. 5–13.
Zhukotskaya A. V. Digitalization and some risks of a transparent society / Digital humanities: a man in a "transparent" society. Moscow: Knigodel, 2021. P. 5–13. (In Russ.)
12. Катасонов В.Ю. Посткапитализм. От либеральной демократии к цифровому концлагерю. М.: Книжный мир. 384 с.
Katonov V. Y. Postcapitalism. From liberal democracy to the digital concentration camp. Moscow: Knizhny Mir. 384 p. (In Russ.)
13. Кейн Дж. Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии. М.: Индивидуум, 2023. 336 с.
Kane J. A high-security state. Inside the Chinese digital dystopia. Moscow: Individuum, 2023. 336 p. (In Russ.)
14. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 96–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
Kochetkov A. P., Mamychev A. Yu. The state policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices. *Polis. Political research*. 2023. No. 1. P. 96–113. (In Russ.)
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
15. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
Lakoff D., Johnson M. Metaphors that we live by. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.)
16. Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е. "Будущее" как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов. *Advances in Law Studies*. 2020. № S5. С. 3–17. <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17>
Mamychev A. Yu., Kim A. A., Frolova E. E. "The Future" as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches // *Advances in Law Studies*. 2020. No. S5. P. 3–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17>
17. Мамычев А.Ю. "Цифровой Левиафан": сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. № 3. С. 367–392. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>
Mamychev A. Y. "Digital Leviathan": scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2022. No. 3. P. 367–392. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>
18. Перзановски А., Шульц Д. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Издательский Дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 271 с.
Perzanovski A., Schultz D. The end of ownership: personal property in the digital economy. Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2019. 271 p. (In Russ.)
19. Прилуцкий А.М. Электронный концлагерь антихриста: семиотика мифологема. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2021. № 3. С. 216–227.
Prilutsky A. M. The electronic concentration camp of the Antichrist: semiotics of the mythologeme. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2021. No. 3. P. 216–227. (In Russ.)
20. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 328 с.
Standing G. The Precariat: a new dangerous class. Moscow: Adam Press, 2020. 328 p. (In Russ.)
21. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский Дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 320 с.
Urry J. What does the future look like? Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2019. 320 p. (In Russ.)
22. Фасман Дж. Общество контроля. Как сохранить конфиденциальность в эпоху тотальной слежки. М.: Эксмо, 2023. 368 с.
Fasman J. The Control Society. How to preserve privacy in the era of total surveillance. Moscow: Eksmo, 2023. 368 p. (In Russ.)
23. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня. М.: ЗАО "Олимп-Бизнес", 2002. 288 с.
Khamel G., Prahalad K. K. Competing for the future. Creation of tomorrow's markets. Moscow: Olymp-Business CJSC, 2002. 288 p. (In Russ.)

24. Четверикова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2019. 320 с.
Chetverikova O. Digital totalitarianism. How it's done in Russia. Moscow: Knizhny Mir, 2019. 320 p. (In Russ.)
25. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 2001. 292 с.
Shaio A. Self-restraint of power (a short course in constitutionalism). Moscow: Jurist, 2001. 292 p. (In Russ.)
26. Шамаю Г. Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 280 с.
Shamay G. Theory of the drone. Moscow: Adam Press, 2020. 280 p. (In Russ.)
27. Шмитт К. Понятие политического. *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 37–67.
Schmitt K. The concept of the political. *Questions of Sociology*. 1992. No. 1. P. 37–67. (In Russ.)
28. Шошанна З. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 784 с.
Shoshanna Z. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2024. 784 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Антон Дмитриевич Уханов, канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Information about the author

Anton D. Ukhanov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Одобрена после рецензирования 16.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 09.01.2025

Approved 16.02.2026

Accepted 26.02.2026

Научная статья
УДК 327.7(5-011)(470.22)

Россия, российский Дальний Восток и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в условиях санкционного давления

Артем Леонидович Лукин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lukin.ai@dvvfu.ru
Валентин Игоревич Волощак
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, voloshchak.vi@dvvfu.ru

Аннотация. Авторы оценивают влияние жёсткого рестрикционного режима стран Запада против РФ, введённого после начала специальной военной операции на Украине, на взаимодействие российского Дальнего Востока со странами Юго-Восточной Азии. В ходе исследования авторы проанализировали состояние двусторонних отношений и динамику торговли России со странами ЮВА, а также рассмотрели сотрудничество российского Дальнего Востока со странами ЮВА в области туризма, логистики, образования и т. д. Авторы заключают, что официальная позиция государств ЮВА по украинскому конфликту не находится в прямой корреляции с их готовностью поддерживать экономические отношения с РФ, а территории Дальнего Востока России выполняют важную функцию в поддержании связей со странами ЮВА, прежде всего – транспортно-логистическую.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, сотрудничество, санкции, торговля, АСЕАН

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

Для цитирования: Лукин А. Л., Волощак В. И. Россия, российский Дальний Восток и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в условиях санкционного давления. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 150–161. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/150-161>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/150-161>

Russia, the Russian Far East and Southeast Asia: Cooperation under Sanctions

Artyom L. Lukin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lukin.ai@dvvfu.ru
Valentin I. Voloshchak
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, voloshchak.vi@dvvfu.ru

Abstract. In the article, the authors assess how the introduction of a restrictive regime against Russia by Western countries following the start of the special military operation in Ukraine has affected the interaction of the Russian Far East with Southeast Asian countries. In their study, the authors analyzed the state of bilateral relations and trade dynamics between Russia and Southeast Asian countries and also examined cooperation between the Russian Far East and Southeast Asian countries in tourism, logistics, education, and other areas. The authors conclude that the official position of Southeast Asian countries on the Ukrainian conflict does not directly correlate with their willingness to maintain economic relations with Russia, and that the territories of the Russian Far East play an important role in maintaining ties with Southeast Asian countries, primarily in transport and logistics.

Key words: Russian Far East, Southeast Asia, cooperation, sanctions, trade, ASEAN

The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

For citation: Lukin A. L., Voloshchak V. I. Russia, the Russian Far East and Southeast Asia: Cooperation under Sanctions. *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 150–161
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/150-161>

Введение

Новая геополитическая ситуация, сложившаяся после февраля 2022 г., не могла не оказать влияние на отношения России и её дальневосточных регионов со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). С одной стороны, санкционное давление Запада усложнило взаимодействие, особенно в торгово-экономической сфере, между странами ЮВА и Россией. С другой стороны, конфронтация со странами Запада способствовала активизации политики Москвы в отношении Глобального Юга и Глобального Востока. Страны ЮВА, объединённые в региональную группировку АСЕАН, являются важной частью Глобального Юга.

Главная цель представленного в статье исследования заключается в том, чтобы установить, как изменились отношения России со странами ЮВА после начала специальной военной операции на Украине и введения странами Запада жёсткого рестрикционного режима против РФ. Особое внимание будет уделено тому, как данные события повлияли на взаимодействие российского Дальнего Востока со странами АСЕАН.

Авторы делят 10 государств¹ АСЕАН на три группы по критериям их позиции по украинскому конфликту и характера политико-дипломатических отношений с Российской Федерацией после февраля 2022 г. – дружественные, нейтральные, недружественные. Чтобы определить, к какой из трёх групп относится государство, нами использовались следующие маркеры: 1) нахождение государства в утвержденном Правительством РФ перечне недружественных стран; 2) голосование государства по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, связанных с конфликтом на Украине; 3) наличие или отсутствие визитов руководителей государства в Россию после начала специальной военной операции на Украине.

По совокупности этих индикаторов к дружественным государствам можно отнести Вьетнам, Мьянму и Лаос. Нейтральным следует считать Индонезию, Малайзию, Таиланд, Камбоджу, Бруней. Недружественными являются Сингапур и Филиппины.

Основная часть статьи начинается с обзора торговых отношений России со странами ЮВА. После этого следуют сжатые обзоры двусторонних отношений с каждой из десяти стран АСЕАН. Затем рассматривается сотрудничество со странами АСЕАН в сфере высшего образования на примере Дальневосточного федерального университета.

Торговля России со странами ЮВА: до и после 2022 г.

Мы собрали данные о торговом обороте между Россией и каждой из десяти стран АСЕАН (табл. 1). В качестве источников использовались агрегатор международной торговой статистики Trademap и национальные данные от стран АСЕАН. Из приведенных данных видно, что торговля снизилась во время пандемии ковида, а затем, хотя и не по всем странам ЮВА, произошло существенное падение в 2022 г., сразу после введения санкций. Однако уже с 2023 г. по большинству стран АСЕАН отмечается устойчивый рост торговли с РФ. Единственным исключением являются Филиппины, хотя у этой страны падение торговли с Россией началось еще с 2018 г.

Следует оговориться, что данные из международных источников обычно ниже, чем цифры о взаимной торговле, которые приводит российская сторона. Так, В. Пугин заявил, что в 2024 г. товарооборот между РФ и Вьетнамом достиг шести млрд долл. [1], что на полтора миллиарда больше, чем оценка международной статистики. Впрочем, эта особенность, заключающаяся в том, что цифры российской торговой статистики, как правило, выше, чем оценки стран-торговых партнеров РФ, существовала и до санкций.

После введения санкций Россия перестала обнародовать данные о внешней торговле по федеральным округам и субъектам федерации, однако можно утверждать, что динамика торговли Дальневосточного федерального округа и входящих в него территорий со странами ЮВА с большой вероятностью соответствует траектории российско-асеановской торговли в целом.

Вьетнам

Вьетнам – наиболее важное для России государство Юго-Восточной Азии и до недавнего времени её единственный стратегический партнёр в регионе (в июне 2025 г. стратегическим партнером была провозглашена Индонезия). Вьетнам стал первой страной АСЕАН, с которой Россия (в лице ЕАЭС) заключила соглашение о свободной торговле.

Начало СВО и последовавшие за этим усилия Запада по наложению на Россию экономических и политических рестрикций подвергли российско-вьетнамские отношения серьёзному испытанию. Вьетнам отказался от публичной критики России и не стал поддерживать ооновские резолюции, подвергавшие Москву остракизму. Тем не менее, по выражению Дмитрия Мосякова,

¹ 26 октября 2025 г. 11-м членом АСЕАН стал Восточный Тимор.

Табл. 1. Товарооборот между Российской Федерацией и странами Юго-Восточной Азии, 2017–2024, тыс. долл.
 Table 1. Trade turnover between the Russian Federation and the countries of Southeast Asia, 2017–2024, thousand USD.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025 (янв–июль)
Вьетнам	3557980	4577504	4502706	4914700	5507345	3547283	3632031	4583935	–
Таиланд	3141297	3594985	3165774	2561583	2792371	1875582	1535292	1579327	1079480
Сингапур	5345748	6338319	5267780	1924529	3754009	2474529	3718223	4496768	3154500
Малайзия	1477596	1844240	1954181	1475253	2119756	2879387	3121786	2509241	–
Индонезия	2528429	2552260	2068540	1931709	2746725	3567085	3346827	3555218	2955513
Мьянма	50086	50217	50852	58308	34444	32814	63607	51055	–
Камбоджа	58002	92979	55671	64386	97208	56395	26393	29609	–
Филиппины	564534	1383346	1112290	910706	858407	705137	215452	113790	52907
Лаос	9496	1149	11074	6951	29199	11350	3986	6000	4000
Бруней	346	217	631	203749	198452	231467	239984	825833	–

Источник: составлено авторами на основе [18; 19; 20; 21; 23; 24; 25].

Source: compiled by the authors based on [18; 19; 20; 21; 23; 24; 25].

сразу после февраля 2022 г. начался "обвал" российско-вьетнамских отношений. "Во многих сферах отношения с Россией прекратились, причём в ряде вьетнамских ведомств угрозы со стороны США практически не встретили серьёзного сопротивления, и требования американцев выполнялись в полном объёме. Российским представителям просто указывали на то, что вьетнамцы вынуждены следовать американским требованиям, и они не могут идти против США" [10, с. 135].

Такая позиция объяснялась прежде всего зависимостью от торговли с США. Америка – наиболее важный рынок для Вьетнама, куда в 2022 г. было экспортировано вьетнамских товаров на сумму 117 млрд долл. Существенным фактором является также наличие немалого количества проамериканских фигур в руководстве вьетнамских государственных структур и бизнеса [10, с. 136]. Политическое давление из Вашингтона и угрозы вторичных санкций привели к резкому падению российско-вьетнамской торговли. По инициативе вьетнамской стороны с марта 2022 г. было полностью приостановлено воздушное сообщение между двумя странами.

Оправившись от шока, связанного с началом СВО и последовавшей за этим антироссийской кампанией Запада, высшее руководство Вьетнама всё же приняло принципиальное решение в пользу сохранения тесных стратегических отношений с Россией. В июле 2022 г. в столицу Вьетнама совершил визит министр иностранных дел Сергей Лавров, которому был оказан тёплый приём. Как отмечает Дм. Мосяков, "с точки зрения вьетнамской геополитики, отказаться от сотрудничества и взаимодействия с Россией было бы крайне рискованным шагом, особенно в условиях нагнетания напряжённости в Южно-Китайском море и обострения американо-китайских противоречий и глубокого кризиса АСЕАН" [10, с. 137].

Полное восстановление политических отношений стратегического партнерства РФ и СРВ произошло в ходе визита во Вьетнам В. Путина в июне 2024 г., в рамках которого было подписано 15 двусторонних документов. В 2025 г. российско-вьетнамские отношения продолжали развиваться в пози-

тивной динамике. Год начался с посещения Вьетнама премьер-министра М. Мишустина в январе. Главным событием стал официальный визит в Москву высшего вьетнамского лидера, генерального секретаря Коммунистической партии Вьетнама То Лама. Пребывание То Лама в России длилось с 8 по 11 мая и было приурочено к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Визит увенчался подписанием 25 российско-вьетнамских документов, среди которых выделялся пакет соглашений в сфере нефти и газа, и принятием объёмной совместной декларации. В документах утверждалась готовность России и Вьетнама к "сохранению и преумножению традиций дружбы, выведению российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнёрства на качественно новый уровень" [13].

Примечательно, что Россия и Вьетнам подтвердили "всеобъемлющий и единый характер Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая является правовой основой любой деятельности на море и в океане". Здесь же было заявлено о том, что стороны договорились "координировать действия по обеспечению безопасности и свободы судоходства". Такие формулировки свидетельствуют о том, что Москва не игнорирует озабоченности Ханоя по проблематике Южно-Китайского моря, где Вьетнам, как известно, спорит с Китаем о правах на суверенитет над рядом островов и акваторий. Очевидно, что Россия не собирается занимать в этом вопросе прокитайскую позицию, и это ценят в Ханое. В мае 2025 г. во Владивостоке состоялась церемония передачи в дар Вьетнаму научно-исследовательского судна "Профессор Гагаринский". В этом акте присутствовал и геополитический контекст, поскольку судно будет "проводить исследования на удалённых акваториях моря Вьетнама", т. е. Южно-Китайского моря.

После майских переговоров на высшем уровне в Москве в течение 2025 г. состоялось ещё несколько значимых визитов и встреч: приезд в Москву супруги То Лама Нго Фыонг Ли во главе делегации своей страны на фестиваль вьетнамской культуры; встреча В. Путина с премьер-министром Вьетнама Фам Минь Тинем в начале сентября в Тяньцзине на полях заседания "ШОС плюс"; встреча с президентом СРВ Лыонг Кыонгом в том же месяце в Пекине, где проходили торжества по случаю 80-летия окончания Второй мировой войны.

В 2024 и 2025 гг. в значительной мере восстановилось авиасообщение между двумя странами. По состоянию на август 2025 г. 5 российских авиакомпаний выполняли во вьетнамские города 23 полёта в неделю, возобновились полёты в Россию авиакомпаний Vietnam Airlines и Vietjet Air.

Прежде всего, в силу географии, российский Дальний Восток всегда играл особую роль в российско-вьетнамских отношениях². Символический отсчёт можно вести с 1924 г., когда во Владивостоке впервые побывал Хо Ши Мин, совершивший здесь транзитную остановку на пути в Китай.

Объём товарной торговли между российским Дальним Востоком и Вьетнамом, равно как и другими странами АСЕАН, невелик. Главная функция Дальнего Востока в российско-вьетнамских отношениях – транспортно-логистическая. Именно через морские порты регионов Дальневосточного федерального округа (прежде всего, Владивостока и Находки) проходит основная часть экспорта и импорта между Россией и Вьетнамом, а также другими странами ЮВА. Тем не менее экспортно-импортные потоки в направлении ЮВА пока весьма скромны в сравнении с Китаем и даже Южной Кореей. В качестве показательного примера приведём данные за 2024 г. одной из работающих во Владивостоке логистических компаний об осуществлённых ею доставках импортных сборных контейнерных грузов во Владивостокский морской торговый порт (ВМТП). На первом месте с подавляющим перевесом находятся отгрузки из портов материкового Китая (792), на втором месте – Гонконг (153), на третьем – Южная Корея (134). Далее следуют Тайвань (17) и Индия (14). На страны Юго-Восточной Азии приходятся единичные импортные поставки – Индонезия (5), Вьетнам (4–3 из порта Хошимина и 1 из Хайфона), Таиланд

² Не случайно, что именно во Владивостоке расположено одно из двух генеральных консульств СРВ в России (второе находится в Екатеринбурге).

(3), Малайзия (2), Филиппины (2). Кроме того, в 2024 г. были зарегистрированы по 1 отгрузке из Бангладеш и Японии³.

В мае 2022 г. базирующаяся во Владивостоке судоходная компания FESCO запустила регулярную морскую линию FESCO Vietnam Direct Line по маршруту Владивостокский морской торговый порт – Хошимин – Хайфон. На линии перевозятся контейнерные и другие грузы, включая тяжеловесное и специализированное оборудование. Подготовка к открытию первой прямой судоходной линии между Россией и Вьетнамом (и странами ЮВА в целом) шла давно⁴ и её запуску не помешали даже введённые антироссийские санкции. Строго говоря, эта линия не является прямой, поскольку обслуживающие её суда FESCO заходят также в китайские порты [9]. Необходимость транзитных заходов в Китай связана с тем, что, как уже отмечалось выше, товарооборот между Россией и странами ЮВА пока ещё не столь значительный.

В декабре 2023 г. FESCO договорилась о расширении сотрудничества в области контейнерных перевозок между Россией и странами ЮВА с морским контейнерным терминалом SP-ITC в порту Хошимин. Соответствующее соглашение о намерениях было подписано между FESCO и вьетнамской корпорацией ITC. Стороны договорились увеличить контейнерные отправки через терминал SP-ITC как из Вьетнама, так и из Таиланда, Малайзии, Мьянмы и других государств региона, а также в обратном направлении – из России. На базе терминала SP-ITC уже действует региональный хаб FESCO для трансшипмента, где консолидируются контейнерные грузы, которые доставляются фидерными линиями из различных стран ЮВА, для дальнейшей отправки в Россию [17]. В августе 2024 г. FESCO открыла в ЮВА новый морской сервис, но без судозаходов в российские порты – контейнерную линию, соединяющую Хошимин с малайзийским Порт-Клангом.

В 2010-е гг. Вьетнам начал пользоваться всё большей популярностью в качестве места отдыха среди российских, особенно дальневосточных, туристов. После паузы, обусловленной пандемией коронавируса и санкционным шоком, российские туристы начали возвращаться во Вьетнам. Рост турпотока создаёт спрос на прямые авиаперевозки, на что быстро отреагировали как российские, так и вьетнамские авиакомпании. Так, весной 2025 г. из Хабаровска и Владивостока в Камрань начала летать российская чартерная авиакомпания AZUR Air. В июне вьетнамская частная авиакомпания Vietjet Air в партнёрстве с российской туркомпанией Anex начала полёты из Владивостока, Благовещенска и Хабаровска в Камрань. VietJet Air также планирует запустить прямой рейс между Ханоем и Владивостоком. С октября 2025 г. прямые регулярные рейсы в Нячанг из Владивостока (а также из Новосибирска) начал выполнять "Аэрофлот".

Однако турпоток чувствителен к колебаниям валютных курсов. Если курс рубля начнёт существенно снижаться, это приведёт к уменьшению числа поездок во Вьетнам и, соответственно, к прекращению многих авиарейсов, которые были открыты в расчёте на туристов. Нет пока и заметного встречного потока туристов из Вьетнама на российский Дальний Восток. Возможно, он появится в будущем по мере роста доходов населения Вьетнама.

Заметным фактором трансграничных связей между российским Дальним Востоком и Вьетнамом является наличие в регионе вьетнамской диаспоры. По некоторым оценкам, в настоящее время на российском Дальнем Востоке постоянно проживает около 2 тыс. граждан Вьетнама, большинство из них (около 1,5 тыс.) – во Владивостоке⁵. В основном они занимаются малым предпринимательством. С середины 2010-х гг. наблюдается тенденция к уменьшению количества вьетнамских мигрантов в регионе, что в основном

³ Данные предоставлены экспертом Научно-образовательного Центра прикладного востоковедения Восточного института ДВФУ В. В. Петраковым.

⁴ Выступление председателя Торгово-промышленной палаты Приморского края Б.М. Ступницкого на круглом столе «Вьетнам и российский Дальний Восток: перспективы сотрудничества». Владивосток, ДВФУ. 13.06.2023.

⁵ Данные предоставлены научным сотрудником Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук Нгуен Ань Намом, который в середине 2024 г. провёл исследование по оценке численности вьетнамских мигрантов на Дальнем Востоке.

вызвано экономическими причинами. Замедление российской экономики сужает возможности для бизнеса и заработка, а волатильность курса рубля и скачки курса доллара по отношению к российской валюте сокращают суммы, которые вьетнамцы могут переводить своим семьям на родину. Очевидно, что успешное экономическое развитие самого Вьетнама тоже сокращает количество вьетнамцев, стремящихся искать лучшей доли в России.

Мьянма

Мьянма – единственная страна АСЕАН, открыто поддерживающая специальную военную операцию России. Генерал Мин Аун Хлайн, возглавляющий Мьянму с февраля 2021 г., является бесспорным рекордсменом по посещениям России среди руководителей стран ЮВА и, вероятно, среди иностранных лидеров в целом. Так, только в течение 2025 г. он совершил четыре визита в Россию, в том числе в Бурятию (Мин Аун Хлайн уже неоднократно посещал Бурятию, подчёркивая общие духовные узы между буддистской Мьянмой и главным буддистским регионом России).

Горячее стремление Нейпидо дружить с Москвой во многом объясняется частичной международной изоляцией страны после установления в Мьянме военной администрации в феврале 2021 г. Сам Путин ни до, ни после 2022 г. ни разу не посещал Мьянму, но туда регулярно приезжают с официальными визитами высокопоставленные российские чиновники и военные. Отношения с Мьянмой характеризуются как "дружественные" и "партнёрские", хотя без формулировки "стратегическое партнёрство" [14].

Как сообщил В. Путин, торговля между Россией и Мьянмой в 2024 г. составила около 2 млрд долл., увеличившись на 40% к предыдущему году [3]. Названная Путиным цифра разительно отличается от данных, зарегистрированных международной статистикой, которые оценивают российско-мьянманскую торговлю за 2024 г. в лишь 51 млн долл. (табл. 1). Столь существенные расхождения объясняются в том числе тем, что и Россия, и Мьянма, находясь под западными санкциями, не заинтересованы в афишировании взаимных торговых операций и особенно каналов и средств взаиморасчётов.

Взаимодействие российского Дальнего Востока с Мьянмой пока нельзя назвать интенсивным. Торговля между дальневосточными регионами и этой страной ЮВА практически отсутствует. Транспортно-логистические центры российского Дальнего Востока также не играют заметной роли в обслуживании контактов России с Мьянмой. Два пока единственных генеральных консульства Мьянмы в России были открыты не на Дальнем Востоке, а в Новосибирске и Санкт-Петербурге (это произошло во время визита Мин Аун Хлайн в марте 2025 г.). В сентябре 2025 г. Мин Аун Хлайн сообщил о намерении открыть "в ближайшее время" генеральное консульство Мьянмы во Владивостоке, но когда именно это произойдет, пока неизвестно.

Потенциально перспективным направлением взаимодействия может стать привлечение работников из Мьянмы в Россию. Приморский край и Амурская область стали одними из первых регионов РФ, куда с конца 2024 г. стали прибывать партии мьянманских рабочих строительных специальностей, хотя их количество, измеряемое несколькими десятками человек, пока скорее носит пробный характер [7].

Главным ограничителем экономического взаимодействия между Россией, в том числе её Дальним Востоком, и Мьянмой выступает внутренняя ситуация в этой стране, которая является беднейшим (по душевому ВВП и индексу человеческого развития) государством ЮВА, а значительная часть её территории охвачена вооружёнными конфликтами и не контролируется центральным правительством.

Лаос

Лаос – один из наиболее лояльных партнеров России в ЮВА. Важной стороной двустороннего взаимодействия является сотрудничество в области безопасности. В частности, с 2019 г. ежегодно проходят двусторонние военные учения "Ларос" поочерёдно на территории Лаоса и на полигоне "Сергеевский" в Приморском крае.

В последние годы Россия наращивает экспорт в Лаос. Так, экспорт агропродукции за первые четыре месяца 2025 г. в 2,3 раза превысил показатель

предыдущего года [12]. Эти обстоятельства обуславливают интерес к развитию транспортно-логистического сообщения между странами. В настоящее время Россия осуществляет интермодальные перевозки через порты Вьетнама, в рамках которых грузы доставляются автотранспортом из Лаоса во Вьетнам, после чего их доставка морским путем во Владивосток осуществляется группой FESCO. В ходе российско-лаосского саммита в июле 2025 г. В. Путин объявил о планах увеличить объём морских контейнерных перевозок по этому маршруту, а также организовать транспортировку железнодорожных грузов в Лаос через территорию Китая [2].

Ряд лаосских банков подключен к платежной системе "Мир" и принимает российские карты, а банк JDB и базирующийся во Владивостоке "Солид Банк" договорились о партнёрстве по осуществлению недолларовых взаиморасчётов [6].

Имеются гуманитарные обмены и официальные контакты на региональном уровне. В 2022 и 2023 гг. делегации из Лаоса приняли администрация Владивостока и губернатор Приморского края О. Кожемяко.

Индонезия

По результатам встречи В. Путина и президента Индонезии Прабово Субианто в Москве летом 2025 г. Россия и Индонезия повысили статус своих отношений до уровня стратегического партнёрства. Готовится к подписанию соглашение о свободной торговле между Индонезией и ЕАЭС.

Значимый аспект межгосударственного взаимодействия России и Индонезии – военное сотрудничество и обмены. Представители Индонезии участвовали в международных антитеррористических учениях в Приморье в сентябре 2023 г. В 2024 г. подводная лодка "Уфа" завершила переход из Балтики во Владивосток, посетив порт в Индонезии и приняв участие в российско-индонезийских учениях "Орруда-2024"; в 2025 г. отряд кораблей Тихоокеанского флота завершил поход в Индийском и Тихом океанах, приняв участие в учениях "Комодо-2025" в Индонезии; в сентябре 2024 г. Владивосток посетил учебный парусник военно-морских сил Индонезии *Vima Suci*.

На данный момент между российским Дальним Востоком и Индонезией нет прямых авиарейсов, хотя с 2023 г. прорабатывается вопрос организации прямого авиасообщения по маршрутам Владивосток – Джакарта и Владивосток – Денпасар [5].

Малайзия

Двусторонние отношения России и Малайзии отличаются стабильностью и несут характер прагматичного партнёрства. В сентябре 2024 г. премьер-министр Малайзии Анвар Ибрагим посетил Восточный экономический форум, а в мае 2025 г. провёл переговоры с Путиным в Москве.

Основу взаимодействия России и Малайзии сегодня составляет торговое и логистическое сотрудничество. Поставки через российский Дальний Восток осуществляют различные торговые компании, в том числе – через схемы параллельного импорта [11]. В остальном взаимодействие российского Дальнего Востока и Малайзии остаётся достаточно ограниченным. В числе недавних значимых контактов можно выделить сотрудничество по военной линии – в мае 2025 г. отряд кораблей Тихоокеанского флота провёл военные маневры совместно с участниками военно-морской выставки LIMA 2025, а делегация ВМФ РФ приняла участие в деловой программе выставки и провела встречи с представителями командования ВМС Малайзии.

Таиланд

Несмотря на негативное влияние антироссийских санкций Россия и Таиланд продолжают сохранять стабильные и конструктивные отношения. Главным аспектом взаимодействия российского Дальнего Востока и Таиланда является туризм. Таиланд с большим отрывом лидирует среди направленных зимних поездок туристов из Приморского края. Владивосток и другие города ДФО связывает прямое авиасообщение с Бангкоком, Пхукетом и Утапао, осуществляемое российскими авиакомпаниями. Важным обстоятельством, способствующим росту турпотока, является наличие безвизового въезда в Таиланд для россиян.

Камбоджа

Интенсивность политических, экономических и социально-гуманитарных контактов между РФ и Королевством Камбоджа невелика. Сразу после начала СВО Пномпень осудил действия РФ, но уже через несколько месяцев скорректировал свою позицию в направлении нейтралитета. В августе и ноябре 2022 г. в Пномпене принимали министра иностранных дел России С. Лаврова, который участвовал там в мероприятиях АСЕАН и Восточноазиатского саммита. Однако представители камбоджийского руководства не посещали Россию после начала СВО. Заседание российско-камбоджийской межправкомиссии, состоявшееся в апреле 2025 г. после восьмилетнего перерыва, прошло лишь в режиме видеоконференции [8]. Между дальневосточными регионами РФ и Камбоджей сколько-нибудь значимое взаимодействие на сегодняшний день отсутствует.

Бруней

Султанат Бруней занял позицию нейтралитета по украинскому конфликту. При этом после 2022 г. отмечается существенный рост российско-брунейской торговли, что объясняется переориентацией российской нефти Urals с Европы на новые рынки. В 2025 г. Россия также начала поставки в Бруней арктической нефти, используя Северный морской путь [22]. Что касается взаимодействия между Брунеем и российским Дальним Востоком, то значимые связи отсутствовали как до, так и после 2022 г.

Филиппины

Хотя Филиппины не были включены Москвой в список "недружественных стран", общая прозападная направленность внешней политики государства и наличие альянса с США являются препятствием для развития сотрудничества Москвы и Манилы. Связи между двумя государствами активно развивались во время президентства Родриго Дутерте (2016–2022 гг.), видевшего Россию в качестве одного из каналов диверсификации международных связей. Однако приход к власти в 2022 г. проамериканского президента Ф. Маркоса-младшего вызвал существенное охлаждение отношений между Россией и Филиппинами.

Контакты между российским Дальним Востоком и Филиппинами никогда не были интенсивными. В последние годы стороны поддерживают связи преимущественно на межрегиональном уровне. В сентябре 2022 г. Владивосток и город Себу заключили Соглашение о дружбе и сотрудничестве, договорившись налаживать экономические и социокультурные контакты. В 2023 г. начал прорабатываться вопрос повышения статуса отношений между двумя городами до установления побратимских связей [15].

Филиппины являются одним из зарубежных туристических направлений для жителей российского Дальнего Востока. В сентябре 2025 г. компания IRAERO запустила прямые рейсы на о. Боракай из Иркутска и Хабаровска.

Сингапур

Сингапур стал единственным государством АСЕАН, правительство которого ввело односторонние санкции против России после начала СВО. В частности, был запрещён экспорт в Россию товаров военного и двойного назначения, в том числе электроники, компьютеров, телекоммуникационного оборудования. Были введены меры, запрещающие сингапурским финансовым учреждениям заключать сделки и устанавливать деловые отношения с рядом российских банков, предоставлять помощь и финансовые услуги в интересах правительства РФ, ЦБ и аффилированных юрлиц [4]. Сингапур также отказался от ратификации подписанного в 2019 г. соглашения о свободной торговле с ЕАЭС. Официальные политические контакты на высоком уровне между Москвой и Сингапуром были заморожены и остаются в таком состоянии.

Введение Сингапуром санкций против России во многом было предопределено тесными связями города-государства с США и другими странами коллективного Запада. Кроме того, Сингапур, будучи глобальным финансовым центром, сильно завязан на долларовую систему и, следовательно, край-

Табл. 2. Численность студентов и аспирантов в ДВФУ из стран ЮВА
 Table 2. Number of Undergraduate and Graduate Students at FEFU from Southeast Asian Countries.

	2017	2019	2022	2023	2024
Вьетнам	76	46	66	98	42
Таиланд	0	0	2	2	2
Сингапур	0	0	0	0	0
Малайзия	4	2	0	0	0
Индонезия	11	19	10	14	7
Мьянма	0	0	0	0	0
Камбоджа	0	0	0	1	1
Филиппины	0	0	0	0	0
Лаос	2	7	2	0	0
Бруней	0	0	0	0	0

Источник: составлено авторами на основе данных, предоставленных Службой проректора по международным отношениям ДВФУ

Source: compiled by the authors based on data provided by the Office of the Vice President for International Relations of FEFU

не уязвим перед вторичными санкциями США. В таких условиях у Сингапура, по сути, не было выбора⁶.

Тем не менее Сингапур отнюдь не прекратил коммерцию с Россией, а в ряде областей даже её нарастил. Прежде всего, он значительно увеличил импорт российской нефти и нефтепродуктов, которые ранее предназначались для европейского рынка, зарабатывая немалые деньги на их перепродаже. По итогам 2024 г. Сингапур стал вторым по значимости после Вьетнама торговым партнером России в ЮВА.

Экономические и социальные связи российского Дальнего Востока с Сингапуром в досанкционную эпоху носили ограниченный характер, поэтому санкции не могли нанести им заметного ущерба. Самой крупной сингапурской транзакцией на Дальнем Востоке стало приобретение компанией Changi Airports International доли 33% в Международном аэропорту Владивостока в 2016 г. Сведений о том, что Changi после 2022 г. вышла (или была выведена) из состава собственников аэропорта, в публичном пространстве не обнаружено. Это может сигнализировать в том числе о том, что Сингапур заинтересован в сохранении своего присутствия на российском Дальнем Востоке.

Сотрудничество в сфере высшего образования⁷

Высшее образование является пока сравнительно небольшим, но перспективным сектором сотрудничества между российским Дальним Востоком и странами ЮВА. Лидером здесь выступает Дальневосточный федеральный университет, самый крупный и наиболее интернационализированный вуз ДФО. В 2024–2025 учебном году в ДВФУ обучалось 52 студента из стран ЮВА, в основном вьетнамцы. Это относительно немного, учитывая, что общая численность иностранных студентов университета составляет около 3 тыс. По количеству студентов в ДВФУ, страны ЮВА отстают даже от стран Южной Америки, таких как Колумбия и Эквадор [16]. В отличие от студентов из Ки-

⁶ Беседа с сингапурским дипломатом. Сентябрь 2023 г., Владивосток.

⁷ Авторы признательны директору департамента международного сотрудничества ДВФУ Я.Н. Шевченко за помощь в подготовке этого раздела.

тая, Индии и Южной Америки, большинство из которых сами платят за своё обучение, почти все вьетнамские студенты в ДВФУ, как и в других российских вузах, учатся на бюджетных местах в рамках квоты, выделяемой Вьетнаму правительством РФ.

По состоянию на сентябрь 2025 г., у ДВФУ имеется 12 действующих договоров с вьетнамскими образовательными и научными организациями. Среди других партнеров ДВФУ в ЮВА – Малайзия, Мьянма, Филиппины, Таиланд и Индонезия. Ранее ДВФУ также поддерживал сотрудничество с Сингапуром, которое приостановилось вследствие пандемии и введения санкций. В сентябре 2025 г. ДВФУ объявил о создании Российско-Азиатского факультета, который заявлен как первая в России платформа, консолидирующая в единой структуре совместные образовательные программы с университетами стран Азии. Партнёрами ДВФУ по проекту выступили вузы Китая, Индии, а также двух стран ЮВА – Вьетнама (Университет Дананга) и Таиланда (Национальный институт управления развитием).

Заключение

После февраля 2022 г. отношения стран ЮВА с Россией развивались по такой же траектории, как и с подавляющим большинством других государств Глобального Юга. Асеановцы, большинство из которых в марте 2022 г. выступили против Москвы в ооновских голосованиях, уже через несколько месяцев переместились на позицию нейтралитета по вопросу конфликта на Украине. В экономической сфере санкции сначала привели к сокращению контактов между РФ и странами АСЕАН, но уже с 2023 г. начался устойчивый рост объёмов торговли. Как показывает наше исследование, официальная позиция государства по украинскому конфликту не находится в прямой корреляции с его готовностью поддерживать экономические отношения с РФ. Даже Сингапур, который единственным из АСЕАН ввёл санкции против России, не стал избегать возможности зарабатывать на перепродаже российской нефти. Вьетнам – показательный пример страны ЮВА, которая весьма зависит от торговли США и в целом чувствительна к мнению стран Запада, однако не пожелала рвать исторически тесные отношения с Россией.

Такой выбор стран ЮВА объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, украинский конфликт слишком далёк от них – и географически, и ментально. Во-вторых, после обострения ситуации на Ближнем Востоке в октябре 2023 г. страны ЮВА, особенно мусульманские Малайзия и Индонезия, усмотрели в поведении США и других государств Запада лицемерие и двойные стандарты. В-третьих, ряд государств АСЕАН хотят, чтобы Россия сохраняла значимое присутствие в ЮВА в качестве дополнительного геополитического балансира, что особенно важно в условиях нарастающего соперничества между США и Китаем. В-четвертых, сохраняется прагматичная заинтересованность стран ЮВА в экономическом и социально-гуманитарном сотрудничестве с РФ.

Территории Дальнего Востока, в первую очередь Приморский край, выполняют прежде всего транспортно-логистическую функцию в сотрудничестве между Россией и ЮВА. После февраля 2022 г. эта значимость Дальнего Востока, особенно его морских портов, возросла. С учётом всё более напряжённой ситуации в Балтийском и Черном морях, транспортно-логистическая миссия Дальнего Востока в обеспечении связей России со странами ЮВА будет становиться всё более важной.

Одной из значимых потенциальных сфер сотрудничества между российским Дальним Востоком и странами ЮВА является высшее образование. Учитывая, что демография АСЕАН характеризуется большой долей молодежи, которая предъявляет растущий спрос на образование, вузы ДФО имеют шанс увеличить экспорт своих услуг в страны ЮВА.

Литература / References

1. Заявления для прессы по итогам российско-вьетнамских переговоров // Сайт Президента РФ. 10.05.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76892> (дата обращения: 07.10.2025)
Press statements following Russian-Vietnamese talks // Official Website of the President of the Russian Federation. 10.05.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76892> (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
2. Заявления по итогам российско-лаосских переговоров // Администрация Президента России. 31.07.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/77602> (дата обращения: 02.09.2025)
Statements following Russian-Laotian talks // Official Website of the President of the Russian Federation. 31.07.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/77602> (accessed 02.09.2025) (In Russ.)
3. Заявления по итогам российско-мьянманских переговоров // Сайт Президента РФ. 04.03.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76404> (дата обращения: 07.10.2025)
Statements following Russian-Myanmar talks // Official Website of the President of the Russian Federation. 04.03.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76404> (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
4. Иванов М., Королев А. Санкции повышенного комфорта: к чему привели торговые ограничения Сингапура против России? *Россия в глобальной политике*. 07.11.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-singapura-ivanov-korolyov/> (дата обращения: 07.10.2025)
Ivanov M., Korolev A. Enhanced Sanctions: What Have Singapore's Trade Restrictions Against Russia Led To? *Russia in Global Affairs*. 07.11.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-singapura-ivanov-korolyov/> (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
5. Индонезия откроет авиасообщение с Владивостоком через Джакарту // PrimaMedia. 20.05.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1507820> (дата обращения: 03.09.2025)
Indonesia to open air service to Vladivostok via Jakarta // PrimaMedia. 20.05.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1507820> (accessed 03.09.2025) (In Russ.)
6. Лаосский JDB-банк и "Солид Банк" договорились о взаиморасчетах в валютах, альтернативных доллару США // SM.News. 05.09.2022. URL: <https://vladivostok.sm.news/laoskij-jdb-bank-i-solid-bank-dogovorilis-o-vzaimoraschetax-v-valyutax-alternativnyx-dollaru-ssha-79351-u3t5/> (дата обращения: 08.09.2025)
Lao JDB Bank and Solid Bank agreed on mutual settlements in currencies alternative to the US dollar // SM.News. 05.09.2022. URL: <https://vladivostok.sm.news/laoskij-jdb-bank-i-solid-bank-dogovorilis-o-vzaimoraschetax-v-valyutax-alternativnyx-dollaru-ssha-79351-u3t5/> (accessed 08.09.2025) (In Russ.)
7. Мигрантов из Мьянмы впервые привлекли как минимум два региона России. *Ведомости*. 10.03.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/10/1096947-migrantov-iz-myanmi-privlekli-dva-regiona-rossii> (дата обращения: 07.10.2025)
At least two Russian regions have attracted migrants from Myanmar for the first time. *Vedomosti*. 10.03.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/10/1096947-migrantov-iz-myanmi-privlekli-dva-regiona-rossii> (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
8. Минэкономразвития: в 2024 году Россия и Камбоджа нарастили взаимный товарооборот на 8% // Сайт Минэкономразвития РФ. 29.04.2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_2024_godu_rossiya_i_kambodzha_narastili_vzaimnyy_tovarooborot_na_8.html (дата обращения: 07.10.2025)
Ministry of Economic Development: in 2024, Russia and Cambodia increased mutual trade turnover by 8% // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 29.04.2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_2024_godu_rossiya_i_kambodzha_narastili_vzaimnyy_tovarooborot_na_8.html (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
9. Морские перевозки из Вьетнама в Россию (FVDL) // FESCO. URL: <https://www.fesco.ru/ru/clients/container/line/fvdl/> (дата обращения: 07.10.2025)
Sea freight from Vietnam to Russia (FVDL) // FESCO. URL: <https://www.fesco.ru/ru/clients/container/line/fvdl/> (accessed 07.10.2025) (In Russ.)
10. Мосяков Д.В. Отношения России и Вьетнама до и после начала СВО. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2024. Т. 3, № 3 (64). С. 127–143. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-127-143>
Mosyakov, D.V. Relations between Russia and Vietnam before and after the Beginning of a Special Military Operation. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2024. Vol. 3, No. 3 (64). P. 127–143. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-127-143> (In Russ.)
11. Параллельный импорт в Малайзии // Malaysian Trading Company. URL: <https://exportmalaysia.ru/parallelnyj-import/> (дата обращения: 07.09.2025)
Parallel imports in Malaysia // Malaysian Trading Company. URL: <https://exportmalaysia.ru/parallelnyj-import/> (accessed 07.09.2025) (In Russ.)
12. РФ в этом году экспортировала в Лаос более 180 тонн рыбных консервов // Финмаркет. 20.05.2025. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6400037> (дата обращения: 02.09.2025)

Становление и развитие международных связей институтов ДВО РАН в начале 1990-х годов

Светлана Михайловна Дударенок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию международных связей институтов ДВО РАН в начале 1990-х гг. В ней характеризуются причины интереса в данный период зарубежных научных фондов и организаций к научным направлениям и значимым достижениям учёных ДВО РАН; характеризуются основные направления международной деятельности институтов ДВО РАН в начале 1990-х гг. Основным источником для написания данной статьи послужили материалы Научного архива Президиума ДВО РАН (НА ДВО РАН), в первую очередь научные отчёты, в которых, наряду с другими достижениями, охарактеризованы процессы становления и развития международных научных связей институтов ДВО РАН в исследуемый период. Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя корпоративный анализ состояния международных контактов дальневосточных учёных, участия различных фондов в проведении фундаментальных исследований институтов ДВО РАН, направлений помощи, оказываемой дальневосточным учёным международными научными фондами и организациями в начале 1990-х гг. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого и настоящего. В заключении статьи делается вывод, что международные научные фонды и организации, материально поддержавшие в начале 1990-х гг. перспективные научные исследования дальневосточных учёных, сыграли определенную роль в сохранении дальневосточной академической науки.

Ключевые слова: Дальневосточное отделение Российской академии наук, международные научные фонды, международное сотрудничество, международные научные экспедиции, перспективные направления научных исследований, обменные программы, Дальний Восток России

Для цитирования: Дударенок С. М. Становление и развитие международных связей институтов ДВО РАН в начале 1990-х годов. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 162–172.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/162-172>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/162-172>

Formation and development of international relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the early 1990s

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the formation and development of international relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the early 1990s. It characterizes the reasons for the interest of foreign scientific foundations and organizations in this period in scientific areas and significant achievements of scientists of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; characterizes the main directions of international activity institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the early 1990s. The main sources for writing this article were the materials of the Scientific Archive of the Presidium of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (at the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences), primarily scientific reports, which, along with other achievements, characterize the processes of formation and development of international scientific relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences during the period under study. The methodology chosen by the author for this study includes a corporate analysis of the state of international contacts of Far Eastern scientists, the participation of various foundations in conducting fundamental research of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, and the areas of assistance provided to Far Eastern scientists by international scientific foundations and organizations in the early 1990s. The work is based on a complex, system-historical approach to the study of the past and present. In conclusion, it is concluded that international scientific foundations and organizations that financially supported the promising scientific research of Far Eastern scientists in the early 1990s played a certain role in the preservation of Far Eastern academic science.

Key words: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, international scientific foundations, international cooperation, international scientific expeditions, promising areas of scientific research, exchange programs, Russian Far East

For citation: Dudarenok S. M. Formation and development of international relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the early 1990s. *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 162–172. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/162-172>

Введение

Международное научное сотрудничество было и остаётся важнейшим фактором развития науки и технологий. Беспрецедентные санкции, обрушившиеся в последние годы на Российскую Федерацию, практика разрыва отно-

шений между российскими научными учреждениями и остальным научным миром грозят обесценить всё, что было сделано в данной области за последние три десятилетия. В данной ситуации актуальным является обращение к истокам становления международного научного сотрудничества учреждений РАН, в том числе Дальневосточного отделения РАН в первые постсоветские годы, анализ причин интереса зарубежных научных организаций и фондов к российской науке в целом и к результатам научных исследований отечественных учёных.

Долгое время наука в СССР была делом государственным и находилась на почти полном (95%) государственном "довольствии". В начале 1990-х гг., в условиях начавшихся социально-экономических преобразований российская наука впервые за послевоенную историю оказалась на периферии государственных интересов и перестала рассматриваться властью в качестве приоритетной отрасли деятельности [13; 14]. Это проявилась, в частности, в резком сокращении государственного финансирования науки. С 1991 по 1995 гг. затраты на НИР не превышали 1% ВВП, что характерно для стран, практически не развивающих (или не имеющих) собственной науки [15]. О кризисных явлениях в институтах ДВО РАН мы уже писали [8].

Значительную помощь в сохранении дальневосточной академической науки в начале 1990-х гг. сыграли международные научные фонды и организации, материально поддерживавшие перспективные научные исследования дальневосточных учёных.

Историография проблемы. Некоторые вопросы становления и развития международных контактов научных учреждений институтов РАН, в том числе и институтов ДВО РАН, их эффективность, были предметом изучения уже в 1990-е гг. [2; 9; 10]. Вопрос о роли и значении международных научных фондов в преодолении кризисных явлений в российской науке продолжает интересовать исследователей [1; 3; 4; 5; 6; 7; 16; 17]. Авторами высказываются диаметрально противоположные позиции от восторженных, утверждающих, что международные научные фонды и организации спасли российскую науку, до сугубо отрицательных, обвиняющих международные научные фонды и организации в "утечке мозгов" и присвоении научных достижений российских учёных.

В современной историографии пока не существует целостной картины зарождения и развития в 1990-е гг. международных контактов институтов ДВО РАН, роли в этом процессе международных научных фондов и организаций.

Целью данной статьи является общая характеристика международных научных связей ДВО РАН в начале 1990-х гг.; анализ основных причин интереса международных научных фондов и организаций к научным разработкам учёных ДВО РАН и оценка результатов международных контактов для дальнейшего развития научных исследований.

Источниковая база исследования представлена материалами Научного архива (НА) Президиума ДВО РАН, в первую очередь научными отчётами институтов ДВО РАН, в которых, наряду с другими достижениями, охарактеризованы процессы становления и развития международных научных связей институтов.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя корпоративный анализ состояния международных контактов дальневосточных учёных, участия различных фондов в проведении фундаментальных исследований институтов ДВО РАН, направлений помощи, оказываемой дальневосточным учёным международными научными фондами и организациями в начале 1990-х гг. Работа основывается на комплексном системно-историческом подходе к изучению прошлого и настоящего.

Развитие международного сотрудничества институтов ДВО РАН в 1992–1993 гг.

Началом активного присутствия зарубежных фондов и международных организаций в российской науке можно считать 1992–1993 гг., когда в России были открыты представительства ряда организаций и фондов и объявлены открытые конкурсы проектов. Хотя первые программы помощи российской науке начались в 1991 г., незадолго до распада СССР, отдельные междуна-

родные программы реализовывались институтами ДВНЦ АН СССР ещё с начала 1970-х гг.

Так, например, в 1974 г. был проведён первый советско-японский симпозиум по биологии морских моллюсков и иглокожих в г. Находке; в 1979 г. учёные ДВНЦ АН СССР приняли активное участие в организации и проведении 14-го Тихоокеанского научного конгресса (Pacific Science Congress) в г. Хабаровске; в 1980-е гг. прошла серия советско-вьетнамских совещаний по морской биологии; в 1970-е – 1980-е гг. ИБМ были проведены морские и береговые экспедиции в Тихий (западная часть) и Индийский океаны с участием учёных из Вьетнама, Австралии, США и других стран. Проводили совместные экспедиции и исследования учёные и других институтов ДВНЦ АН СССР.

С 1988 г. ДВГИ ДВО РАН и Геологическая служба США работали над советско-американским проектом "Сравнительная металлогения Аляски и Дальнего Востока СССР". Проектом руководил сотрудник Геологической службы США д-р Д. Грайбек (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 56)¹; в 1991 г. сотрудники ИВЭП совместно с учёными Института физиологии растений Отделения биологии АН КНДР проводили совместные исследования по интродукции мяты колосистой на территории Хабаровского края (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 13); ИЭИ проводил совместные исследования по экономическому развитию Дальнего Востока России, развитию свободной экономической зоны в районе Тумангана и содействию торговле и инвестициям в АТР с Фондом Мира Сасакава (Япония) и Институтом подготовки хозяйственных руководителей провинции Цзилинь (КНР) (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 85) и др.

С 1992 г. интенсивность международных связей ДВО РАН возросла и стала практически глобальной как на уровне личных связей учёных, так и на уровне межинститутских отношений. Значительную роль в этом сыграло "открытие" в мае – сентябре 1991 г. дальневосточных городов для посещения их иностранцами (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 59) и подписание президентами США и России Дж. Бушем-старшим и Б. Н. Ельциным 17 июня 1992 г. "Хартии российско-американского партнерства и дружбы", в которой была подтверждена обоюдная заинтересованность в расширении двусторонних обменов в области науки, техники и культуры [18, с. 432].

В мае 1992 г. для советника президента США по науке и технологии А. Бромли 120 американскими экспертами был подготовлен доклад "Переориентация исследовательского потенциала бывшего Советского Союза" [11, 12]. В докладе рассматривались и предлагались различные способы и направления сохранения и переориентации науки и техники бывшего Советского Союза в интересах США.

Среди главных направлений переориентации в данном докладе были названы направления, которые активно развивались в институтах ДВО РАН: энергетика, экология, химия, геология, математика, биология и биологическое разнообразие, развитие прибрежных зон и проч.

После публикации доклада в институты ДВО РАН стали приезжать представители государственных структур, общественных и научных организаций США, других зарубежных научных организаций и фондов с целью ознакомления с состоянием фундаментальной науки в ДВО РАН, переориентации военно-промышленного сектора дальневосточной науки на гражданские проекты и организации сотрудничества в различных направлениях науки.

В июле 1992 г. ряд институтов ДВО РАН (г. Владивосток, г. Хабаровск, г. Магадан) посетила представительная делегация из США во главе с министром внутренних дел (по вопросам о земле и минеральным ресурсам) М. Луханом. Целью её приезда было общее знакомство с наукой на Дальнем Востоке и научно-исследовательскими институтами, а также изучение вопросов, связанных с созданием Международного парка "Берингия" (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 155; Д. 1044. Л. 71).

Для организации пребывания в ДВО РАН данной делегации города Владивосток, Хабаровск и Магадан предварительно посетили двое учёных из Геологической службы США: руководитель отделения геологии Аляски

¹ НА ДВО РАН – Научный архив Дальневосточного Отделения Российской Академии наук

В. Вайт и сотрудник того же отделения Д. Грайбек (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1044. Л. 33).

С 28 октября по 8 ноября 1992 г. ДВО РАН посетила представительная делегация Госдепартамента США в количестве 20 человек во главе с М. Прачником, руководителем отдела по научному сотрудничеству и технологиям Госдепартамента. В состав делегации входили видные экологи, ботаники, координаторы экологических программ штатов, руководители различных отделов Госдепартамента, представители департамента охраны окружающей среды штата Аляска и др. (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 47–49, 153, 198; Д. 1043. Л. 154; Д. 1044. Л. 34; Д. 1046. Л. 14 и др.).

Во время визита делегация посетила региональные научные центры и институты ДВО РАН. Были изучены возможности сотрудничества между Дальним Востоком России и США. В результате делегация Госдепартамента США заявила о готовности оказать содействие американским учёным, имеющим гранты, в выделении дополнительных ассигнований для совместных исследований с дальневосточными учёными. Был подготовлен пакет программ из 19 проектов по организации совместных исследований ДВО РАН с научными организациями США (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 154; Д. 1044. Л. 34; Д. 1042. Л. 198).

По линии американской неправительственной организации "Пипл ту пипл" ("People-to-people") в 1992 г. в ДВО РАН побывала делегация экологов из США и Канады в количестве 26 человек во главе с проф. Катлером, руководителем Центра по охране окружающей среды штата Вирджиния (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 14).

В 1992 г. ИВЭП ДВО РАН принимал официальную делегацию Тихоокеанского Центра энергетики и природных ресурсов (США) и 4 делегации японских энтомологов во главе с Президентом энтомологического общества Японии проф. Шун Ичи Уэно (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 13–14); ИАПУ ДВО РАН – делегацию Министерства энергетических ресурсов КНР и делегацию Китайского национального центра морских технологий (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 47–49); СВКНИИ ДВО РАН – делегацию учёных США и Канады в количестве около 40 человек, прибывших в Магадан в рамках "Амбассадор-программы" и связанной с состоянием научной изученности экологических проблем и рационального природопользования (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 52) и др.

Всего за 1992 г. институты ДВО РАН посетили 1176 иностранных учёных, представителей правительственных организаций и деловых кругов. Лидерами по приёму иностранных учёных в 1992 г. являлись БПИ (409 человек), СВКНИИ (200 человек), ИИАЭ (91 человек), ИЭИ (80 человек), ИВЭП (67 человек), ТОИ (64 человека), ИПМ (60 человек), ТИГ (60 человек), ИХ (47 человек), ИАПУ (40 человек) (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 47–49, 152–153; Д. 1043. Л. 57; Д. 1045. Л. 48–50, 162; Д. 1046. Л. 13–15, 36–37, 85–89, 140–137).

Международные научные связи институтов ДВО РАН в 1992–1993 гг. осуществлялись преимущественно в форме двухсторонних обменов учёными и специалистами в рамках международных программ и проектов, а также в виде участия в работе международных конференций, симпозиумов, совместных научных экспедиций на территории России и за рубежом.

Динамику международных контактов институтов ДВО РАН в 1992–1993 гг. можно представить в виде следующей таблицы (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в 1993 г. количество принятых иностранных коллег и количество сотрудников ДВО РАН, побывавших в зарубежных научных командировках и стажировках, сократилось, однако в 2,4 раза увеличилось количество реализуемых совместных проектов. Можно предположить, что сокращение ассигнований на обоюдные поездки в 1993 г. позволило различным международным фондам значительно увеличить объём материальной помощи для проведения совместных научных исследований.

География международных связей институтов ДВО РАН в 1992–1993 гг.

Согласно планам международного сотрудничества в 1992–1993 гг. ДВО РАН осуществлял связи с учёными, научными, общественными и прави-

Табл. 1. Динамика роста международных контактов институтов ДВО РАН
 Table 1. Dynamics of the Growth of International Contacts of the Institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

	1992	1993
Количество совместных проектов	85	200
Количество принятых иностранных коллег	1176	400
Количество сотрудников, побывавших в зарубежных научных командировках и стажировках	443	300

Источник: таблица составлена по (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 18–20, 47–49, 60, 88–89, 104, 133, 144, 152–153, 196–198; Д. 1043. Л. 52–60, 103–107, 145–147, 153–155, 161, 175; Д. 1044. Л. 32–35, 70–73, 102–111, 131–134, 151, 181–185, 203; Д. 1045. Л. 160–162; Д. 1046. Л. 13–16, 64–65, 85–91, 118, 133–138; Д. 1068. Л. 53).

Source: (Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Archive FEB RAS). Fond 17. Series 1. File 1042. P. 18–20, 47–49, 60, 88–89, 104, 133, 144, 152–153, 196–198; File 1043. P. 52–60, 103–107, 145–147, 153–155, 161, 175; File 1044. P. 32–35, 70–73, 102–111, 131–134, 151, 181–185, 203; File 1045. P. 160–162; File 1046. P. 13–16, 64–65, 85–91, 118, 133–138; File 1068. P. 53).

тельственными организациями: США (Госдепартамент США, Геологическая служба США, Национальное управление по исследованию океана и атмосферы, Национальный институт рака, Ново-Мексиканский Институт горного дела и технологии, Служба Рыбы и Дичи и др.); Канады (Канадский институт океанических и др.); Японии (Геологическая служба Японии, Институт прикладной механики университета Кюсю, Японская ассоциация защиты диких гусей, СОТОБО, Институт экономических исследований СССР и Восточной Европы, Фонд Мира Сасакава и др.); КНР (Академия наук КНР и Академия наук провинции Хэйлунцзян, а также входящие в их структуру научные институты и др.); Республики Корея (Институт океанографии Сеульского университета и др.); КНДР (Институт физиологии растений Отделения биологии АН КНДР); Германии (Геологическая служба Германии, университеты Гамбурга и Майнца); Австралии (Австралийский институт морских наук); Швеции (Шведский музей естественной истории); Франции (Геологическая служба Франции, Университет Пьера и Мари Кюри, Отдел лесной зоологии Национального института агрономии, Институт изучения СССР, Центральной и Восточной Европы); Италии (Геологическая служба Италии, Римский и Флорентийский университеты); Нидерландов (Общество по экотоксикологии и охране окружающей среды нидерландского токсикологического общества); Швейцарии (Швейцарский федеральный институт технологий, Федеральный институт леса, ландшафтов и специального покрова); Новой Зеландии (Новозеландский институт индустриального исследования и развития); Финляндии (Университеты г. Оулу и г. Хельсинки), Болгарии (Центр океанской инженерии); Дании (Институт петрологии Копенгагенского университета); Монголии (Академия наук Монголии, Институт физики и техники); Тайваня (Национальный тайваньский университет, Национальный тайваньский океанологический университет, Национальный университет им. Сунь Ятсена) и других стран.

Сотрудничество проводилось на основании заключённых протоколов и соглашений. Использовались следующие формы: обмен делегациями, научной информацией, литературой и периодической печатью; проведение совместных исследований, симпозиумов, конференций, археологических экспедиций, стажировок исследователей и проч. (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 133, 118).

Наиболее тесные связи были установлены в 1992 г. у ТОИ с Национальным Тайваньским университетом, Национальным Тайваньским океанологическим университетом, Национальным университетом им. Сунь Ятсена; у ИВЭП с Институтом физиологии растений Отделения биологии АН КНДР; у КИЭП с Национальной лабораторией морских млекопитающих, Службой Рыбы и Дичи, Департаментом зоологии университета Рэллэй (США) и Япон-

ской ассоциацией защиты диких гусей; у ИЭИ с Осокским университетом экономики и права, СОТОВО, Институтом экономических исследований СССР и восточной Европы, Фондом мира Сакава (Япония), Университетом Вашингтон (США), Институтом подготовки хозяйственных руководителей провинции Цзилинь (КНР), Институтом изучения СССР, Центральной и Восточной Европы (Франция); у ИКАРП с Исследовательским институтом ПРАУТ (США); у ИАПУ с Институтом физики и техники (Монголия), Институтом автоматике Академии наук провинции Хэйлунцзян (КНР) и Осакским университетом (Япония); у ИПМТ с Шеньянским институтом автоматике и Акустическим институтом АН КНР, Институтом океанических наук Канады, Центром океанской инженерии Болгарии (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 47; Д. 1045. Л. 160; Д. 1046. Л.13-14, 85, 118) и т. д.

Наиболее значимые международные проекты ДВО РАН в 1992–1993 гг.

Рассмотреть все международные проекты, в которых принимали участие институты ДВО РАН в небольшой статье, не представляется возможным. Остановимся на характеристике наиболее значимых.

Так, например, в период с 8 июня по 17 августа в 22 рейсах НИС "Академик Несмеянов" сотрудниками ТОИ были проведены совместные российско-немецкие комплексные исследования пространственно-временной изменчивости потока вещества на границах "континент – Тихий океан и дно – водная толща, а также оценка их влияния на экологические условия в прибрежной зоне Беренгова и Охотского морей и открытых районов Тихого океана". Немецкая сторона была представлена сотрудниками центра "ГЕОМАР" Кильского и Гамбургского университетов (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 161).

Сотрудники ряда лабораторий КИЭП совместно с Национальной лабораторией морских млекопитающих (США) в 1992 г. занимались изучением причин снижения численности сивуча на всем протяжении ареала российских и американских вод, влияния популяции ларги на ресурсы ценных видов лососей, а с Американской Службой Рыбы и Дичи – изучением роли калана в экосистемах Северной Пасифики, морских колониальных птиц, реинтродукцией алеутской казарки на юге Камчатки и Северных Курилах (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 13–16).

ИЭИ провёл в июле 1992 г. в Хабаровске экономический семинар по вопросам организации финансирования региональных проектов. В нём приняли участие 7 представителей японской финансовой корпорации развития Северо-Восточных территорий (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 91).

Археологами ИИАЭ летом 1992 г. было проведено 5 совместных экспедиций: три с японским обществом "Хоппо Юрасиа", в которых приняли участие 12 японских археологов, одна с археологами КНДР (с корейской стороны было 6 человек) и экспедиция с археологами РК, в которой участвовали 13 южнокорейских археологов и журналистов (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 124).

Сотрудники ИКИР участвовали в проведении работ по международной программе "СТЕР": "Энергетика солнечно-земных связей" в части организации и проведения исследований геомагнитных пульсаций и медленных вариаций геомагнитного поля на северном участке Камчатско-Японско-Австралийской магнитной трубки (210-й магнитный меридиан) с использованием передаваемых Нагойским университетом (Япония) магнитно-вариационных станций (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 18).

Исследователи ИАПУ совместно с Институтом физики и техники (Монголия) занимались разработкой сверхновой технологии создания солнечных элементов с повышенным КПД, а совместно с сотрудниками Осацкого университета (Япония) – исследованием взаимодействия упорядоченных поверхностных структур металлов на Gi (III) с атомарным водородом (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 59).

В ИХ, в совместной Российско-Китайской лаборатории, была подготовлена экспериментально-техническая база для нейтронно-активационного рентгенорадиометрического анализа (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 133).

В ТИБОУ в сотрудничестве с Австралийским институтом морских наук, Океанографическим институтом США и Новозеландским институтом индустриального исследования и разработок были проведены совместные исследования физиологически активных соединений, выделенных из морских микроорганизмов, проявляющих антивирусные и антимикробные свойства; с Новозеландским центром научных исследований проводились работы по поиску среди морских микроорганизмов штаммов, деградирующих хитин до различных хитоолигосахаридов, имеющих практическое значение в качестве исходных продуктов для экологически чистых гербицидов (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 197).

Группа учёных ДВГИ продолжала работу по проекту "Сравнительная металлогения Дальнего Востока России, Аляски и Канадских Кордильер". В июле – августе 1992 г. в Анкоридже (Аляска) и Ванкувере (Канада) состоялись рабочие встречи по этому проекту, на которых от ДВГИ присутствовали 4 человека, в том числе директор института И. Я. Некрасов (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1044. Л. 32).

В ИВ были продолжены работы по советско-американскому проекту "Изучение сильных эксплозивных извержений" – сравнительное изучение отложений, связанных с катастрофическими извержениями типа направленных взрывов на андезитовых и дацитовых вулканах. Были проведены исследования на вулкане Безымянный (Камчатка) и Сент-Хеленс (США); получены материалы, подтверждающие абсолютную аналогию процесса направленного взрыва на исследованных вулканах, доказательства наличия в отложениях направленного взрыва двух типов ювенильных пород – плотных и пористых (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1044. Л. 103).

ИВГИГ принимал участие в реализации международных программ "Геохимия морских осадков – GEMS" и "Корреляция тейфры на суше и на море – ATLAS" (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1044. Л. 133).

В рамках Сахалинского нефтегазового проекта ИМГИГ совместно с американскими специалистами из консорциума МММ и фирмы ЕОЕ были выполнены исследования по сейсмичности Сахалина (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1044. Л. 185).

БПИ участвовал в 6 международных проектах по теме "Экология и разнообразие животного мира Дальнего Востока, его рациональное использование и охрана": "Российско-японская восточно-азиатская программа" (японские университеты Сейка Киото и Кьюсю), "Изучение кокцинелл и других энтомофагов для использования их в биологической борьбе в агросистемах" (Южно-китайский сельскохозяйственный университет), "Охрана перелетных птиц и мест их обитания" (Общество диких птиц Японии, институт орнитологии Ямасина и Международный фонд охраны журавлей), "Выяснение современного состояния редких, колониальных и других групп птиц природных и антропогенных ландшафтов" (Корейский институт орнитологии), "О научно-техническом сотрудничестве по биохимическому изучению микроэлементов в фитоценозе и в поле" (Научно-исследовательский институт почвоведения и удобрений Хэйлунцзянской АН), "Экологическое изучение рек территорий, расположенных вокруг Японского моря" (Японское общество содействия науке) (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 52–53).

Сотрудники ИБПС работали по программе "Трансберингийские связи птиц и млекопитающих" совместно с Музеем Бурке (университет штата Вашингтон): были проведены экспедиционные работы на северо-охоотском побережье, Колымском нагорье, низовьях Колымы, Анадыря и Камчатки (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 145).

СВКНИИ продолжил работу над исследовательским проектом "Берингийские палеоклиматы и палеораствительность" (университеты Вашингтонский, Массачусетский, Цинциннати, Аляски, Огайо). В результате российско-американских исследований, проведенных в ледниковых районах бассейнов Верхней Колымы и на Аляске, получены новые данные о развитии растительного покрова и различных фитогеографических областях в позднем плейстоцене и голоцене и выявлены наиболее тонкие изменения климата, представляющие значительный интерес для прогнозирования климатических изменений в будущем (НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 49).

В АмурКНИИ был реализован международный проект "Границы в мезозое и корреляция разрезов Дальнего Востока России и Китая" (АН КНР): проведены полевые исследования разрезов мезозоя провинции Хэйлуцзян, Ляонин, Джалин; в палинологическом институте (г. Нанкан) просмотрены коллекции палеонтологического материала **(НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 92)**.

Сотрудниками ТОИ в совместной российско-тайваньской экспедиции на НИС "Академик М. А. Лаврентьев" (март–апрель 1992 г.) выполнена пространственная съёмка рельефа дна для оценки его влияния на ветвление течения Куроисио; российско-немецкой экспедиции на НИС "Академик Несмеянов" (июнь–август 1992 г.) проведены комплексные исследования пространственно-временной изменчивости потока вещества на границах: континент-Тихий океан и дно-водная толща и оценено их влияние на экологические условия в прибрежной зоне Берингова и Охотского морей и открытых районов Тихого океана; российско-тайваньской экспедиции (Национальный тайваньский университет, Национальный тайваньский океанологический университет, Национальный университет им. Сунь Ятсена) (июнь–август 1992 г.) на НИС "Академик А. Виноградов" было изучено состояние физических, химических и биологических процессов в пространственно-временной изменчивости потока углерода в системе атмосфера-морская вода-донные осадки с целью оценки долгопериодных колебаний климата **(НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1045. Л. 160)**.

Сотрудниками ТИГ были проведены совместные полевые экспедиции с делегацией Городского университета г. Осака по древним археологическим стоянкам и четвертичным террасам в пределах Приморского края; с Шеньянским институтом прикладной экологии – по оценке загрязнения оз. Ханка; по разработанной совместно с Университетом Южная Алабама (США) методике экспедиция по отбору проб в районах интенсивного техногенного загрязнения. Были продолжены работы с Институтом охраны природы штата Айдахо (США) по сохранению амурского тигра **(НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 38)**.

ИКАРП провел Международный симпозиум "Человеческое измерение региональных проблем развития" (г. Биробиджан, 3–10 октября 1992 г.). На симпозиуме происходило обсуждение экономических, социальных, экологических и этнических проблем регионов. В нём приняли участие около 100 человек из России, стран СНГ, Японии, Китая, США, Дании, Монголии, Чехии и др. **(НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 118)**.

В 1993 г. заметно активизировался обмен научно-технической информацией и научной литературой, гербарными коллекциями и другими материалами. Почти в три раза возросло количество публикаций в зарубежных изданиях. Регулярными стали взаимные стажировки и обмен специалистами. За рубеж в 1993 г. выезжало около 300 учёных из научно-исследовательских учреждений ДВО РАН, прежде всего с целью непосредственной работы в лабораториях институтов, заповедниках и т. п., а также по целевым приглашениям для чтения лекций и оказания научно-методической и консультационной помощи.

В институты ДВО РАН приезжало около четырёхсот иностранных учёных с целью установления контактов, продолжения совместных работ и исследований, для участия в конференциях и симпозиумах, а также чтения лекций. Наибольшее количество учёных принимали такие институты, как ИЭИ (70 человек), БПИ (62 человека), ИХ (57 человек), ИБМ (40 человек) **(НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 53–54)**.

Финансировались международные связи, включая затраты на проведение экспедиций, поездки сотрудников институтов за рубеж, преимущественно за счет других стран или международных фондов, таких как Национальный научный фонд США, Фонд Макаруров (выделял российским исследователям гранты на индивидуальные исследования и на специальные проекты), Фонд Сороса (реализовывал программу в области точных наук, а также программу "Обновление гуманитарного образования в России") [16, с. 83–85], Фонд Исследовательского института ПРАУТ (США), СОТОБО, Фонд Института экономических исследований СССР и стран Восточной Европы, Фонд мира Сасакава (Япония), Специальный фонд для выплат персональных стипендий

и грантов талантливым молодым учёным и т. д. (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1043. Л. 153; Д. 1044. Л. 35; Л. 131; Д. 1046. Л. 11, 64–65).

Данные фонды предпочитали финансировать поездки на различные конференции, конкурсы индивидуальных и коллективных проектов по следующим научным направлениям: биологические ресурсы; изучение прибрежных зон; экологические проблемы и альтернативные источники энергии; экономическая и правовая реформа; права человека, в том числе и национальных меньшинств и женщин; независимые средства массовой информации и др.

В 1993 г. зарубежные связи ДВО РАН становятся преимущественно рабочими: улучшились личные контакты учёных институтов с иностранными коллегами; зарубежные научные центры от общих ознакомительных контактов перешли к работам с конкретными исследователями; стал заметным интерес иностранных учёных к написанию совместных монографий с учёными институтов ДВО РАН (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 54).

В 1993 г. институты ДВО РАН совместно с другими научными учреждениями Приморского края разработали Международную программу "Экологический мониторинг Японского и Охотского морей на радиоактивные отходы", которая должна была финансироваться правительством Японии. Для подготовки этой программы и обсуждения проблем утилизации радиоактивных отходов в ноябре 1993 г. ДВО РАН посетила делегация американской компании "Babcock Wilcox" (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 54).

В 1993 г. Дальневосточное отделение РАН посетили несколько делегаций Агентства по научно-промышленному и технологическому развитию Министерства внешней торговли и промышленности Японии с целью налаживания сотрудничества с дальневосточными учёными по таким направлениям, как переработка рыбопродукции, древесины и обработка металлов. Предполагалось установить компьютерный центр с системой автоматического проектирования AutoCAD, на что правительство Японии выделило 30 млн долл. США (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 55).

Среди международных мероприятий 1993 г. необходимо отметить: "Круглый стол–93" по проблемам экологии, экономики, истории взаимоотношений России и Кореи (Сеул, РК), в котором от ДВО РАН приняли участие 6 исследователей во главе с председателем ДВО, акад. Г. Б. Еляковым; Международное совещание по программе "Палеоклиматы арктических озёр и эстуариев" (Владивосток, март; организаторы – СВКНИИ, ИАПУ); Российско-тайваньское совещание по результатам совместных экспедиций по проекту KEEP-MASSTY и программе JGOFs (Владивосток, август; организатор – ТОИ) (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 56); Рабочее совещание экспертов из России, США, Канады, Японии, Южной Кореи, КНР по программам долгосрочного сотрудничества океанологических учреждений в области разработки моделей циркуляции морей (Владивосток, сентябрь; организатор – ТОИ); Международная конференция "Российский Дальний Восток в контексте новых международных отношений" (Хабаровск, июнь; организаторы – ИЭИ ДВО РАН, Дипломатическая академия МИД РФ и Монтерейский институт международных отношений, США); Девятый Международный симпозиум историков и экономистов российского Дальнего Востока и района Кансай, Япония (с 26 по 28 сентября, Владивосток, в ИИАЭ; с 30 сентября по 1 октября в Хабаровске, в ИЭИ); Первый международный симпозиум "Археология Северной Пацифики" (Владивосток, апрель; организатор – ИИАЭ). В нём приняли участие 79 человек из США, Японии, КНР, России (НА ДВО РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 1068. Л. 57).

Руководители различных международных программ, финансируя совместные проекты и оригинальные исследования дальневосточных учёных, преследовали свои цели и исходили из своего видения развития России. По мере того, как им становилось очевидным, что Россия не собирается во всем следовать рекомендациям из США и Западной Европы, количество программ и объём финансирования стали снижаться, а финансовые средства перенаправлялись в другие постсоветские страны.

Заключение

Таким образом, в 1992–1993 гг. особенностью международного сотрудничества институтов ДВО РАН являлась существенная материальная поддерж-

ка дальневосточной науки со стороны международных научных организаций и фондов. По сути, в ДВО РАН наблюдалась усиливающаяся зависимость многих институтов ДВО РАН от зарубежных фондов и организаций.

Работая в России, представители научных фондов и организаций, вовсе не являясь альтруистами, преследовали свои цели, как материального, так и нематериального характера: от сотрудничества с академическими учреждениями российского Дальнего Востока через систему фондов. Япония, Корея, США и другие страны получили в ходе выполнения совместных проектов интересные научные результаты, у них появился доступ к уникальным и нигде ранее не публиковавшимся данным, доступ к специфическим географическим районам (это было особенно важно в таких науках, как геология, вулканология, зоология, ботаника, науки о Земле и проч.). Однако, справедливости ради, следует сказать, что они оказали существенную помощь дальневосточной науке в трудный период её выживания.

Реализация индивидуальных исследовательских проектов за рубежом представителями академических институтов ДВО РАН далеко не всегда вела к усилению исследовательского потенциала последних. Напротив, многочисленные стажировки стали одним из наиболее явных механизмов "утечки мозгов" – стажёры часто не возвращались в институты, их пославшие, предпочитая научную карьеру за границей или переход на работу в частный сектор.

Тем не менее, материальная помощь со стороны зарубежных организаций учреждениям ДВО РАН, а также отдельным исследователям помогла материально многим дальневосточным исследователям тогда, когда это не могло сделать российское государство.

Литература / References

1. Аллахвердян А. Г. Российская наука 90-х: радикальное сокращение финансирования, кадрового состава и проблема "утечки умов" // Архивное образование в научно-технической и экономической реальности современной России. М.: РГГУ, 2002. С. 7–46.
Allakhverdyan A. G. Russian Science of the 90s: Radical Reduction of Financing, Personnel and the Problem of "Brain Drain" // Archival Education in the Scientific, Technical and Economic Reality of Modern Russia. Moscow: RGGU, 2002. P. 7–46. (In Russ.)
2. Аллахвердян А. Г., Дежина И. Г., Юревич А. В. Зарубежные спонсоры российской науки: вампиры или Санта-Клаусы. *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. № 5. С. 35–45.
Allakhverdyan A. G., Dezhina I. G., Yurevich A. V. Foreign Sponsors of Russian Science: Vampires or Santa Claus. *World Economy and International Relations*. 1996. № 5. P. 35–45. (In Russ.)
3. Барабашев А. Г., Пономарева Д. В. Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий. *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 7 (104). С. 115–122.
Barabashev A. G., Ponomareva D. V. Legal Regulation of Cooperation between the Russian Federation and the United States of America in the Field of Science and Technology. *Actual Problems of Russian Law*. 2019. № 7 (104). P. 115–122.
4. Бахмин В. О фондах в России. М.: Логос, 2004. 160 с.
Bakhmin V. On Funds in Russia. Moscow, Logos Publ., 2004. 160 p. (In Russ.)
5. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им. А. Гумбольдта) / Под ред. Чепуренко А. Ю., Гохберга Л. М. М.: РНИСиНП, 2005. 232 с.
Reproduction of the Scientific Elite in Russia: The Role of Foreign Scientific Funds (on the Example of the A. Humboldt Foundation) / Ed. by Chepurenko A. Yu., Gokhberg L. M. M.: RNISiNP, 2005. 232 p. (In Russ.)
6. Дежина И. Г. Вклад международных организаций и фондов в реформирование науки в России. М.: ИЭПП, 2005. 174 с.
Dezhina I. G. Contribution of International Organizations and Foundations to the Reform of Science in Russia. Moscow, IET Publ., 2005. 174 p. (In Russ.)
7. Дежина И. Г., Грэхем И. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. 239 с.
Dezhina I. G., Graham I. *Nauka v novoy Rossii: krizis, pomoshch, reformy*. Rostov-on-Don: SFU, 2009. 239 p. (In Russ.)
8. Дударенок С. М. Дальневосточное отделение в российской академии наук в начале 1990-х гг. *Труды института истории и этнографии*. 2023. Т. 45. С. 203–216.
Dudarenok S. M. Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the Early 1990s. *Transactions of the Institute of History and Ethnography*. 2023. T. 45. P. 203–216. (In Russ.)

9. Лебедев С. А., Мирский Э. М. Международный фонд CRDF как область сотрудничества российских и американских учёных. *Социс*. 1998. № 5. С. 127–133.
Lebedev S. A., Mirsky E. M. International CRDF Foundation as a Field of Cooperation between Russian and American Scientists. *SOC/IS*. 1998. № 5. P. 127–133. (In Russ.)
10. Мирская Е. З. Роль международных взаимодействий в профессиональной деятельности российских учёных. *Вестник РАН*. 1997. Т. 67. № 4. С. 291–299.
Mirskaya E. Z. The role of international interactions in the professional activities of Russian scientist. *Vestnik RAS*. 1997. Vol. 67, No. 4. P. 291–299. (In Russ.)
11. Наука в Сибири", 1993. № 14. С. 3. URL: https://www.sbras.info/system/files?file=archive/archive1961-2009/1993_14.pdf, 17–18.pdf (дата обращения: 08.01.2023)
Science in Siberia 1993. № 14. P. 3. URL: https://www.sbras.info/system/files?file=archive/archive1961-2009/1993_14.pdf, 17–18.pdf (accessed 08.01.2023) (In Russ.)
12. Наука в Сибири", 1993. №17. С. 7. URL: https://www.sbras.info/system/files?file=archive/archive1961-2009/1993_14.pdf, 17–18.pdf (дата обращения: 08.01.2023)
Science in Siberia 1993. №17. P. 7. URL: https://www.sbras.info/system/files?file=archive/archive1961-2009/1993_14.pdf, 17–18.pdf (accessed 08.01.2023) (In Russ.)
13. Наука России в цифрах. 1993: Крат. стат. сб. М.: ЦИИИ, 1994. 239 с.
Russian Science in Figures. 1993: Krat. stat. Moscow, 1994. 239 p. (In Russ.)
14. Наука России в цифрах. 1997: Крат. стат. сб. М.: ЦИИИ, 1997. 241 с.
Russian Science in Figures. 1997: Krat. Stat. Moscow, CISN Publ., 1997. 241 p. (In Russ.)
15. Отечественная наука и научная политика в конце XX в.: Тенденции и особенности развития (1985–1999) / отв. ред. Л. М. Гохберг. М.: Фонд современной истории; Изд-во МГУ, 2011. 320 с.
Russian Science and Scientific Policy at the End of the Twentieth Century: Trends and Features of Development (1985–1999) / Ed. by L. M. Gokhberg. Moscow: Contemporary History Foundation; Moscow State University Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)
16. Сазанова Н. В. Российские наука и образование в 1990-е гг. и американская внешняя политика. *Интерактивная наука*. 2017. № 11. С. 83–85.
Sazanova N. V. Russian Science and Education in the 1990s and American Foreign Policy. *Interaktivnaya Nauka (Interactive Science)*. 2017. № 11. P. 83–85. (In Russ.)
17. Сазанова Н. В. Российско-американские обменные программы: история и современность (1958–2005 годы). *Вестник ВолГУ*. 2007. Сер. 4. Вып. 12. С. 101–107.
Sazanova N. V. Russian American Exchange Programs: History and Modernity (1958–2005). *Vestnik VolGU*. 2007. Ser. 4. Issue 12. P. 101–107. (In Russ.)
18. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 года, Вашингтон // Внешняя политика России: Сб. документов. 1990–1992 / МИД РФ; ред.: Л. И. Гецелевич. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 431–437.
Charter of Russian American Partnership and Friendship. June 17, 1992, Washington // Foreign Policy of Russia: Coll. Documents. 1990–1992 / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Ed. by L. I. Getselevich. Moscow: International Relations, 1996. P. 431–437. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударенок, д-р ист. наук, профессор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию 19.03.2025

Одобрена после рецензирования 17.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 19.03.2025

Approved 17.02.2026

Accepted 26.02.2026

Сообщение
УДК 929
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/173-177>

Профессор Наталья Алексеевна Шабельникова: к юбилею ученого

Алексей Вячеславович Усов
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,
Владивосток, Россия, epronhist@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен творческий путь профессора Натальи Алексеевны Шабельниковой – более трёх десятилетий посвятившей изучению Дальневосточного региона. Обращено внимание на то, что большая часть её трудового пути связана с Владивостокским филиалом Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. Отмечены заслуги Н. А. Шабельниковой в создании научной школы "История правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России". Проанализирован вклад Натальи Алексеевны – педагога и учёного – в развитие образования и науки на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: *биография, Шабельникова, история, наука, образование, научная школа, МВД*

Для цитирования: Усов А. В. Профессор Наталья Алексеевна Шабельникова: к юбилею ученого. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 173–177.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/173-177>

Message
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/173-177>

Professor Natalia Alekseevna Shabelnikova: on the anniversary of the scientist

Alexey V. Usov
Russian State Historical Archive of the Far East, Russia, Vladivostok, epronhist@yandex.ru

Abstract. The article examines the creative path of Professor Natalia Alekseevna Shabelnikova, who has devoted more than three decades to the study of the Far Eastern region. Attention is drawn to the fact that most of the work path is connected with the Vladivostok branch of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The merits of N. A. Shabelnikova in the creation of the scientific school "The History of law enforcement agencies and special services in the Russian Far East" are noted. The contribution of Natalia Alekseevna, a teacher and scientist, to the development of education and science in the Russian Far East is analyzed.

Key words: *biography, Shabelnikova, history, science, education, scientific school, Ministry of Internal Affairs*

For citation: Usov A. V. Professor Natalia Alekseevna Shabelnikova: on the anniversary of the scientist. *Ojkuмена. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 173–177. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/173-177>

Наталья Алексеевна Шабельникова – учёный, специалист в области истории российского Дальнего Востока. За этим именем встает образ требовательного профессора, энергичного и доброжелательного человека.

Родилась Наталья Алексеевна в семье, чьи корни и традиции изначально определили и характер, и вид деятельности будущего профессора. Мама – Деревянко Юлия Степановна – заслуженный работник физической культуры Российской Федерации, доцент, более 50 лет проработала в высших учебных заведениях г. Владивостока (более 40 лет – в Дальневосточном политехническом институте). Отец – Деревянко Алексей Пантелеевич – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, специалист в области российской и дальневосточной истории советского периода.

Андрея Ивановича Крушанова (1921–1991) – советского историка, академика АН СССР, специалиста по истории Дальнего Востока XIX–XX вв., одного из основателей академической науки на Дальнем Востоке, Наталья Алексеевна знала с детства. Особая радость от общения была с известными археологами – академиком Алексеем Павловичем Окладниковым и будущим академиком Анатолием Пантелеевичем Деревянко, ныне крупным специалистом в области археологии и древней истории. Игрушечного ярко-рыжего пушистого лисёнка, подаренного академиком Окладниковым, Наталья Алексеевна долго хранила как любимую игрушку.

В 1982 г. юная Наталья окончила среднюю школу № 18 г. Владивостока. Поступление на исторический факультет Дальневосточного государственного университета было не случайным, а осознанным решением. Знакомство с

Фото 1. Наталья Алексеевна Шабельникова.

Photo 1. Natalia Alekseevna Shabelnikova.

Источник: архив автора.

Source: author's archive.

выдающимися учёными и семейная атмосфера оказали влияние на выбор будущего историка и педагога. Любимыми предметами в школе были литература и история. Историю преподавала замечательный педагог и учитель с большой буквы Нина Ивановна Голотина.

В 1987 г. Наталья Алексеевна окончила исторический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) по специальности – историк, преподаватель истории и обществоведения. Обучение на истфаке было направлено на освоение знаний и расширение мировоззрения, а главное – постижение истории.

После окончания аспирантуры в стенах alma mater по специальности "Отечественная история" молодой историк работала на кафедре всеобщей истории ДВГУ, читала курс "История средних веков". Приобретенный за годы работы в университете интерес к средневековой истории сохранился до настоящего времени.

Под руководством профессора Владимира Фёдоровича Печерицы в 1994 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме "Высшее педагогическое образование на Дальнем Востоке России (1975–1985 гг.)" в дис-

сертационном совете Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). В 2001 г. получила учёное звание "доцент".

Большая часть профессионального и творческого пути Натальи Алексеевны (от старшего преподавателя до профессора) с 1996 г. по настоящее время связана с Владивостокским филиалом Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова.

Многие годы, проведённые за письменным столом, в длительных командировках в центральные библиотеки и архивы, участие в различных конференциях привели к защите в 2002 г. докторской диссертации по теме "Милиция Дальнего Востока России (1922–1930 гг.): исторический опыт организации и деятельности" в диссертационном совете Дальневосточного государственного университета по специальности "Отечественная история". Научным консультантом у доцента Шабельниковой был замечательный учёный – доктор исторических наук, профессор Виктор Владимирович Сонин. В 2010 г. Наталья Алексеевна получила аттестат профессора.

Защита докторской диссертации активизировала научную деятельность ученого. В настоящее время Н. А. Шабельниковой опубликовано свыше 300 научных работ, из них – 16 монографий (6 – индивидуально).

На рубеже тысячелетий Наталья Алексеевна работала по гранту Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-00078а). Результатом явилась подготовка и издание монографии "Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922–1930 гг.)", увидевшей свет в 2002 г. Второе издание этого труда, дополненное и переработанное, радует читателей с 2024 г.

В настоящее время профессор Шабельникова неизменно продолжает осуществлять оппонирование и рецензирование диссертационных работ исследователей, представляемых на соискание учёных степеней доктора наук и кандидата наук. С 2015 г. является заместителем председателя диссертационного совета Д 24.2.296.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук при ФГАОУ ВО "Дальневосточный федеральный университет".

Наталье Алексеевне присущи такие качества, как последовательность, наступательность и настойчивость в достижении поставленных целей и задач, и в этом плане она является примером для своих воспитанников: докторантов, аспирантов, адъюнктов, соискателей, курсантов и студентов.

Наталья Алексеевна Шабельникова является основателем и руководителем научной школы по истории правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России. Под её руководством защищено 11 диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и 4 – на соискание учёной степени доктора наук.

В рамках научной школы защитили кандидатские диссертации: В. Н. Караман – "Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20–30-е гг. XX века", Д. В. Брызгалов – "Миграционная политика Российской Федерации в Дальневосточном регионе и роль органов внутренних дел в ее реализации", С. Н. Бакшутев – "Высшее милицейское образование на Дальнем Востоке России в 1991–2011 гг.", М. В. Полянский – "Организация и деятельность пограничной охраны советского государства в 1917–1922 гг.", А. В. Жадан – "Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности", К. О. Никонов – "Деятельность железнодорожной жандармерии на Дальнем Востоке Российской империи (1893–1917 гг.)", А. М. Виноградов – "Деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в Приморском крае (1991–2011 гг.)", Н. В. Ляскина – "Деятельность органов милиции по борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)" и др.

Заметный вклад в изучение дальневосточного региона внесли доктора исторических наук, защитившиеся под руководством профессора Н. А. Шабельниковой: Т. А. Орнацкая – "Юридическое образование и правовое просвещение на Дальнем Востоке России (1917–1941 гг.)", П. В. Виноградов – "Военно-техническое сотрудничество России с союзниками в годы Первой мировой войны: дальневосточное измерение", В. Ж. Дорохов – "Деятельность органов внутренних дел Дальнего Востока по обеспечению государственной и общественной безопасности в условиях обострения советско-китайских отношений: 1959–1972 гг.", А. В. Жадан "Органы НКВД Дальнего Востока в 1941–1945 гг.: исторический опыт борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка".

Традиции научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России продолжают ученики – адъюнкты В. И. Позднякова, Е. С. Ширина, В. Д. Климов. Научные рефераты, выполненные в рамках руководства научно-исследовательской работой курсантов, занимали призовые места на различных конкурсах.

Взаимодействуя с курсантами, студентами, аспирантами и докторантами, Наталья Алексеевна не просто "присутствует" при развитии природного таланта, а, благодаря творческому подходу к работе и увлечённостью наукой, активно обучает молодых исследователей.

На протяжении ряда лет профессор Шабельникова тесно сотрудничает с Управлением по работе с личным составом УМВД России по Приморскому краю, осуществляя методическую и консультационную работу. Она проводит комплекс научных исследований по заявкам Управления, касающихся ряда актуальных тем, результаты которых в разные годы были успешно внедрены в практическую деятельность органов внутренних дел.

Основные направления исследований:

- изучение условий, организационных основ и особенностей формирования правоохранительных органов на Дальнем Востоке России;
- исследование кадровой политики в правоохранительных органах и её реализация на Дальнем Востоке России;

- анализ системы государственного обеспечения правоохранительных органов (состояния финансового и материального снабжения, условий труда и быта сотрудников);
- обобщение основных направлений, форм и методов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и охране общественного порядка;
- изучение высшего образования системы МВД в Дальневосточном регионе как часть государственной системы высшего профессионального образования;
- оценка форм и методов международного сотрудничества в правоохранительной сфере и другие.

Профессор образовательной организации – прежде всего Учитель. На протяжении 38 лет Наталья Алексеевна вместе с частичкой своей души передает открытым к знаниям студентам и курсантам основы отечественной истории, истории государства и права России, политологии, культурологии, методики научно-исследовательской работы.

На лекциях Натальи Алексеевны всегда интересно. Она читает эмоционально, доступно излагает сложные вопросы, побуждает к размышлениям. Есть у профессора любимая фраза: "Плохой учитель описывает, хороший – объясняет, отличный – показывает, а великий – вдохновляет". Щедро делаясь своими знаниями и опытом, она обладает умением заинтересовать читаемыми предметами. Неоднократно Наталья Алексеевна делилась некоторыми "секретами" педагогической деятельности, а именно:

- идти в аудиторию "как в первый раз", несмотря на то, что читаешь предмет уже несколько лет (или десятков лет);
- не переставать удивлять и удивляться;
- вежливость, доброжелательность и корректность по отношению к курсантам и слушателям;
- не ругать за то, что не знают – это поправимо; плохо – если не хотят знать;
- увлеченность и азарт к познанию, интерес к новым знаниям.

И, главное, – уважение, и еще раз, уважение к курсантам и слушателям.

В образовательном процессе используются более 50 авторских учебных и учебно-методических пособий по курсам "История России", "История государства и права России", "Политология", "Служебный этикет" и др. Более двадцати лет издательство "Проспект" издает учебное пособие "История России" в соавторстве с А. П. Деревянко, четвертое издание – в соавторстве с А. В. Усовым. Впервые вышло в 1998 г., а в 1999 г. было доработано и издано (в центральном издательстве) под грифом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. За научные достижения и за подготовку учебного пособия А. П. Деревянко и Н. А. Шабельникова в ноябре 1999 г. были награждены Грантом губернатора Приморского края. Н. А. Шабельникова ведёт активную общественную работу. Является членом Российского исторического общества и членом Совета отделения Российского исторического общества в Приморском крае. Приглашается для рецензирования научных и методических работ учёных России. Является заместителем главного редактора журнала "Клио", членом редакционной коллегии журнала "Вестник Дальневосточного юридического института МВД России" и журнала гуманитарных исследований "Новый человек в международной политике".

В ходе научного пути Наталья Алексеевна приняла участие более чем в 200 конференциях различного уровня: международных, общероссийских, региональных. География участия максимально широка, мероприятия состоялись в Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Новосибирске, Чите, Омске, Барнауле, Улан-Удэ, Иркутске, Красноярске, Хабаровске, Южно-Сахалинске и др.

Научные и учебные труды Н. А. Шабельниковой получили широкий общественный резонанс и внедрены в практику деятельности органов внутренних дел и учебный процесс образовательных организаций МВД Российской Федерации.

О заслугах профессора Шабельниковой свидетельствуют многочисленные награды, которых она удостоена: Благодарность Министра внутренних дел Российской Федерации (2008 г.); Почётная грамота Министра внутрен-

них дел Российской Федерации (2009, 2015, 2019 гг.); Нагрудный знак МВД России "За отличную службу в МВД" II степени (2016 г.); Медаль МВД России "За отличие в службе" III, II и I степеней (2006; 2011; 2016); Медаль МВД России "За доблесть в службе" (2018 г.); Медаль МВД России "За заслуги в научной и педагогической деятельности" (2025 г.). Указом Президента Российской Федерации в 2020 г. полковнику полиции Н.А. Шабельниковой присвоено почетное звание "Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации".

В юбилей Натальи Алексеевны выражаем надежду, что её активная преподавательская, научная и общественная деятельность не иссякнет, но наберёт новую производственную мощь. В отечественной историографии появятся новые страницы, написанные рукой профессора, и в науку придёт ещё не одно поколение учеников, среди которых мы увидим её внука Тимофея Алексеевича (2025 г. р.) – продолжателя династии историков.

Информация об авторе

Алексей Вячеславович Усов, директор Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Владивосток, Россия, epronhist@yandex.ru

Information about the author

Alexey V. Usov, director Russian State Historical Archive of the Far East, Russia, Vladivostok, epronhist@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.09.2025

Received 06.09.2025

Принята к публикации 26.02.2026

Accepted 26.02.2026

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Наименование журнала дается *курсивом*.
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022) или (accessed 31.12.2022)** для англоязычной версии списка литературы ("References").
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.), (In Jap.) и пр.
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Английская версия следует сразу после русской (или на языке оригинала с русским переводом), порядковый номер для языка оригинала и английского общий для обеих версий.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2026. Т. 20, № 1

Подписано к печати 03. 03. 2026 г. Вышло в свет 23. 03. 2026 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

